

Фрэнк Герберт

КАПИТУЛ

ДЮНЫ

Вселенная Дюны

Фрэнк Герберт
Капитул Дюны

«АСТ»

1985

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Герберт Ф.

Капитул Дюны / Ф. Герберт — «АСТ», 1985 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-091923-9

Досточтимые Матроны уничтожили планету Ракис и почти полностью завоевали Старую Империю. Сестры ордена Бене Гессерит создают новую Дюну на планете Капитул и вырабатывают стратегию, которая позволит им отвоевать утраченные позиции. Однако противник намерен продолжать наступление и строит свои хитроумные планы...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-091923-9

© Герберт Ф., 1985
© АСТ, 1985

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Фрэнк Герберт

Капитул Дюны

Frank Herbert
CHAPTERHOUSE OF DUNE

© Frank Herbert, 1985

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Те, кто желает повторения прошлого, должны преподавать историю.
(Кодекс Бене Гессерит)

Когда первого младенца гхола доставили в Капитул из первой, принадлежавшей Ордену лаборатории, Верховная Мать Дарви Одраде приказала устроить по этому поводу скромное торжество в столовой, расположенной на крыше Центральной Башни. Было раннее утро, и два других члена Совета – Тамалейн и Беллонда – проявляли нетерпение, хотя завтрак был сервирован личным поваром Одраде.

– Не всякой женщине удастся праздновать появление на свет собственного отца, – шутливо заметила Одраде после того, как Тамалейн и Беллонда высказали свое недовольство: им не пристало тратить время на пустяки при их неимоверной занятости.

На шутку вяло отреагировала лишь пожилая Тамалейн. На ее лице появилась кривая усмешка.

Заплывшее жиром лицо Беллонды оставалось бесстрастным, что для этой женщины было равносильно злобной гримасе.

Разве возможно, мысленно удивилась Одраде, чтобы Белл так открыто выражала свое недовольство по поводу относительной роскоши апартаментов Верховной Матери? Конечно, покои несли на себе отпечаток власти, но это была необходимость, отражавшая многочисленные обязанности Верховной, а не возвышение над остальными Сестрами. Небольшая столовая позволяла во время еды обсуждать дела вместе с помощниками.

Беллонда демонстративно оглядывалась по сторонам, всем своим видом выражая желание поскорее уйти. Одраде так и не смогла, несмотря на все усилия, пробить брешь в броне холодного отчуждения, которой окружила себя Беллонда.

– У меня было очень странное чувство, когда я держала младенца на руках и думала: *Это мой отец*, – заговорила Одраде.

– Ты уже говорила это, я слышала, – утробным голосом произнесла в ответ Беллонда. Казалось, каждое слово причиняет ей боль в животе.

Смысл неуклюжих шуток Одраде был, однако, совершенно ясен. Старый башар Майлс Тег действительно был отцом Одраде. Она лично собрала клетки погибшего военачальника (сделала соскоб с ногтей), чтобы вырастить этого нового гхола, эту часть «плана возможности», плана, который удастся воплотить в жизнь, если только им удастся воссоздать у себя лаборатории Тлейлаксу. Но Беллонда скорее согласилась бы быть уволенной, нежели поддержала шутки Верховной относительно их последней соломинки.

– Я нахожу это крайне легкомысленным, – заявила Беллонда. – Эти безумные бабы готовы истребить нас, а ты затеваешь какое-то празднество!

Одраде стоило некоторых усилий сохранить благожелательный тон.

– Если Досточтимым Матронам удастся отыскать нас до того, как мы будем готовы к встрече с ними, то отчасти это произойдет из-за нашего низкого морального духа.

Беллонда молча уставилась в глаза Верховной Матери. Во взгляде – безмолвное обвинение: *Эти ужасные женщины уже уничтожили шестнадцать наших планет!*

Одраде могла бы возразить, что эти планеты, строго говоря, нельзя было считать собственностью Бене Гессерит. Рыхлая конфедерация планетарных правительств, образовавшаяся после Великого Голода и Рассеяния, конечно, сильно зависела от Бене Гессерит, но одновременно продолжали существовать и старые группировки – ОСПЧТ, Космическая Гильдия, Тлейлаксу, остатки священства Разделенного Бога и даже вспомогательные отряды Говорящих Рыб и клики раскольников. Разделенный Бог оставил в наследство человечеству разделенную империю; и теперь все эти интригующие клики и группы, оказавшись перед лицом необузданных и страшных Досточтимых Матрон, были вынуждены искать союза. Бене Гессерит как организация, в наибольшей степени сохранившая свою исходную структуру, стала, естественно, первым объектом нападения.

Мысли Беллонды практически постоянно были заняты угрозой, исходящей от Досточтимых Матрон. Одраде знала об этой слабости. Иногда Одраде сомневалась, не стоит ли заметить Беллонду, но... клики и интриги поразили и Бене Гессерит, и никто не стал бы отрицать, что в этих условиях Беллонда, как никто другой, справлялась с руководством архивом.

Как это часто бывало, Беллонда, не говоря ни слова, сумела сосредоточить внимание Одраде на охотницах, которые со столь диким упорством преследовали Преподобных Матерей. Мысли эти испортили настроение тихого торжества, на которое сегодня утром так надеялась Верховная Мать.

Усилием воли она заставила себя думать о новом гхола. *Тег!* Если им удастся восстановить его исходную память, то Община Сестер снова получит в свое распоряжение самого лучшего башара, который когда-либо служил Бене Гессерит. Башар-ментат! Военный гений, чья доблесть уже стала легендой Старой Империи.

Но сможет ли даже Тег противостоять натиску женщин, вернувшихся из Рассеяния?

О боги, Досточтимые Матроны не должны найти нас! Не теперь!

Новый Тег являл собой непознанные возможности и неизвестность. Тайной была окружена и его смерть во время разрушения Дюны. *Тег сумел сделать на Гамму что-то такое, что возбудило необузданную ярость Досточтимых Матрон. Его самоубийственное поведение на Дюне само по себе не могло превратить Матрон в неистовых берсерков.* О том, что Тег делал на Гамму в последние дни перед прилетом на Дюну, можно было судить только по слухам и отрывочным сведениям. *Он приобрел способность двигаться с необычайно высокой скоростью. За ним невозможно было уследить взглядом!* Как он добился этого? Еще одно проявление диких способностей генов Атрейдесов? Мутация? Или это еще один миф о Теге? Община должна выяснить это как можно скорее, время не ждет.

Послушница принесла завтрак, и Сестры торопливо принялись за еду, стараясь побыстрее прекратить это пустое времяпрепровождение ввиду грозящей опасности.

Сестры давно покинули столовую, но Одраде никак не могла отделаться от потрясения, вызванного безмолвным страхом Беллонды.

И моим страхом тоже.

Она поднялась и подошла к широкому окну, из которого открывался вид на крыши низких домов, сады и пастбища, окружавшие Центральную Башню. Начало лета, а на ветвях уже начали созревать плоды. *Возрождение. Сегодня родился новый Тег!* При этой мысли Одраде не испытала никакого душевного подъема. Обычно вид на город успокаивал ее, но сегодня спокойствия не было и в помине.

Какова моя реальная сила? Кто меня поддерживает?

Ресурсы Верховной Матери были поистине неисчерпаемыми: верность тех, кто служил ей, военная сила, руководимая башаром, – учеником Тега (он сейчас был далеко, охраняя планету-школу Лампадас), ремесленники и инженеры, шпионы и агенты, работающие во всех уголках Старой Империи, бесчисленные работники, с надеждой взиравшие на Преподобных Матерей как на единственную защиту от Досточтимых Матрон, и все Преподобные Матери, владеющие Чужой Памятью, восходящей к доисторическим временам.

Без ложной гордости Одраде могла признаться себе, что находится на пике формы Верховной Матери, ее могущества. Если ее собственной памяти не хватало, то она всегда могла прибегнуть к помощи других Сестер, чтобы восполнить пробел. Были и машинные хранилища информации, но Одраде, повинаясь какому-то врожденному чувству, не доверяла технике.

Одраде едва не поддавалась искушению погрузиться в море чужой вторичной памяти – в эти подземные пласты сознания. Может быть, там ей удастся найти блестящее решение. Нет, это чересчур опасно! Можно потерять себя, очаровавшись множеством возможных вариантов, – сколько людей, столько и мнений... И какие это люди! Нет, Чужую Память надо оставить в покое, пусть она ждет своего часа. К ней стоит обратиться только в случае крайней необходимости.

Ясное сознание – это точка опоры и основа самостоятельности.

Здесь Одраде очень помогла странная метафора ментата Дункана Айдахо.

Самосознание: это то же самое, что смотреться в зеркала, движущиеся сквозь Вселенную и вбирающие по пути все новые и новые изображения – бесконечная рефлексия. Бесконечное при таком взгляде представляется конечным. Вот прямой аналог сознания, которое по кусочкам собирает образ бесконечности.

Никогда еще Одраде так явственно не слышала слов в своем безмолвном сознании.

«Специализированная сложность, – называл это состояние Дункан Айдахо. – Мы собираем, складываем и отражаем наши системы в некий порядок».

Да, это было отражением взгляда Бене Гессерит на человека как на существо, призванное эволюцией творить порядок.

Но как такой взгляд может помочь нашей борьбе с женищинами, которые, не признавая никакого порядка, ополчились на нас? К какой ветви эволюции принадлежат они? Неужели эволюция – это только иное наименование Бога?

Как посмеялись бы над ней Сестры, узнай они о ее мыслях. Они назвали бы это «бесплодными спекуляциями».

Однако в Чужой Памяти можно найти ответ.

Ах, как соблазнительно!

Какое это было отчаянное желание: отбросить свое загнанное в ловушку сознание в далекое прошлое, ощутить всем существом жизнь в те далекие времена. От осознания опасности такой приманки холод пробежал по спине Одраде. Она явственно увидела столпившиеся на периферии сознания тени давно умерших людей. «*Это было так!*» «*Нет, скорее это было так!*» Как жадно стремятся они утвердить свое первенство. Остается только тщательно и осмотрительно выбрать то, что нужно. И разве это не цель сознания, да и всей жизни вообще – выбрать из прошлого то, что нужно выбрать?

Выбирай дела прошлого и сопоставляй их с делами нынешними: изучай следствия.

Таков был взгляд Бене Гессерит на историю. Квинтэссенцией деятельности Ордена были слова Сантаяны, сказанные в незапамятные времена: «Тот, кто не помнит прошлого, обречен на его повторение».

Архитектура Централных зданий, самых внушительных из всех строений Бене Гессерит, служила воплощением этого принципа. Утилитарность – вот главная концепция. В рабочих центрах Ордена было мало нефункционального, вызывающего ностальгию. Археологи были не нужны Общине Сестер. Преподобные Матери сами были воплощением истории.

Постепенно (намного медленнее, чем обычно) вид, открывающийся из окна, возымел свое успокаивающее действие. Взгляду Одраде открывался вид нерушимого порядка Бене Гессерит.

Однако Досточтимые Матроны могут разрушить этот порядок в мгновение ока. Положение Общины Сестер было сейчас намного тяжелее, чем во времена правления Тирана. От безвыходности Одраде приходилось скрепя сердце принимать одиозные решения. Порядок рабочего кабинета не успокаивал, слишком страшными были вынужденные действия Верховной Матери.

Списывать ли наше Убежище Бене Гессерит на Пальме?

Такое предложение содержалось в докладе Беллонды, который с утра лежал на письменном столе Одраде. Сам вопрос заключал в себе ответ: «Да».

Списать, потому что нападение Досточтимых Матрон неминуемо, а мы не сможем ни защитить, ни эвакуировать Сестер.

Только тысяча Преподобных Матерей и Бог знали, сколько учениц, послушниц и других людей будут обречены на смерть или что-то худшее одним этим словом: *списать*. При этом не учитывались «простые души», жившие в тени под защитой Бене Гессерит.

Одраде почувствовала свинцовую усталость. Усталость духа? Но существует ли такая категория: душа? Одраде была утомлена, но не могла полностью осознать корни своего утомления. Она просто устала, устала, устала...

Признаки этой усталости были заметны даже в Беллонде, а ведь Белл буквально упивается силовыми решениями. Одна только Тамалейн сохраняла невозмутимое спокойствие, которое, впрочем, не могло обмануть Одраде. Там вступила в тот возраст, когда способность к бесстрастному наблюдению доминирует над остальными чувствами и способностями. Такими становятся все Сестры, если доживают. Превыше всего наблюдение и суждение. Чувства в лучшем случае отражаются мимолетными, едва заметными гримасами морщинистого лица. Ее комментарии на тему были настолько краткими, что порой выглядели просто нелепыми.

«Купить больше кораблей-невидимок».

«Снести с Шианой».

«Просмотреть записи Айдахо».

«Спросить Мурбеллу».

Иногда Тамалейн просто хмыкала, словно боялась, что слова смогут выдать ее.

Однако как бы то ни было, в космосе постоянно рыскали неумолимые охотники, страстно желавшие одного: найти и уничтожить Капитул Ордена Бене Гессерит.

Одраде часто чудилось, как Досточтимые Матроны, словно древние корсары, бороздят на своих кораблях-невидимках просторы бескрайних космических морей. Они рыскали по ним без черного флага с черепом и скрещенными костями, но дело было не в атрибутике. В этих пиратах не было ничего романтического. *Убийство и разбой! Строй свое благополучие на чужой крови. Искушить силы своих жертв и продолжать путь по колее, обильно смазанной кровью.*

Матрон не заботило то, что, продолжая свой пагубный бег, они неминуемо захлебнутся пролитой ими кровью.

Должно быть, в Рассеянии господствовали яростные и ожесточенные люди, когда зародилось движение Досточтимых Матрон. То были люди, руководствующиеся только одной мыслью: «Взять их!»

Как опасен тот мир, в котором подобные идеи распространяются, не зная узды. В развитых цивилизациях власть заботится о том, чтобы такие идеи оставались бессильными или не зарождались вовсе. Если же такая идея зарождается по умыслу или случайно, ее надо немедленно давить, ибо она без труда овладевает сознанием черни.

Одраде не переставала удивляться тому, что Досточтимые Матроны не видят опасности, а если видят, то предпочитают ее игнорировать.

– Совершеннейшие истерички, – пожимая плечами, говорила Тамалейн.

– Это ксенофобия, – не соглашалась Беллонда. Она вообще вела себя так, словно заведение Архивом укрепляло ее понимание действительности.

Обе они правы, думала Одраде. Досточтимые Матроны действительно вели себя словно взбесившиеся, сорвавшиеся с цепи истерички. Врагами были все *чужаки*. Единственными людьми, которым доверяли, и то в известных пределах, Матроны, были мужчины, которых они брали в сексуальный плен. Этих мужчин постоянно тестировали (для этого, по словам Мурбеллы, существовала должность Соблазняющей Досточтимой Матроны), чтобы удостовериться, что хватка не ослабла.

– Иногда их убивают без всякой причины, просто в назидание другим. – Эти слова Мурбеллы сразу вызвали вопрос: *«Не хотят ли они уничтожить нас тоже в назидание другим? Смотрите, что бывает с теми, кто осмеливается выступить против нас!»*

Мурбелла ответила на этот вопрос:

– Вы возбудили их. Будучи же возбужденными, они не остановятся ни перед чем, пока не уничтожат вас.

Бей чужаков!

Узколобая целеустремленность. *Этой слабостью можно, при правильном поведении, воспользоваться*, подумала Одраде.

Ксенофобия, доведенная до абсурдной крайности?

Вполне возможно.

Одраде стукнула кулаком по столу, вполне сознавая, что это не укроется от глаз Сестер, которые наблюдали за каждым шагом и действием Верховной Матери, тщательно регистрируя увиденное. Выждав, она громко, так, чтобы все соглядатаи услышали, произнесла:

– Мы не будем отсиживаться в крепостях! Мы и так ожирели, как Беллонда (пусть она сдохнет от злости!), воображая, что создали неприкосновенное общество и его вечную структуру.

Одраде обвела взглядом знакомый до мелочей кабинет.

– В этом заключается наша слабость!

Она уселась за стол и принялась обдумывать (словно не было вещи важнее!) архитектуру и планировку поселений. Да, это прерогатива Верховной Матери!

Поселения Общины Сестер редко росли стихийно. Даже когда Ордену доставались готовые постройки (как это было, например, с владениями Харконненов на Гамму), Сестры немедленно приступали к реконструкции. Нужна была пневматическая почта для пересылки сообщений и бандеролей. Нужны были световоды и проекторы для передачи шифрованных сообщений. Сестры вообще считали себя непревзойденными мастерами в передаче секретной информации. Самые важные сообщения такого рода передавали курьеры-послушницы и Преподобные Матери, которые были готовы скорее умереть, чем предать своих руководителей.

Своим внутренним взором Одраде видела все эту великолепную организацию здесь и на других планетах – ее сеть, ее паутина, великолепно организованная, спланированная и укомплектованная надежными кадрами. Каждый член Бене Гессерит был продолжением другого. Когда дело касалось выживания Ордена, практически все Сестры проявляли чудеса верности и самопожертвования. Бывали и отступницы, например леди Джессика, бабка Тирана, но их отступничество было не слишком сильным. Отступления заблудших были временными и преходящими.

Таково было устройство Бене Гессерит. И в нем заключалась его главная слабость.

Одраде чувствовала, что в глубине души разделяет страхи Беллонды. *Но будь я проклята, если позволю им подавить всю радость бытия!* Это будет как раз то, чего так неистово добиваются эти преступные Досточтимые Матроны.

– Охотники хотят отнять у нас силу, – произнесла Одраде, глядя в глазок видеокамеры на потолке. *Подобно древним дикарям, они хотят съесть сердце врага. Ну... ну что ж, мы дадим им кое-что съесть! Будет слишком поздно, когда они поймут, что не могут переварить это лакомство!*

Преподобные Матери в редких случаях, если не считать уроков для послушниц и учениц, использовали в своей речи нравоучения и иносказания. Но на этот раз Одраде отклонилась от обычного правила.

Кто-то должен начать пахоту. Она улыбнулась, работа действовала на нее освежающе. Этот кабинет, Община Сестер – вот ее сад, который надо возделывать, здесь плевелы, которые надо выдернуть, здесь семена, которые надо сеять. *И удобрения, никогда не следует забывать об удобрениях.*

Когда я поставил себе задачу повести людей по Золотому Пути, то поклялся, что этот урок проникнет до мозга их костей. Я знаю сущность людей, которую они отрицают на словах, но подтверждают своими поступками. Они утверждают, что ищут спокойствия и надежности, того, что они именуют миром. Но, даже произнося эти слова, они не перестают сеять семена раздора и насилия.
(Лето II, Бог-Император)

Она называет меня Паучьей Королевой!

Великая Досточтимая Матрона откинулась на спинку стоявшего на высоком помосте тяжелого трона. Ее высохшая грудь затряслась от беззвучного смеха. *Она хорошо знает, что с ней станет, попади она в мои руки. Я выпью всю ее кровь, превращу в мумию, вот что я сделаю.*

Миниатюрная женщина с непримечательным лицом, искаженным от подергивания мимических мышц, Великая Матрона наклонилась вперед и взглянула на залитый солнечным светом пол Аудиенц-зала, выложенный желтой плиткой. На этом полу, распростершись, лежала Преподобная Мать Бене Гессерит, связанная проволокой из шиги. Пленница не делала никаких попыток освободиться от пут. Проволока из шиги – великолепное средство усмирения непокорных. *Она отрезет ей руку, если только ведьма шевельнется!*

Зал, в котором сидела на троне Великая Досточтимая Матрона, импонировал ей по двум причинам: во-первых, он был велик, а во-вторых, был силой отнят у других. Зал площадью триста квадратных метров первоначально предназначался для собраний Гильд-навигаторов, причем каждый навигатор прибывал сюда, на Джанкшн, в огромной железной машине. Пленница на полу казалась пылинкой, затерянной в огромном поле.

Эта слабачка и так получила много удовольствия от того, что слышала, как ее так называемая Верховная Мать называла меня!

Но сегодняшнее утро было все же прекрасным, несмотря ни на что, подумала Великая Досточтимая Матрона. Настроение портилось только от того, что с этой ведьмой оказались бесильными все пытки и психологические зонды. Как можно пытать человека, который в любой момент может умереть по собственному желанию? И они делали это! Были у этих ведьм и способы подавлять чувство боли. Они очень хитры, эти примитивные создания.

И еще она просто напичкана широм! Это проклятое снадобье делает человека недоступным для психологического зондирования.

Великая Досточтимая Матрона подала знак помощнице. Та перевернула ногой распростертое тело и несколько ослабила путы. Теперь пленница могла немного пошевелиться.

– Как тебя зовут, дитя? – спросила Великая Досточтимая Матрона хриплым от старости и притворного добродушия голосом.

– Мое имя Сабанда. – Голос звонкий и чистый, несмотря на страшную боль психологического зондирования.

– Хочешь посмотреть, как мы поймает слабого мужчину и пленим его? – спросила Великая Досточтимая Матрона.

Сабанда знала, как отвечать на этот вопрос, ее предупреждали об этом.

– Я скорее умру, чем соглашусь. – Она произнесла это совершенно спокойно, невозмутимо взглянув в старое лицо, похожее цветом на высушенный корень, слишком долго пролежавший на жарком солнце. В глазах старухи появились странные рыжие блики. Это признак гнева, говорили прокторы.

Свободная, красная с золотом, накидка, украшенная черным драконом, и красное трико под ней лишь подчеркивали костлявую, сухопарую фигуру.

На лице Великой Досточтимой Матроны не дрогнул ни один мускул, хотя она снова подумала: *Будь они прокляты!*

– С каким заданием ты прибыла на ту маленькую грязную планету, где мы схватили тебя?

– Я должна была стать учителем.

– Боюсь, что мы не оставили в живых ни одну из ваших девочек.

Почему она улыбается? Чтобы бросить мне вызов! Вот почему!

– Вы учили свою молодежь поклоняться этой ведьме Шиане? – спросила Великая Досточтимая Матрона.

– Зачем я должна учить молодых поклоняться Сестре? Шиане это не понравилось бы.

– Не понравилось... Ты хочешь сказать, что Шиана вернулась к жизни?

– Но разве мы знаем только живых?

Какой звонкий голос у этой ведьмы, как она бесстрашна! Они очень хорошо умеют владеть собой, но даже это не спасет их. Странно, однако, что культ Шианы так живуч. Этот культ надо искоренить, уничтожить. Уничтожить так же, как надо уничтожить и самих ведьм.

Великая Досточтимая Матрона сделала знак мизинцем правой руки. Помощница, держа в руке шприц, приблизилась к пленнице. Может быть, это новое средство развяжет проклятой ведьме язык. Это неизвестно, но попробовать тем не менее стоит.

Сабанда поморщилась, когда игла коснулась ее шеи. Через несколько секунд Преподобная Мать была мертва. Слуги вынесли тело, чтобы скормить его футарам. Не то чтобы из этих футаров можно было извлечь большую пользу. Они не размножаются в неволе, не выполняют обычных команд. Сидят, нахохлившись, и чего-то ждут.

– Где торговцы? – спрашивал иногда один из них. Иногда из их человекоподобных ртов вырывались и другие, столь же бесполезные слова. Но, однако, футары доставляли некоторое удовольствие. В неволе они оказались очень ранимыми. Так же, как и плененные ведьмы. *Мы найдем, где они прячутся. Это лишь вопрос времени.*

Человек, который берет банальное и обыкновенное, и освещает их новым светом, устрашает. Мы не хотим, чтобы наши представления менялись. Когда надвигаются изменения, мы чувствуем угрозу. «Я и так знаю, что для меня важно!» – говорим мы. Но является Преобразователь и отбрасывает в сторону наши старые представления.
(Мастер Дзенсунни)

Майлс Тег получал огромное удовольствие от игр в садах, окружавших центральные здания. В первый раз Одраде принесла его сюда, когда он едва научился ползать. Это было самым ранним его воспоминанием: ему два года, он уже знает, что он – гхола, хотя и не понимает значения этого слова.

– Ты особенный ребенок, – говорила ему Одраде. – Мы сделали тебя из клеток, взятых у очень старого человека.

Хотя Майлс опережал в развитии своих сверстников, слова Одраде не слишком взволновали его душу. В то время он предпочитал резвиться в высокой траве под деревьями.

Потом к этим первым воспоминаниям о саде прибавились и другие. Он начинал узнавать Одраде и иных, кто занимался его обучением. Майлс очень рано понял, что Одраде получает от прогулок по саду не меньшее удовольствие, чем он сам.

– Весна – мое самое любимое время года, – сказал он ей, когда ему шел четвертый год.

– Мое тоже, – серьезно ответила Одраде.

Когда Тегу исполнилось семь лет, во всем блеске проявились его уникальные способности и голографическая память – такова была плата Общины за его предыдущее воплощение. В этом возрасте Тег впервые посмотрел на сад как на место, которое задевает в его душе неизвестные до тех пор струны.

В тот период он впервые четко осознал, что в его душе хранится память, к которой у него нет доступа. Это встревожило его, и он обратился к Одраде, силуэт которой в тот момент четко вырисовывался на фоне летнего неба.

– Есть вещи, которые я не могу вспомнить!

– Наступит день, когда ты вспомнишь их, – сказала женщина.

Он не мог рассмотреть ее лица на фоне яркого света. Слова лились из какого-то темного места. У мальчика было такое впечатление, что эти слова принадлежат не только Одраде, но и ему самому.

В тот год он приступил к изучению жизни и деяний башара Майлса Тега, клетки которого начали новую жизнь в его теле. Одраде кое-что объяснила ему, показав свои ногти.

– Я слегка поцарапала его шею и соскрестила немного клеток. Этого вполне хватило, чтобы возродить к жизни тебя.

В этом году в саду царил какое-то напряжение, плоды были больше и тяжелее, а пчелы совершенно сошли с ума.

– Все это происходит от того, что Пустыня год от года становится все больше и больше, продвигаясь к югу, – сказала Одраде. Взяв мальчика за руку, она вела его по росистой траве под цветущие яблони.

Тег обернулся и посмотрел на юг, зачарованный солнечным светом, который, дробясь, пробивался сквозь листву. Его учили, что такое Пустыня, и сейчас Тег чувствовал, как эта Пустыня давит на сад.

– Деревья чувствуют, что приближается их конец, – сказала Одраде. – Жизнь старается умножить себя, когда ей угрожает опасность.

– Воздух очень сух, – сказал он. – Да, это Пустыня.

– Посмотри, некоторые листья побурели и их кончики свернулись в трубочку. В этом году сады надо тщательно поливать.

Ему нравилось, что они никогда не разговаривают с ним снисходительно и свысока. Это были беседы двух равных собеседников. Он увидел свернувшиеся листья. *Да, это Пустыня*, снова подумал он.

Углубившись в сад, они некоторое время слушали пение птиц и жужжание насекомых. В сад залетали пчелы, обработавшие близлежащее клеверное поле. Поначалу они заинтересовались новым пришельцем, но Майлс был помечен феромонами, как и все, кто свободно перемещался по Капитулу. Пчелы, учуяв своего, равнодушно следовали дальше, к яблоневым цветам.

Яблони. Одраде указала рукой на запад. *Персики.* Мальчик снова посмотрел туда, куда указывала ее рука. Да, к востоку от них росли еще вишни, правда, довольно далеко, за пастбищем. А вон там вьется виноградная лоза.

Семена и саженцы были доставлены сюда на корабле-невидимке полторы тысячи лет назад и были с большой любовью и тщанием посажены здесь.

Тег ясно представил себе покрытые темной грязью руки, которые заботливо окучивали почву вокруг молодых побегов, старательно поливали их, ограждали, чтобы скот не потоптал и не потравил растения. Там, где были теперь сады и здания Капитула, раньше простирались дикие пастбища.

К этому времени мальчик уже получил кое-какое представление о гигантском песчаном черве, которого Сестры тайно похитили с Ракиса. Смерть Червя породила множество живых созданий, называемых песчаными форелями. Именно они стали причиной распространения Пустыни. В некоторых рассказах фигурировал и некий человек, предыдущее воплощение его самого – мужчина, которого Сестры называли башаром. То был великий воин, который погиб, когда ужасные женщины – Досточтимые Матроны – уничтожили Ракис.

Эти уроки очаровывали Тега, но одновременно вызывали у него внутреннее беспокойство. В его душе, там, где хранились воспоминания, существовали какие-то провалы. Эти провалы чаще всего напоминали о себе во сне. Иногда, когда на ребенка нападала мечтательность, перед его внутренним взором появлялись какие-то лица. Временами Тегу казалось, что он даже слышит слова, которые произносят те люди. Временами он вспоминал названия вещей, о которых, как он точно знал, никто ему не говорил. Особенно это касалось оружия.

Иногда ему в голову приходили очень важные вещи. Например, он знал, что всей этой планете предстоит превратиться в Пустыню, и все это началось из-за того, что Досточтимые Матроны вознамерились убить тех Сестер Бене Гессерит, которые теперь воспитывали его.

Преподобные Матери, занимавшиеся его обучением, часто вызывали у Тега трепет – то были одетые в черное, строгие женщины. Особенно поражали их глаза – голубые с синими белками. Воспитательницы говорили, что это следствие употребления Пряности.

Но истинную симпатию внушала Тегу одна только Одраде, она была по-настоящему *важной*. Все называли ее Верховной Матерью, и она требовала, чтобы он обращался к ней так же, кроме тех случаев, когда они были наедине в саду. Тогда он называл ее просто матушкой.

Однажды во время утренней прогулки – Тегу шел тогда девятый год и было это незадолго до сбора третьего урожая яблок – они спустились в мелкую ложину, где не росли деревья, но зато густо росли какие-то травянистые растения. Одраде положила руку на плечо Тега и повела его по древним ступеням из черного камня. Лестница вывела их на извилистую тропинку, выющую среди сочной травы и мелких полевых цветов. Наконец она заговорила:

– Очень интересен вопрос владения, – сказала она. – Владеем ли мы планетой или она владеет нами?

– Мне нравится, как здесь пахнет. – Тег не стал отвечать на риторический вопрос.

Одраде сняла руку с плеча мальчика и легонько подтолкнула его вперед.

– Здесь мы насадили растения, полезные для обоняния, Майлс. Это ароматические травы. Внимательно присмотришься к ним, а потом познакомишься с их свойствами в библиотеке. Не бойся, смело наступай на них! – воскликнула она, видя, как он старательно обходит пробиравшиеся между камнями побеги.

Майлс с силой наступил на нежный зеленый побег, и в ноздри ему ударил крепкий возбуждающий аромат.

– Эти растения предназначены для того, чтобы на них наступали, – только тогда они отдают спрятанные в них сокровища – чудесный запах, – проговорила Одраде. – Прокторы научат тебя справляться с ностальгией. Они не говорили тебе, что ностальгия очень часто вызывается именно запахом?

– Говорили, матушка. – Он обернулся и посмотрел на растение, на которое только что наступил. – Это розмарин.

– Откуда ты знаешь? – Одраде не смогла скрыть напряжение, прозвучавшее в голосе.

Он пожал плечами:

– Просто знаю, и все.

– Это говорит твоя исходная память. – Теперь в голосе Одраде звучало удовлетворение.

Они продолжили прогулку по лощине, поросшей ароматическими травами. Голос Одраде вновь стал задумчивым и печальным:

– У каждой планеты свой характер, но мы стараемся найти в них черты, присущие нашей Древней Земле. Иногда это лишь туманный намек, но на этой планете нам повезло больше.

Она опустила на колени и сорвала побег какого-то ядовито-зеленого растения. Одраде растерла стебелек между пальцами и поднесла к носу Тега.

– Шалфей.

Она была права, это действительно был шалфей, но Майлс при всем желании не смог бы сказать, откуда он это знает.

– Я нюхал этот запах в пище. Это похоже на меланжу?

– Нет, шалфей просто улучшает аромат, но не изменяет состояния сознания. – Она встала и посмотрела на мальчика с высоты своего роста. – Хорошенько запомни это место, Майлс. Наш древний мир давно исчез, но здесь мы сумели воссоздать его частичку.

Он почувствовал, что сейчас она учит его чему-то очень важному. Он спросил Одраде:

– Почему ты спросила о том, не владеют ли планеты нами?..

– Наша Община считает, что на земле мы всего лишь экономы. Ты знаешь, кто такие экономы?

– Да, это такие, как Ройтиро, отец моего друга Йорги. Йорги говорит, что его старшая сестра, когда вырастет, станет экономкой на их плантации.

– Правильно. На некоторых планетах мы живем очень долго, дольше, чем другие известные нам народы, но мы – всего лишь экономы.

– Но если не вы владеете Капитулом, то кто?

– Вероятно, никто. Я задам тебе такой вопрос: каким образом мы выделяем друг друга, Общину Сестер и эту планету?

Он посмотрел ей в глаза, потом взглянул на свои руки. Сделал ли Капитул отметины и на нем?

– Большинство таких отметин находятся в глубинах нашего существа. – Одраде взяла мальчика за руку. – Пошли.

Они покинули ароматическую лощину и углубились во владения Ройтиро. По дороге Одраде продолжала говорить:

– Община Сестер редко основывает ботанические сады, – сказала она. – Сад должен поддерживать не только зрение и обоняние.

– Он должен поставлять пищу?

– Да, он должен служить поддержанию жизни, это его первейшая задача. Сад – источник еды. В той лощине, где мы только что побывали, растут травы, которые мы используем на кухне.

Поток ее слов проникал в душу мальчика и откладывался там, заполняя пустоты и провалы памяти. Он чувствовал, что за этими словами кроется план, рассчитанный на столетия. Деревья заменят строительные конструкции для удержания водных ловушек, растения предохранят от осыпания берега рек и озер, помогут сохранить от эрозии верхний, плодородный слой почвы, сохранят побережья морей и океанов и воду, чтобы в ней могли размножаться рыбы. Сестры Бене Гессерит думали и об эстетике – деревья должны давать тень, причем деревья должны отбрасывать на лужайки красивые тени.

– Деревья и все другие растения очень важны для наших симбиотических отношений, – сказала Одраде.

– Симбиотических? – Это было новое для Майлса слово.

Она объяснила ему значение этого термина, пользуясь понятными мальчику образами. Верховная знала, что Майлс часто ходит с другими детьми за грибами.

– Грибы растут только в окружении дружественных корней. Каждый вид гриба вступает во взаимовыгодные отношения с тем или иным видом растений. Растения и грибы существуют вместе, используя для роста соки друг друга.

Она продолжала развивать мысль, но Майлс был уже утомлен уроком, ему наскучило учение, и он с силой пнул ком травы, попавшийся ему под ноги, заметив, что Одраде неодобрительно посмотрела на него. Он сделал что-то неподобающее. Почему на одни растения наступать можно, а на другие – нельзя?

– Майлс, трава не дает ветру уносить верхний слой почвы в неподходящие места, например на дно рек.

Майлс уже хорошо изучил этот тон. В нем чувствовался упрек. Он опустил голову и посмотрел на траву, которую обидел.

– Этой травой питается наш скот. Семена некоторых видов употребляем в пищу мы. Разные виды тростника защищают почву от выветривания.

Он знал это. Мальчик попытался отвлечь Одраде.

– Выветривания? – спросил он, произнеся это слово по буквам.

Она не улыбнулась, и Майлс понял, что ему не удалось провести Одраде. Пристыженный, он продолжал внимательно слушать урок.

– Когда придет Пустыня, – говорила между тем Одраде, – то останутся только лозы винограда, чьи корни проникают в почву на сотни метров. Сады же погибнут первыми.

– Но почему они должны погибнуть?

– Чтобы освободить место для более важных форм жизни.

– Для песчаных червей и меланжи?

Он заметил, что его вопрос понравился Верховной Матери. Хорошо, что мальчик знает о связи между песчаными червями и Пряностью, без которой не может существовать Бене Гессерит. Майлс не знал, как в точности действует Пряность, но отчетливо представлял себе цикл: *песчаный червь – песчаная форель – меланжа – и снова песчаный червь*. Сестры Бене Гессерит брали из этого цикла нужный им элемент.

Однако он устал от сегодняшнего урока и спросил:

– Если все эти существа так или иначе погибнут, то зачем мне идти в библиотеку и читать о них, заучивая их названия?

– Потому что ты человек, а в людях глубоко заложено стремление все разложить по полочкам, все классифицировать, всему присвоить ярлык.

– Но почему мы так любим присваивать всему имена?

– Потому что так мы заявляем свои претензии на то, что называем. Мы предполагаем, таким образом, свое право владения, которое может сбить с толку и представлять опасность.

Итак, она снова вернулась к вопросу о *собственности*.

– Моя улица, мой пруд, моя планета, – говорила между тем Одраде. – Ярлык «мое» вечно преследует нас. Это этикетка, которую ты навешиваешь на место или на вещь, которая вряд ли будет иметь иной смысл, кроме дара завоевателя... или слова, которое будешь произносить, пребывая в страхе.

– Дюна, – сказал мальчик.

– Однако ты быстро соображаешь!

– Досточтимые Матроны сожгли Дюну.

– Они сделают то же самое с нами, если отыщут нас.

– Но этого не будет, если я стану вашим башаром! – никто не учил мальчика этим словам, но, произнеся их, он почувствовал, что в них есть доля истины. В библиотеке он узнал, что враги испытывали трепет, когда башар появлялся на поле брани.

Словно прочитав его мысли, Одраде сказала:

– Башар Тег славился тем, что умел создавать положения, при которых битвы становились ненужными.

– Но он сражался с вашими врагами.

– Никогда не забывай о Дюне, Майлс. Старый башар принял смерть именно там.

– Я знаю об этом.

– Твои прокторы рассказывали тебе о Каладане?

– Да, в записях он именуется Дан.

– Ярлыки, Майлс. Имена о многом могут напомнить, но люди в большинстве своем не чувствуют глубинной связи между сущностью и названием. Все это не более чем скучная история, да? Названия – но полезны они только для узнавания существ своего рода, не правда ли?

– Мы с тобой одного рода?

Этот вопрос мучил его давно, но только сегодня Майлс облек его в слова.

– Мы оба Атрейдесы – ты и я. Помни об этом, когда снова примешься за изучение Каладана.

Когда они, возвращаясь с прогулки, пересекли пастбище и сад и перед Майлсом открылся господствующий холм, на котором высились Центральные здания, Майлс с новым чувством посмотрел на эти строения. Чувство не покинуло его, когда они с Одраде пошли мимо оград, окаймляющих выход на Первую улицу.

– Живая жемчужина, – сказала Одраде, имея в виду Центральные здания.

Войдя в арку, Майлс посмотрел вверх, на название улицы, выжженное в своде затейливой галахской вязью. Сестры Бене Гессерит любили декоративность. Такие таблички украшали все улицы и здания Капитула.

Мальчик огляделся под сводами Централа. Посреди крытой площади весело плясали струи фонтана – это была еще одна изящная деталь – пусть небольшая, но она позволила Майлсу почувствовать глубину человеческого опыта. Орден сумел сделать это место надежной опорой, но ребенок не мог еще понять тот способ, каким это было достигнуто. Те вещи, которые он познавал во время прогулок по саду и занятий с прокторами, простые и сложные вещи, соединились в новом, неведомом ранее фокусе. Это был запоздалый ответ ментата, но Майлс еще не знал этого. Он лишь чувствовал, что его безошибочная память перемещает впечатления, заново организует их. Внезапно он остановился и оглянулся назад, увидев в проеме арок крытой улицы сад, из которого они только что пришли. Все связалось воедино. Трубы Централа исторгали потоки метана и удобрений. (Прокторы водили его по заводу, производящему метан и удобрения.) Метан приводил в движение насосы и использовался в холодильных установках.

– Куда ты смотришь, Майлс?

Он не знал, как ответить. Вместо этого он вспомнил, как однажды осенним утром Одраде показала ему Централ из орнитоптера, чтобы рассказать о сложном хозяйстве зданий и дать о них общее представление. Произнесенные ею тогда слова только теперь обрели свой подлинный смысл.

– Мы создали самый лучший, какой только смогли, экологический цикл, – сказала тогда Одраде. – Спутники, контролирующие погоду, следят за состоянием системы и направляют потоки в нужное русло.

– Почему ты смотришь на сад, Майлс? – не отставала Одраде. В ее голосе появились повелительные интонации, которым он был не в силах сопротивляться.

– Тогда в орнитоптере ты сказала, что это очень красиво, но и очень опасно.

Они летали на орнитоптере только однажды, и Одраде сразу поняла намек. «*Экологический цикл*».

Он посмотрел ей в лицо и застыл в ожидании.

– Замкнутый цикл, – сказала она. – Это очень заманчиво – воздвигнуть надежные стены и оградить себя от всяких изменений. Сгнить заживо в этом самодостаточном комфорте.

Ее слова наполнили душу мальчика беспокойством. Ему показалось, что он уже слышал их когда-то... но это было в другом месте, и произнесла их другая женщина, которая тоже держала его за руку.

– Обособленность любого рода – это прекрасная питательная среда для ненависти к чужакам, – продолжала Одраде. – Жатва бывает горькой.

Слова были другие, но смысл тот же.

Он шел рядом с Одраде, держась за ее руку. Ладонь мальчика вспотела от волнения.

– Почему ты так молчалив, Майлс?

– Вы крестьяне, – ответил он. – Вы, Сестры Бене Гессерит, занимаетесь крестьянским трудом.

Она моментально поняла, что произошло. Подготовка ментата дала себя знать, хотя сам Майлс еще этого не понимал. Но сейчас еще не время.

– Ты действительно внимательно относишься ко всему, что растет, Майлс. Ты очень умен, если сумел заметить это.

Когда они расставались – Одраде направилась в свою башню, а мальчик в школьный дортуар, – Верховная Мать сказала:

– Я скажу прокторам, чтобы они обратили особое внимание на умелое использование силы.

Он не понял ее.

– Я уже тренировался обращаться с лазерным ружьем. Говорят, что у меня хорошо получается.

– Это мне известно. Но есть оружие, которое невозможно держать в руках. Это оружие духа и разума.

*Правила и установления строят крепостные стены, за которыми
мелкие души создают сатрапии. Это очень опасное состояние в лучшие
времена, но во времена бедствий такие стены ведут к катастрофе.
(Кодекс Бене Гессерит)*

Стигийская чернота спальных покоев Великой Досточтимой Матроны. Логно, Гранд-Дама и Старшая Помощница Высочайшей Особы, войдя в покои из неосвещенного коридора, содрогнулась при виде этого непроницаемого мрака. Консультации и разговоры в полной темноте пугали Логно, и Великая Досточтимая Матрона, зная об этом, получала немалое удовольствие от страха Гранд-Дамы. Но, однако, это не было главной причиной темноты. Может быть, Великая Досточтимая Матрона боится нападения? Несколько Высочайших Особ действительно приняли смерть в постели. Нет... дело не в этом, хотя, может быть, опасения перед нападением повлияли на выбор.

Из темноты доносились вздохи и стоны.

Некоторые Досточтимые Матроны, хихикая, утверждали, что Великая Досточтимая Матрона осмелилась разделить ложе с футаром. Логно вполне допускала такую возможность. Эта Великая Досточтимая Матрона вообще осмеливалась делать многое. Разве не она спасла немного Оружия во время катастрофы Рассеяния? Но футары? Сестры знали, что футара невозможно обуздать с помощью секса, во всяком случае с человеком. Вероятно, это могли сделать Многоликие Враги. Кто может это знать?

В покоях висел удушливый запах меха. Логно закрыла дверь и принялась ждать. Великая Досточтимая Матрона не любила, когда ей мешают завершить любое дело, каким бы она ни занималась под покровом темноты. *Но при этом она позволяет мне называть ее Дамой.*

Раздался еще один стон, потом Великая Матрона заговорила:

– Сядь на пол, Логно. Да, там, возле двери.

Она что, действительно видит меня или только догадывается?

У Логно не хватило мужества проверить это. *Яд. Когда-нибудь я ее отравлю. Она очень осторожна, но ее можно отвлечь.* Хотя Сестры и подсмеиваются над ней, Логно все равно считает, что яд – общепринятое орудие наследования... если, конечно, наследник имеет средства удержать власть.

– Логно, я хочу поговорить о тех иксианцах, с которыми ты встречалась сегодня. Что они говорят об Оружии?

– Они не понимают, как оно действует, а я им ничего не сказала.

– Конечно, этого нельзя делать ни в коем случае.

– Вы опять будете возражать против соединения Оружия и Заряда?

– Ты что, издеваешься надо мной, Логно?

– Дама, я никогда не стану этого делать!

– Надеюсь.

Молчание. Логно поняла, что они обе имеют в виду одно и то же. После катастрофы уцелели всего триста образцов Оружия. Каждый образец мог быть использован только один раз, если его зарядить (Заряды находились под контролем Совета, и могли использоваться только с его согласия). Великая Досточтимая Матрона распоряжалась только самим Оружием, то есть имела только половину страшной власти. Без Заряда Оружие представляло собой лишь маленькую трубку, которую можно было носить в руках. Заряженное Оружие могло причинить мгновенную бескровную смерть любому, кто окажется в пределах досягаемости.

– Многоликие, – процедила сквозь зубы Великая Досточтимая Матрона.

Логно кивнула в темноту, туда, откуда донеслись слова Высочайшей Особы.

Может быть, она видит меня. Мне неизвестно, что еще ей удалось сохранить и чем снабдили ее иксианцы.

Саму же катастрофу учинили Многоликие, будь они навеки прокляты. Они и их футары! Та легкость, с какой были конфискованы Оружие и Заряды! Это же чудовищная сила! *Нужно как следует вооружиться, прежде чем возобновить битву. Дама права.*

– Да, та планета – Баззелл, – проговорила Великая Досточтимая Матрона. – Ты уверена, что ее никто не защищает?

– Мы не смогли обнаружить там никаких признаков оборонительных систем. Контрабандисты говорят, что ее действительно никто не защищает.

– Но там так много Черного Камня!

– Здесь, в пределах Старой Империи, редко кто отваживается нападать на ведьм.

– Мне не верится, что на этой планете только горсть ведьм! Наверно, это какая-то ловушка.

– Такое всегда возможно, Дама.

– Я не доверяю контрабандистам, Логно. Плените еще несколько человек и выпытайте больше подробностей о Баззелле. Может быть, ведьмы и слабы, но я не думаю, что они глупы.

– Слушаюсь, Дама.

– Передай иксианцам, что они очень расстроят меня, если не смогут воссоздать Оружие.

– Но без Заряда, Дама...

– Этим мы займемся, когда наступит нужный момент. А теперь иди.

Логно с преувеличенным шипением произнесла «Слушаюсь!» и вышла. Даже темнота в коридоре показалась ей благословенной после непроглядного мрака спальных покоев. Придворная дама заспешила на свет вестибюля.

Мы склонны заимствовать у противников их худшие качества.
(Кодекс Бене Гессерит)

Опять эти образы воды!

Мы собираемся превратить эту проклятую планету в пустыню, а мне грезится вода!

Одраде сидела в своем кабинете, не обращая внимания на привычный беспорядок на рабочем столе. Ее преследовало одно видение: Дитя Моря, качающееся на омывающих его волнах. Волны были окрашены в цвет крови. Видно, ее Дитя Моря само предчувствовало наступление кровавых времен.

Верховная Мать знала, откуда берутся эти видения: все началось в те времена, когда она еще не помышляла о том, что станет Преподобной Матерью; детство проходило на Гамму, на красивейшем берегу теплого моря. Забыв о тревогах, она улыбнулась, вспомнив, как папа готовил устриц. Лично она предпочитала их в тушеном виде.

Из своего детства она лучше всего помнила морские прогулки. Плавание затрагивало самые сокровенные струны ее существа. Вздывавшиеся и падающие волны, вид необъятного, безграничного горизонта, странные и дикие места, возникающие на этом горизонте, трепетное чувство опасности – все это поддерживало биение жизни. Эти счастливые часы подтверждали уверенность Одраде в том, что она – истинное Дитя Моря.

В море становился спокойнее и папа. Мама Сибия чувствовала себя на вершине счастья, она наслаждалась ветром, обвевавшим ее лицо и разметывавшим длинные темные волосы. Те времена отличались чувством равновесия, это убеждение высказывалось в душе на языке, который был древнее, чем язык самой старой Чужой Памяти. Этот инстинкт говорил: *Это мое место, моя стихия. Я – Дитя Моря.*

Именно тогда, в детстве, укрепилось в Одраде понимание того, что есть душевное здоровье. *Это было умение сохранять равновесие в чуждой стихии моря. Поддерживать свое «я», невзирая на неожиданно возникающие грозные волны.*

Мама Сибия передала Одраде эту способность задолго до того, как прибывшие Преподобные Матери отняли у бедной женщины «тайного отпрыска Атрейдесов». Мама Сибия, всего лишь приемная мать, только она научила Одраде любить себя.

В Общине Бене Гессерит, где само упоминание о любви вызывало лишь подозрение, чувство, внушенное Сибией, стало глубочайшей тайной Одраде.

Если копнуть поглубже, то выяснится, что я вполне счастлива сама с собой. Я не возражаю против того, чтобы быть одной. Правда, если учесть существование Чужой Памяти, то пришлось бы признать, что Преподобные Матери редко получают возможность побыть в уединении.

Но мама Сибия, да и папа тоже, это надо признать, выступая *in loco parentis*¹ по поручению Бене Гессерит, сумели сильно повлиять на воспитание девочки, внушив ей недюжинную силу духа. Сестрам Бене Гессерит оставалось лишь умножить эту силу.

Прокторы добросовестно пытались искоренить «глубоко заложенную страсть к личной привязанности», но потерпели неудачу. Сами учителя не были уверены в своем провале, но постоянно подозревали, что дела обстоят именно так. Одраде послали на Аль Данаб, планету, воплощавшую в себе худшие особенности Салусы Секундус. То был мир, самой природой предназначенный для испытаний. В некоторых отношениях этот мир был хуже, чем климат Дюны: высокие отвесные скалы и русла высохших рек, жаркие ветры, сменявшиеся холодными ураганами, чередование засух и обильных ливней. Сестры не без оснований считали, что на Аль Данабе могут проходить предварительную подготовку те, кто должен был после этого отправиться на Дюну. Но никакие самые суровые испытания не смогли вытравить из души Одраде ее человеческую сущность. Дитя Моря осталось неприкосновенным.

О чем предупреждает меня сейчас Дитя Моря?

Было ли это предупреждение, основанное на предзнании?

¹ вместо родителей (лат.).

Одраде обладала редким даром, она всегда чувствовала, когда Бене Гессерит начинала угрожать какая-то серьезная непосредственная опасность. В ее мозгу словно раздавался тихий щелчок. Гены Атрейдесов постоянно напоминали о своем существовании. Была ли сейчас какая-то угроза Капитулу? Нет, щелчка не было. То была опасность, угрожавшая чему-то другому, тоже очень важному.

Лампадас? На этот раз врожденный талант отказывался дать ответ.

Мастера Скрещивания пытались стереть из наследственности Атрейдесов эту способность к опасному предзнанию, но имели лишь ограниченный успех.

– Мы не можем рисковать появлением нового Квисатц Хадераха!

Они знали о странной способности Одраде, но предшественница ее на посту Верховной Матери, Тараза, советовала использовать способность Одраде, правда, с некоторой осторожностью. Покойная Верховная Мать считала, что предзнание Одраде всегда направлено на распознавание опасностей, угрожавших Ордену.

Сама Одраде полностью соглашалась с такой оценкой. Она довольно плохо начинала себя чувствовать, когда появлялись намеки на опасность. Намеки. Но в последнее время ей стали сниться сны.

Это был один и тот же сон, который в последнее время буквально преследовал ее. Она идет через пропасть по туго натянутой веревке, а кто-то (она не смела обернуться, чтобы увидеть, кто именно) подкрадывается сзади с топором, чтобы перерубить веревку. Одраде явственно чувствовала шероховатые волокна каната под босыми ногами, слышала свист ветра, чувствовала, как он обжигает ее кожу своим знойным дыханием. И она *знала*, что сзади подкрадывается некто с топором.

Каждый шаг требовал от нее невероятного мужества и напряжения всех сил. Шаг! Еще шаг! Веревка колебалась от ветра, и Одраде приходилось широко раскидывать руки, чтобы сохранить равновесие.

Если я упаду, то рухнет и Община Сестер!

Бене Гессерит рухнет в пропасть и найдет там свой конец. Как и всякий живой организм, Бене Гессерит должен рано или поздно покинуть этот мир. Преподобные Матери не смели этого отрицать.

Но это не должно произойти здесь. Только не это падение из-за перерезанной веревки. Мы не должны допустить, чтобы ее перерубили! Я должна успеть пересечь пропасть, прежде чем подоспеет злоумышленник с топором. Я должна! Я должна!

На этом сон всегда обрывался. Одраде, холодея, просыпалась от звуков собственного голоса, который продолжал еще некоторое время звучать в ее ушах. Но закваска Бене Гессерит давала себя знать даже в такой ситуации. Никогда не было холодного пота, только чувство пронизывающего холода. Законы Бене Гессерит не допускали подобных излишеств.

Тело не нуждается в потении? Значит, тело не потеет.

Сидя за рабочим столом, Одраде полностью осознавала всю глубину метафоры, являвшейся ей во сне: образ тонкой веревки, по которой она совершает свой опасный путь. *Это опасный и ненадежный путь, тонкая ниточка, по которой я несу судьбу моей Общины.* Дитя Моря предчувствовало приход сна и предупреждало о нем своим купанием в кровавых волнах. Это было не тривиальное предупреждение. Оно было зловещим. Хотелось вскочить и закричать: «Прячьтесь в траве, разбегайтесь, мои куропаточки! Бегите! Спасайтесь!»

Это потрясло бы наблюдателей.

Но обязанности Верховной Матери диктовали свою модель поведения. Надо сделать непроницаемое лицо, словно ее волнуют только те формальные решения, которые она должна принять на основе документов, которыми был завален ее стол. Никакой паники! Ее надо избегать всеми доступными средствами. Нет, конечно, решения, которые ей предстояло принять, были вовсе не тривиальными. Но вести себя следовало спокойно.

Некоторые из ее цыплят уже бежали, исчезнув в неизвестности. Их жизни присоединились к Другой Памяти. Остальные цыплята находились здесь, в Капитуле, и они должны будут знать, когда бежать. *Только когда их обнаружат.* В таком случае их поведение будет управляться необходимостью момента. Значение будут иметь их тренировки и навыки. Это единственное, что по-настоящему важно. В этом была их самая надежная подготовка.

Каждая ячейка Бене Гессерит, которой было суждено уйти, была подготовлена на этот случай так же, как Капитул: полное разрушение, но ни в коем случае не подчинение и сдача в плен. Ревущий огонь уничтожит плоть и драгоценные документы. Все, что найдут завоеватели, – это следы полной катастрофы: искореженные конструкции, засыпанные пеплом.

Некоторые Сестры Капитула смогут бежать. Но бегство в момент нападения? Есть ли что-либо более бессмысленное?

Избранные люди обладают Другой Памятью. Приготовиться. Но Верховная Мать избегала обращения к Другой Памяти. *Из моральных соображений!*

Куда бежать, кто может спастись, кто может сдаться в плен? Это были отнюдь не праздные вопросы. Что, если они захватят Шиану, которая на краю новой Пустыни ждет появления песчаного червя, который может никогда не прийти? Шиана и песчаные черви: мощный религиозный инструмент, и Досточтимые Матроны найдут способ им воспользоваться. А что будет, если Матроны захватят гхола Айдахо и гхола Тега? У нас не останется ни одного надежного места, где можно будет спрятаться, если это произойдет.

Что, если?.. Что, если?..

Фрустрация порождала гнев. «Следует убить Айдахо, как только он попадет в наши руки! Мы не можем допустить, чтобы Тег стал взрослым».

Только члены Совета, близкие советники и некоторые из наблюдателей разделяли подозрения Верховной Матери. Это был запасной выход на всякий случай. Никто из этих людей не чувствовал себя в безопасности и не был уверен в гхола. Они не казались надежными, даже несмотря на то что был изобретен способ минирования кораблей-невидимок, которые должны были быть уничтожены в момент атаки Досточтимых Матрон.

В те часы, предшествовавшие его смерти, обладал ли Тег способностью видеть невидимое (включая корабли-невидимки)? *Как мог он знать, где найти нас в пустынях Дюны?*

Но если это мог делать Тег, то насколько же опасен был бесконечно одаренный Айдахо, в клетках которого аккумулировались гены Атрейдесов и неизвестно кого еще. Он мог случайно натолкнуться на такую же способность.

Я должна сделать это сама!

Внезапное потрясающее озарение посетило Верховную Мать. Она поняла, что Тамалеин и Беллонда наблюдают за ней с таким же страхом, с каким она сама наблюдает за обоими гхола.

Само знание того, что это возможно – что человек может приобрести чувствительность, позволяющую обнаруживать корабли-невидимки и другие формы полевой защиты, – может потрясти основы мира. Досточтимые Матроны получают прекрасную путеводную нить. По всей Вселенной рассеяны бесчисленные потомки Дункана Айдахо. Он всегда с гневом говорил, что не желает быть племенным жеребцом на службе Бене Гессерит, но в действительности много раз исправно исполнял эту роль.

Он всегда думал, что действует самостоятельно, и иногда так оно и было на самом деле.

Любой отпрыск Атрейдесов по прямой линии мог обладать талантом, который пыльным цветом обещал расцвести в Теге.

На что ушли месяцы, годы и дни? Наступил еще один сезон сбора урожая, а Община до сих пор находится в тисках страшной угрозы. Только теперь до Одраде дошло, что давно наступило утро. По коридору сновали люди. С кухни доносился запах жареных кур и тушеной капусты. Все нормально. Централ жил своей обычной жизнью.

Но что могло быть нормального для того, кто жил в воде в грезах Верховной Матери? Дитя Моря не могло забыть Гамму, головокружительные запахи, дух морских водорослей, выносимых на берег прибоем, освежающий озон, делавший каждый вдох наслаждением, и великолепную свободу в окружающих людях, прорывающуюся наружу в каждом слове и жесте. На море все разговоры приобретали необыкновенную глубину, которую Одраде никогда не сможет забыть. Даже безобидная болтовня на фоне неумолчного говора океана приобретала скрытый важный смысл.

Одраде ощутила, что должна, просто обязана напомнить себе чувство собственного тела в волнах того моря из ее детства. Надо восстановить силы, которыми она обладала тогда, черпать мощь, которой она пользовалась в то невинное время.

Опустить лицо в воду, изо всех сил задержать дыхание и плыть по волнам *сейчас*, чтобы смыть горести и тревоги, смыть боль. Это было лечение стресса, сведенное к своей первоначальной сути. На Одраде нахлынул небывалый покой.

Я плыву, следовательно, я существую.

Дитя Моря предупреждало, и оно же восстанавливало силу. Отказываясь признать это, Одраде тем не менее отчаянно нуждалась теперь в восстановлении сил.

Сегодня ночью Верховная Мать, словно в зеркало, посмотрелась в окно и поразилась тому, насколько возраст и ответственность в соединении с усталостью иссушили ее щеки и заставили опуститься уголки рта: чувственные губы стали узкими, вытянулись некогда округлые черты ее милого лица. Одни только синие глаза горели прежним неукротимым огнем, да и тело оставалось стройным и мускулистым.

Повинуясь подсознательному импульсу, Одраде нажала на кнопку с символом вызова и вгляделась в изображение, появившееся на поверхности рабочего стола: стоящий на запасной взлетной площадке корабль-невидимка. Гигантское сооружение, наполненное хитроумными машинами и механизмами, существующее вне времени и пространства. За время своей стоянки корабль вызвал проседание грунта и стоял теперь в довольно глубокой яме. Корабль был огромен, двигатели работали еле-еле, только для того, чтобы обеспечить защиту от любопытных, особенно от Гильд-навигаторов, которые с удовольствием продали бы Сестер Бене Гессерит первому встречному.

Зачем ей понадобилось именно сейчас вызывать на рабочий стол изображение корабля-невидимки?

Только потому, что в нем в данный момент находились три человека: Считаль, последний из оставшихся в живых Мастер Тлейлаксу, Мурбелла и Айдахо, сексуально повязанная пара. Они сохранили свою привязанность, которая впервые и возникла именно на этом корабле.

Нет, не так все просто, не так.

Для больших предприятий Бене Гессерит никогда не существовало простых и сразу понятных объяснений. Этот корабль-невидимка со своей смертельно опасной начинкой был очень большим предприятием и весьма дорогостоящим, пожирающим огромное количество энергии даже в нерабочем состоянии.

Подчеркнуто бережливый подход к этому предприятию говорил об энергетическом кризисе. Эта проблема была поручена Беллонде. Толстуха постоянно ругалась: «Мы и так уже обрезали все мясо до костей, резать больше нечего». Казначейство давно уже косо смотрит на Бене Гессерит. Остается только поражаться живучести Ордена.

В кабинет без предупреждения ввалилась Беллонда, держа под мышкой свиток ридулианской кристаллической бумаги. Она топала так, словно стремилась выместить на поле всю свою ненависть. Каждый шаг выражал: «Так тебя! И вот так, и вот так!» Она была пол только за то, что он оказался у нее под ногами.

Взглянув в глаза Белл, Одраде почувствовала холод и стеснение в груди. Беллонда с грохотом швырнула на стол свиток.

– Лампадас! – крикнула Беллонда, вложив в голос всю свою муку.

Одраде не было нужды заглядывать в записи. *Кровавая ванна Дитя Моря стала явью.*

– Кто уцелел? – глухо и с усилием выдавила из себя Верховная Мать.

– Никто. – Беллонда упала в кресло-собаку рядом со столом.

Вслед за Беллондой в кабинет вошла Тамалейн и тоже села рядом с Одраде. Обе Преподобные Матери выглядели совершенно убитыми.

Никто не выжил.

Все тело Одраде – от груди до пят – сотрясла медленная волна дрожи. Верховная Мать не посчитала нужным скрыть это от собеседниц и наблюдателей; этот кабинет видел и не такие проявления эмоций.

– Кто сообщил об этом? – спросила Одраде.

Заговорила Беллонда.

– Сведения получены от шпионов ОСПЧТ; источник информации – Раввин, в этом нет никакого сомнения.

Одраде потеряла дар речи. Взор ее остановился на своде арки окна, за которым начался снегопад, снежинки весело кружились в воздухе. Да, страшная новость по иронии судьбы совпала с наступлением зимы, что придавало известию еще большую горечь.

Сестры были очень недовольны столь ранним приходом зимы. Необходимость заставила Управление Климатом резко, без переходов, снизить температуру. Никакого постепенного снижения, никакой милости к растениям, которые должны были сначала впасть в спячку, чтобы перенести наступление холодов. Каждую ночь температура падала на три-четыре градуса. Так что не пройдет и недели, как наступит мороз, который покажется всем нескончаемым.

Этот холод подчеркивает боль утраты.

Следствием внезапного похолодания стал туман. Одраде видела, как языки белесого тумана окутывали землю после закончившегося снегопада. Не поймешь, что за погода. Управление Климатом сместило точку росы ближе к среднесуточной температуре, и теперь туман сконденсировался в нескольких самых влажных участках. Туман поднимался от земли струйками, похожими на тюль, просачиваясь сквозь голые ветви деревьев сада, словно ядовитый газ.

Неужели никто не выжил?

В ответ на безмолвный вопрос Одраде Беллонда горестно покачала головой.

Лампадас – жемчужина среди всех планет, принадлежавших Бене Гессерит, планета, где располагалась самая лучшая школа Ордена, планета, превращенная в груды пепла и искореженного металла. Но... башар Алеф Бурцмали и его отборная гвардия? Они тоже все мертвы?

– Все мертвы, – сказала Беллонда.

Погиб Бурцмали, любимый ученик старого башара Тега. Погиб и ничего не добился. Лампадас... великолепная библиотека, блестящие учителя, лучшие студенты... все ушло в вечность.

– Даже Луцилла? – спросила Одраде. Преподобная Мать Луцилла, вице-канцлер Лампадас, имела секретные инструкции покинуть планету при первых признаках катастрофы, унося с собой память как можно большего числа обреченных.

– Шпионы донесли, что погибли абсолютно все, – настаивала на своем Беллонда.

Это был леденящий душу каждой Сестры сигнал: «Вы можете стать следующими!»

Как могло человеческое сообщество, каким бы оно ни было, приобрести нечувствительность к подобной жестокости? Она представила себе беседу за завтраком на одной из баз Досточтимых Матрон: «Мы уничтожили еще одну планету Бене Гессерит. Говорят, убиты десять миллиардов. Значит, за этот месяц мы уничтожили всего шесть планет, не правда ли? Вы не передадите мне сливки, дорогая?»

Остекленевшими от ужаса глазами Одраде еще раз пробежала текст сообщения. *От Раввина, в этом нет никакого сомнения.* Она осторожно положила донесение на стол и взглянула на своих советниц.

Беллонда – старая толстуха с багровым лицом. Ментат-архивариус. Сейчас она носит линзы, без которых уже не может читать, и ей наплевать, что станут об этом говорить. Она демонстрирует в хищной улыбке свои стесанные лошадиные зубы, и этот оскал выражает ее мысли лучше всяких слов. Она видела, как отреагировала Одраде на отчет шпионов. Белл начнет спорить о необходимости отмщения. Чего еще можно ожидать от человека с такими порочными наклонностями? Надо вернуть ее в состояние ментата, тогда она становится более склонной к полноценному анализу.

Но со своей колокольни Белл абсолютно права, подумала Одраде. Но ей не нравится то, что у меня на уме. Надо очень осторожно подбирать слова для того, что я собираюсь сейчас сказать. Слишком рано открывать мои планы.

– Существуют обстоятельства, когда порок можно победить только пороком, – сказала Одраде. – Мы должны тщательно взвесить эту возможность.

Вот! Только так можно предотвратить вспышку ярости Беллонды!

Тамалейн подалась вперед, и Одраде взглянула на пожилую женщину. Там, собранная старая Там, прячущая свою собранность под маской критичного терпения. Узкое лицо, увенчанное короной снежно-белых волос: воплощение мудрой старости.

Одраде видела, что под обычной маской Тамалейн прячет свое отвращение к тому, что она видит и слышит.

В противоположность рыхлой полноте плоти Беллонды в Тамалейн была сухопарая монолитность, казалось, старуха состоит из одних прочных костей. Тамалейн продолжала держать себя в форме, и ее мышцы, насколько это возможно, еще не потеряли былой силы и гибкости. Но в глазах старой Преподобной Матери застыло выражение, выдававшее ее с головой: то было чувство отчуждения, отчуждения от жизни. О, она еще внимательно наблюдала за происходящим, но что-то в ее облике говорило об отступлении, о близком признании окончательного поражения. Пресловутая интеллигентность Тамалейн приобрела злобный оттенок, основываясь преимущественно на старых наблюдениях и прошлых решениях более, чем на анализе текущих событий.

Нам надо позаботиться о подготовке замены. Думаю, что это будет Шиана. В ней заложены большие возможности, хотя она и опасна для нас. Кроме того, Шиана родилась на Дюне и связана с ней кровными узами.

Одраде пристально посмотрела на кустистые брови Тамалейн. Они нависали над веками неопрятными клочками. *Да, Шиана заменит Тамалейн.*

Там понимает всю сложность проблем, которые предстоит решать, и достойно примет это решение Верховной. Когда придет время объявить о нем, то внимание Тамалейн, Одраде была в этом уверена, надо будет обратить на грандиозное предназначение Бене Гессерит.

Мне будет не доставать ее, будь все проклято!

Нельзя познать историю, не поняв поступков вождей, следующих ее течению. Каждый вождь нуждается в чужаках, чтобы увековечить свое господствующее положение. Проследите за моим восхождением. Я был одновременно вождем и чужаком. Не делайте скоропалительного вывода о том, что я создал церковное государство. Такова была моя задача как вождя, и в этом я следовал известным историческим моделям. Варварское искусство моей эпохи обличает во мне чужака. Самая популярная поэзия: эпос. Популярная драматическая идея: героизм. Танцы: дикие и разнузданные. Я использовал химические

стимуляторы, чтобы заставить людей понять, что я взял у них. Но что я взял? Право свободно выбирать роль в истории.

(Лето II (Тиран). Перевод Ветера Бебе)

Я умру! – подумала Луцилла.

Прошу вас, дорогие Сестры, не допустите, чтобы это случилось, прежде чем я передам вам драгоценный груз моего разума!

Сестры!

Идея семьи редко высказывалась вслух членами Ордена, но неявно она присутствовала всегда. В генетическом плане все Сестры были родственницами, а благодаря Общей Памяти знали все подробности этого родства. Они не нуждались в общепринятых терминах вроде «двоюродной сестры» или «внучатой племянницы». Они понимали свое родство приблизительно так же, как ткач понимает создание ткани. Они знали, как основа и уток создают *материю*. Это было более подходящим словом, нежели Семья, то была именно материя Бене Гессерит, создавшая Общину Сестер, но древний инстинкт Семьи служил основой этой материи.

Сейчас Луцилла думала о Сестрах только как о членах своей семьи. Семья нуждалась в том, что она носила в себе.

Как глупо, что я решила искать убежища на Гамму!

Но ее поврежденный корабль-невидимка все равно не мог лететь дальше. Как все же дьявольски экстравагантны эти Досточтимые Матроны! Луцилле ужаснула заложенная в этой экстравагантности ненависть.

Пути отхода с Лампадас были буквально усеяны смертельными ловушками, складки пространства были утыканы небольшими шарами-невидимками, каждый из которых содержал полевой проектор и лазерное оружие, которое открывало огонь при соприкосновении любого предмета с шаром. Луч лазера переводил в рабочее состояние установленный в шаре генератор Холымана, и начинающаяся цепная реакция высвобождала огромную энергию. Стоит попасть в поле шара, как раздается взрыв, который разносит все. Дорого, но эффективно! Несколько таких взрывов и даже гигантский корабль Гильдии превращается в жалкий осколок безжизненного металла, исчезающий в пустоте Космоса. Защитные системы корабля Луциллы произвели анализ поля-ловушки, но слишком поздно. Однако ей повезло... во всяком случае, тогда ей казалось, что повезло.

Как бы то ни было, теперь, выглядывая из окна второго этажа деревенского дома здесь, на Гамму, Луцилла отнюдь не чувствовала себя счастливой. Окно было открыто, и полуденный ветер доносил до ноздрей Преподобной Матери неистребимый запах нефти, который примешивался к дыму костра. Харконнены настолько пропитали планету нефтью, что удалить ее полностью оказалось не под силу никому, кто жил здесь после них.

Ее контактером здесь был один отставной доктор Сукк, но она знала его несколько глубже. Это была ее тайна, тайна настолько глубокая, что только немногие из Сестер Бене Гессерит знали ее. Знание подразделяется на сектора согласно некой классификации: *есть тайны, о которых мы не говорим даже с самими собой, поскольку они могут навредить нам. Эти тайны мы не передаем другим Сестрам, потому что для них нет канала передачи. Мы даже не осмеливаемся знать эти тайны до тех пор, пока крайняя нужда не поднимает завесу, за которой они скрыты.* Луцилла узнала такую тайну после одного намека, который в разговоре с ней сделала Одраде:

– Ты не знаешь одной пикантной подробности о Гамму? М-м-м, там существует целое общество, члены которого связаны между собой обычаем есть только священную пищу. Этот обычай занесен на Гамму иммигрантами, которые никогда не ассимилировались с местными жителями. Предоставленные самим себе, презирающие аутбридинг. Такое вот сообщество.

О них ходит много слухов, рассказней, что приводит к их еще большей изоляции. Собственно, это как раз то, чего они и добиваются.

Луцилла знала о древней секте, которая очень походила на описанную Одраде. Ее охватило любопытство. Общество, о котором она знала, предположительно погибло вскоре после Второй Волны Межпланетной Миграции. Поиски в архивах еще больше возбудили это любопытство. Образ жизни, затуманенные молвой описания религиозных ритуалов, особенно святильники – и строгое воздержание от любой работы в определенные священные дни. Но они жили не только на Гамму!

Однажды утром, воспользовавшись необычным затишьем, Луцилла вошла в кабинет Верховной и испытала свое «проективное предположение». Это было нечто сродни рассуждениям ментата, хотя и не столь надежное. Правда, основа для такого предположения была отнюдь не теоретической.

– Подозреваю, что ты приготовила для меня какое-то новое задание?

– Вижу, что ты не зря тратила время в Архиве.

– Сейчас это становится очень полезным занятием.

– Пытаешься нащупать связи?

– Так, чистое предположение. *Это тайное общество на Гамму – иудеи, не правда ли?*

– Для того, чтобы лучше справиться с новым заданием, тебе, вероятно, понадобится особая информация. – Это было сказано на удивление небрежным тоном.

Луцилла без приглашения опустилась в кресло-собаку Беллонды.

Одраде взяла стило, что-то написала на листке из отрывного блокнота и протянула написанное Луцилле так, чтобы это не зафиксировала видеокамера.

Луцилла сразу все поняла и склонилась над сообщением, прикрыв его головой.

«Твое предположение верно. Тебе придется умереть, но ни в коем случае не раскрывать его содержания. Такова цена сотрудничества и одновременно знак высокого доверия».

Луцилла порвала записку на мелкие клочки.

Движением глаз и ладони Одраде открыла скрытую дверцу в стене за своей спиной, извлекла из тайника небольшой ридулианский кристалл и протянула его Луцилле. Кристалл был теплым, но обжег руку холодом. Что это за секрет? Одраде достала из ящика своего стола защитный капюшон и привела его в рабочее состояние.

Луцилла вставила кристалл в специальное гнездо и натянула на голову капюшон. Тотчас в ее ушах зазвучали слова, которые неизвестный голос произносил с очень древним акцентом.

– Люди, на которых обращено твое внимание, иудеи. Много тысячелетий назад они, спасаясь от регулярно повторяющихся погромов, приняли единственно возможное спасительное для себя решение – исчезнуть от всех людей. Развитие космонавтики сделало эту задачу не только возможной, но и весьма привлекательной. Они спрятались на многих планетах; вероятно, были такие планеты, на которых жил исключительно этот народ. Это не означает, что они забыли свое многовековое искусство и способность к выживанию в трудных условиях. Древняя религия, несомненно, продолжала существовать, хотя и претерпела некоторые изменения. Вероятно, древний раввин не чувствовал бы себя чужим в Шаббад под охраной меноры в современном иудейском доме. Однако конспирация этого народа развита так сильно, что можно всю жизнь проработать бок о бок с иудеем и никогда не заподозрить этого. Они называют это «полным прикрытием», хотя и сознают всю опасность.

Луцилла приняла это без единого вопроса. То, что представляет собой такую тайну, должно быть воспринято каждым, кто заподозрит его существование, как вещь, представляющая собой чрезвычайную опасность. *И все же почему они держат все в такой тайне? Ответь мне!*

Кристалл продолжал изливать свои секреты в сознание Луциллы.

– Реакция этих людей на угрозу раскрытия стандартна: «Мы ищем религию в наших корнях. Это выживание, возвращение назад, чтобы взять из прошлого то лучшее, что в нем было».

Луцилла знала этот оборот. В мире всегда хватало «свихнувшихся на выживании». Они всегда выглядели довольно курьезно. *Ах эти! О, да это же просто очередная горстка любителей выживания.*

– Маскирующая система, – продолжал говорить кристалл, – не имела успеха в применении к нам. У нас имеется подробная запись еврейских родословных и есть фонд Чужой Памяти, касающийся этой проблемы. Мы понимаем причину такой скрытности и секретности. Мы не тревожили их до тех пор, пока я, Верховная Мать и Община Сестер во время и после битвы при Коррине (*как же давно это было!*) не убедились, что нам нужно тайное сообщество, группа, которая могла бы откликнуться на нашу просьбу о помощи.

Луцилла ощутила скепсис. *Просьбу?*

Древняя Верховная Мать предугадала этот скептицизм.

– Время от времени мы предъявляем им требования, которые они не могут не исполнить. Впрочем, они тоже обращаются к нам с просьбами.

Луцилла чувствовала, что с головой погружается в мистику этого подпольного общества. Это было больше чем сверхсекрет. На ее неуклюжие вопросы служащие Архива, как правило, отвечали отказом. «Иудеи? Что это? Ах да, древняя секта. Ищи ее сама, у нас нет времени на праздные религиозные изыскания».

Кристалл оказался более красноречивым.

– Иудеи часто удивляются, а иногда и возмущаются тем, что мы их копируем. Наши записи о родословных прослеживают их по женской линии. Приблизительно так же поступают и иудеи. Ты считаешься иудеем, только если твоя мать иудейка.

Кристалл перешел к заключению:

– Диаспора не должна быть забыта. Сохранение тайны для нас – это вопрос чести.

Луцилла откинула с головы капюшон.

– Ты – самая подходящая кандидатура для выполнения деликатного поручения на Лампадас, – сказала Одраде, пряча кристалл на место.

Все это – прошлое, и скорее всего мертвое. Посмотрите, куда привело меня это «деликатное поручение» Одраде!

Из окна Луцилле было хорошо видно, как во двор дома въехал контейнер, предназначенный для загрузки продуктами. Внизу закипела работа. Рабочие с ящиками овощей со всех сторон облепили грузовик. Луцилла вдохнула пряный аромат свежесрезанных стеблей и плодов.

Она и не думала отходить от окна. Хозяева снабдили ее одеждой местных женщин – длинным платьем из тускло-коричневой с сероватым оттенком ткани и ярко-синим головным платком, прикрывавшим песочного цвета волосы. Было очень важно не привлекать ненужного внимания к ее персоне. Она видела, как возле повозки остановились другие женщины, наблюдая за работой. Присутствие Луциллы могли воспринять как естественное женское любопытство.

Это был большой контейнер, подвески сильно натянулись под тяжестью продукции, уже загруженной в его секции. Оператор стоял в прозрачной будке в передней части машины: руки положены на рычаг управления, глаза напряженно смотрят вниз. Ноги широко расставлены, мужчина наклонился вперед, по направлению к хитросплетению поддерживающих опор, слегка придерживая силовой рубильник левым бедром. Это был рослый мужчина с начинающей седеющей шевелюрой, лицо его было покрыто морщинами. Все его тело было продолжением машины – они вместе устремились вперед в едином, целеустремленном порыве. Совершая это движение, он взглянул в лицо Луциллы, затем снова вперил взор в свой сложный механизм и в овощи, которые следовало погрузить в контейнер.

Он встроен в свою машину, подумала Луцилла. Неужели человек может так подходить к вещам, которые он делает? Эта мысль подействовала на нее устрашающе, в коленях появилась опасная слабость. Если вы слишком сильно вживаетесь в какую-то одну вещь, то все ваши прочие способности атрофируются. *Вы становитесь придатком того, что делаете.*

Она живо представила себя таким же оператором машины, как и этот человек во дворе. Грузовик проехал мимо и покинул ферму. Человек не удостоил Луциллу повторным взглядом – он уже видел ее один раз, так зачем тратить время попусту?

Люди, приютившие ее, сделали правильный выбор, спрятав ее здесь. Редкое население, заслуживающие доверия рабочие и мало любопытных. Тяжелая физическая работа притупляет любопытство. Она сразу обратила внимание на эту особенность местности, когда ее доставили сюда. Тогда уже наступил вечер, и люди не спеша разбредались по домам. Можно было легко оценить плотность здешнего населения после окончания рабочего дня. Все рано ложатся спать, и вы оказываетесь почти в пустыне. Бурная ночная жизнь говорит о том, что люди испытывают беспокойство, вызываемое сознанием того, что и другие бодрствуют и проявляют активность в ночное время.

Что погрузило меня в такое интроспективное состояние?

В самом начале первого поражения Общины под натиском Досточтимых Матрон Луцилла испытала затруднения, пытаясь осознать, что кто-то «охотится за нами, чтобы убить».

Погром! Вот как Раввин назвал это, когда прощался рано утром, уходя, «чтобы посмотреть, что я смогу сделать для вас».

Она понимала, что Раввин выбрал это слово из древнего и очень горького лексикона, но только теперь, после своего *погрома*, Луцилла поняла, что это слово относится к положению, которым ты не в состоянии управлять.

Значит, я тоже беглец.

Нынешняя ситуация напоминала ту, в которой Община Сестер находилась при Тиране. Но была и разница. Тиран никогда не стремился уничтожить и искоренить Бене Гессерит, он лишь стремился подчинить Орден себе и управлять им. И он действительно управлял!

Куда запропастился этот проклятый Раввин?

Это был большой, сильный мужчина в старомодных круглых очках. Его широкое лицо было покрыто темным загаром. Морщины на лице мало, несмотря на то что голос и движения изобличали солидный возраст. Очки привлекали внимание к глубоко посаженным карим глазам, внимательно изучавшим Луциллу.

– Досточтимые Матроны, – эти слова Раввин произнес здесь, в этой комнате с голыми стенами на втором этаже, где Луцилла объяснила ему свою задачу. – Ой, вэй! Это трудно.

Луцилла ожидала такой реакции и, более того, видела, что Раввин понимает это.

– Здесь, на Гамму, находится Гильд-навигатор, который участвует в розыске, – продолжал он. – Он из Эдриксов, и, как мне говорили, очень силен в этом деле.

– Во мне течет кровь Сионы. Он не может *увидеть* меня.

– Так же, как и меня и мой народ, и по тем же причинам. Вы же знаете, что мы, евреи, умеем приспосабливаться к разным неудобствам.

– Этот Эдрик – не более чем жест отчаяния, – презрительно обронила Луцилла. – Он мало что может сделать.

– Но они привезли его. Боюсь, что у нас мало шансов безопасно вывезти вас с планеты.

– Тогда что мы можем сделать?

– Посмотрим. Мой народ не слишком беспомощен, вы понимаете?

Луцилла почувствовала в его голосе искренность и неподдельную готовность помочь. Он негромко и спокойно заговорил о сопротивлении сексуальной соблазнительности Досточтимых Матрон, о том, что все надо сделать тихо, чтобы не возбудить их.

– Пойду пошепчусь кое с кем, – сказал на прощание Раввин.

Как ни странно, эти слова успокоили Луциллу, она даже почувствовала прилив сил. Когда попадаешь в руки профессионального врача, часто чувствуешь его отчужденное и жестокое отношение. Но Луцилла успокаивала себя тем, что врачей Сукк учат быть сострадательными и вникать в нужды своих подопечных и помогать им. *(В данном случае это касалось тех обстоятельств, которые могли возникнуть в нештатной ситуации.)*

Она сосредоточила свои усилия на восстановлении спокойствия, прибегнув к мантре «обучение смерти в одиночестве».

Если мне суждено умереть, то я должна прийти в трансцендентное состояние. Я должна уйти безмятежно.

Это помогло, но Луцилла все же почувствовала дрожь. Раввин ушел довольно давно. Что-то было не так.

Правильно ли я поступила, доверившись ему?

Стараясь не обращать внимания на чувство обреченности, Луцилла усилием воли заставляла себя, пользуясь методикой Бене Гессерит, взглянуть на дело с некоторой долей наивности и, проявив простодушие, проанализировать свою встречу с Раввином. Прокторы называли это «невинностью, которая естественным образом проистекает от неопытности и которую ни в коем случае нельзя путать с невежеством». В таком наивном состоянии все вещи представлялись текучими. Состояние было близко состоянию размышляющего ментата. Всякая информация входила в мозг без предубеждений. «Ты – зеркало, в котором отражается Вселенная. Это отражение и есть то, что ты испытываешь в действительности. Образы отскакивают от твоих чувств. Возникают гипотезы. Они важны, даже если ошибочны. Возникает исключительная ситуация, когда даже несколько ошибок не мешают принятию правильного решения».

– Мы – ваши преданные на совесть слуги, – сказал ей Раввин.

Такая фраза неизбежно должна была насторожить Преподобную Мать.

Объяснения, данные кристаллом, Одраде представились неадекватными. *Позиция преданного слуги всегда выгодна.* Это было цинично, но вывод был сделан на основе огромного опыта. Попытки вытравить личную преданность из человеческого поведения всегда разбивались о скалы просительства. Социалистические и коммунистические системы правления привели лишь к смене чиновников, которые измеряли выгоду. Огромная управленческая бюрократия – вот та сила, которая стала считать прибыль.

Луцилла предостерегла себя: проявления этой болезни всегда одни и те же. Стоит только посмотреть на процветающую ферму этого Раввина! Ушел на пенсию, перестав практиковать? Луцилла видела, что было за этим скромным фасадом: слуги, богатые апартаменты. Но было и нечто большее. И не важно, какая система, выгоды всегда одинаковы – лучшая еда, красивые любовницы, неограниченные возможности путешествовать, лучшие условия жизни.

Начинаешь скучать, когда видишь это так же часто, как мы.

Луцилла нервничала, но ничего не могла с собой поделать. *Выживание. Самая искренняя, самая глубинная потребность – это потребность выжить. Я же угрожаю выживанию Раввина и его народа.*

Он вел себя очень угодливо. *Всегда остерегайтесь тех, кто стелется перед вами, кто носом чувствует ту власть, которой вы, по его мнению, обладаете. Как это льстит самолюбию – лицемерие толпы слуг, которые, глядя на вас преданными глазами, ждут вашего приказа, мановения руки, чтобы выполнить любое ваше желание! Такое отношение делает человека моральным инвалидом.*

Именно в этом состоит ошибка Досточтимых Матрон.

Почему Раввин задерживается?

Хочет узнать, сколько он сможет получить за голову Преподобной Матери Луциллы?

Входная дверь на первом этаже хлопнула с такой силой, что под ногами Луциллы содрогнулся пол. На лестнице слышались торопливые тяжелые шаги. Как примитивен этот народ!

Подумать только – лестница! Луцилла обернулась, когда открылась дверь в комнату. Раввин, окутанный духом меланжи, шагнул через порог. Весь вид его подтверждал худшие опасения Луциллы.

– Простите за опоздание, дорогая леди. Меня вызывали на допрос к Эдрику, Гильд-навигатору.

Так вот откуда запах Пряности. Навигаторы постоянно буквально купались в оранжевом облаке меланжи. За ее парами черты их лиц зачастую казались расплывчатыми. Луцилла ясно представила себе безобразные черты Гильд-навигатора – крошечный ротик, изогнутый в виде латинской V, приплюснутый, распластаный по физиономии нос, гигантское лицо с пульсирующими висками. Луцилла легко могла себе представить, какими угрожающими казались Раввину раскаты голоса навигатора, слова которого механически переводились транслятором на безличный галахский.

– Что он хотел?

– Вас.

– Он...

– Он ничего не знает точно, но подозревает нас. Впрочем, сейчас он подозревает всех.

– Они следят за вами?

– В этом нет необходимости. Они смогут найти меня в любой момент, когда только пожелают.

– Что будем делать? – Она понимала, что говорит слишком громко и слишком быстро.

– Дорогая леди... – Он подошел к Преподобной Матери на три шага, и Луцилла увидела капельки пота на его лбу и носу. Страх. Она явственно чувствовала его запах.

– Так что же?

– Мы находим крайне интересной экономическую основу деятельности Досточтимых Матрон.

Его слова кристаллизовали ее страх. *Так я и знала! Он собирается выгодно меня продать!*

– Как вы, Преподобные Матери, хорошо знаете, в любой экономической системе всегда есть пробелы.

– Да? – Все это звучало весьма подозрительно.

– Неполное подавление торговли в любой области всегда повышает доходы торговцев, особенно старших дистрибьюторов. – В его голосе появилась настораживающая неуверенность. – Ошибочно думать, например, что можно остановить распространение наркотиков, блокируя границы.

В чем он хочет ее убедить? Он описывает ситуацию, которую понимает любая послушница. Высокий доход всегда используется для приобретения надежных и безопасных путей провоза, минуя пограничную стражу. Иногда подкупают и саму стражу.

Не подкупил ли он стражу Досточтимых Матрон? Несомненно, он не уверен, что может сделать это, не подвергая себя опасности.

Она терпеливо ждала, когда он соберется с мыслями, чтобы сформулировать предложение, которое она, по его мнению, скорее всего примет.

Почему он привлек ее внимание к пограничной страже? Определенно он занялся именно ею. Стража всегда готова за деньги продать тех, кому она служит, оправдывая себя тем, что «если этого не сделаю я, то сделает кто-нибудь другой!».

Мелькнула искра надежды.

Раввин откашлялся. Очевидно, он нашел подходящие слова и сейчас заговорит.

– Я не верю, что существует какой-то способ вывезти вас с Гамму живой.

Она не ожидала такой прямоты.

– Но тогда...

– Другое дело – информация, которую вы храните, – сказал он.

Так вот что прячется за всеми этими фокусами со стражей и границами!

– Вы не поняли меня, Раввин. Моя информация – это не несколько слов и предупреждений. – Она постучала пальцем по своему лбу. – Здесь обитает множество драгоценных жизней, все они имеют незаменимый опыт, обучение у них настолько жизненно важно, что...

– Ах, я все это понимаю, дорогая леди. Наша проблема заключается в том, что вы не понимаете.

Эти вечные ссылки на понимание!

– В настоящий момент я могу полагаться только на вашу честь, – проговорил он.

Ах эта легендарная честность Сестер Бене Гессерит, давших слово, которому всегда можно доверять!

– Вы же знаете, что я скорее умру, чем предам вас, – сказала она.

Он беспомощно развел руки в стороны.

– Я совершенно в этом уверен, моя дорогая леди. Речь идет не о предательстве, а о том, что мы никогда не открывали Общине Сестер.

– В чем вы пытаетесь меня убедить? – Луцилла заговорила властно, едва не прибегнув к Голосу, хотя ее и предупреждали не пытаться применять его по отношению к иудеям.

– Я должен получить от вас обещание. Вы должны дать мне слово не выступать против нас из-за того, что я должен открыть вам. Вы должны пообещать принять мое решение нашей дилеммы.

– Не зная, в чем его суть?

– Да, положившись на мои уверения в том, что мы уважаем наши соглашения с вашей Общиной Сестер.

Она вперила в него горящий взгляд, стараясь проникнуть сквозь воздвигнутый им барьер. Внешние реакции можно было толковать правильно, но что за таинственная сила кроется за его неожиданным поведением, было совершенно непонятно.

Раввин ждал, когда эта устрашающая женщина примет свое решение. Он всегда чувствовал себя неуютно в обществе Преподобных Матерей. Он знал, каким будет это решение, и испытывал по отношению к Луцилле неподдельную жалость. Он видел, что она легко читает эту жалость на его лице. Как много и одновременно мало они знают. Их власть и сила – всего лишь маска. Но как опасно их знание о Тайном Израиле!

Мы должны вернуть им этот долг. Она не принадлежит к Избранным, но долг есть долг. Честь – это честь. Истина – истина.

Бене Гессерит сохраняла Тайну Израиля во многих критических ситуациях. Его народу не надо было пространно объяснять, что такое погром. Понятие погрома глубоко запечатлелось в душе людей Тайного Израиля. Благодаря *Непроизносимому* эта память не сотрется никогда. По крайней мере до тех пор, пока они не смогут простить.

Память поддерживалась ежедневными ритуалами (иногда они бывали коллективными), придававшими священный ореол тому, что должен был делать Раввин. Бедная женщина! Она тоже была пленницей памяти и обстоятельств.

Мы в кипящем котле! Оба!

– Я даю вам слово, – произнесла Луцилла.

Раввин вернулся к двери и распахнул ее. На пороге стояла пожилая женщина. Раввин сделал приглашающий жест, и старуха вошла. Ее волосы цвета старого мореного дерева были собраны в пучок на затылке. Лицо, покрытое морщинами, напоминало сушеный миндаль. Но какие глаза! Они были совершенно синие! И какая стальная твердость в них...

– Это Ребекка, женщина из нашего народа, – сказал Раввин. – Я уверен, вы понимаете, какую опасную вещь она сделала.

– Испытание Пряностью, – прошептала Луцилла.

– Она прошла его очень давно и с тех пор служит нам верой и правдой. Теперь она послужит вам.

Луцилле надо было убедиться самой.

– Ты можешь делить Память? – спросила она.

– Я никогда не делала этого, леди, но знаю, как это делается. – Говоря это, Ребекка подошла к Луцилле почти вплотную.

Женщины наклонились друг к другу, и их лбы соприкоснулись. Руками они обняли друг друга за плечи.

Их сознания стали единым целым, и Луцилла послала мысленный приказ: «Это должны получить мои Сестры».

– Я обещаю, дорогая леди.

В этом слиянии душ не было места обману, искренность была скреплена чувством неминуемой смерти, которое вызывалось меланжей, действием, которое древние фримены называли «маленькой смертью». Луцилла приняла клятву Ребекки. Дикая Преподобная Мать еврейского народа посвятила свою жизнь Общине Сестер. Но было что-то еще! Луцилла едва не задохнулась, поняв, что именно. Раввин решил продать ее Досточтимым Матронам. Водитель грузовика, которого она видела только что, был их агентом, который убедился, что Луцилла – это та женщина, которую разыскивают.

Искренность Ребекки не оставила Луцилле выбора.

«Это единственный способ спасти себя и сохранить доверие к нам».

Так вот почему Раввин заставил ее думать о страже и торговцах властью! *Умно, умно. И я приняла это предложение, и он знал, что я приму его.*

*Нельзя управлять марионеткой с помощью только одной нити.
(Бич Дэнсунни)*

Преподобная Мать Шиана стояла в своей скульптурной мастерской. На руках женщины были надеты похожие на перчатки шейперы, увенчанные неким подобием серых когтей. Уже в течение почти целого часа кусок сенсиплаза изменял свою форму по желанию Шианы. Сотворение скульптуры было близко, она чувствовала, как в ее душе поднимается понимание того, что должно быть сделано. Сила творческого порыва была так велика, что Шиану охватила дрожь. Удивительно, как этот трепет не ощущают те, кто проходит в это время по коридору. Через северное окно в мастерскую проникал сероватый свет, из западного лился оранжевый свет заходящего пустынного солнца.

Старшая помощница Шианы здесь, на Станции Слежения за пустыней, Престер уже довольно долго стояла на пороге мастерской, но молчала – весь персонал станции знал, что творящую Шиану лучше не отрывать от дела.

Отступив назад, Шиана тыльной стороной ладони откинула со лба прядь выгоревших на солнце волос. Черный кусок плаза стоял перед ней, словно вызов, углы и плоскости камня почти соответствовали тому, что она хотела сделать.

Я прихожу творить тогда, когда испытываю наибольший страх, подумала она.

Эта мысль притушила творческий порыв, и она удвоила усилия, чтобы все-таки закончить скульптуру. Когти шейпера все глубже вонзались в толщу плаза, который послушно повторял нужные формы. Было такое впечатление, что гладь моря повторяет волнами прихотливые удары дикого ветра.

Серый свет в северном окне погас, и на потолке тотчас включились желто-серые светильники, но это был уже не тот свет, совсем не тот!

Шиана сделала шаг назад. Ближе, но еще не то. Она почти физически ощущала нужную форму, которая была готова родиться в ее душе. Но плаз отказался повторить форму. Одним ударом Шиана превратила почти готовую скульптуру в бесформенный ком.

Проклятие!

Она стянула с рук шейперы и бросила их на полку за постаментом. В западном окне виднелся рыжий отблеск позднего заката. Наступала полная темнота, и вместе с ней, подобно дневному свету, иссякал ее творческий порыв.

Шиана подошла к западному окну и увидела, как возвращаются поисковые команды. Посадочные огни были опорными пунктами, расставленными на пути движения дюн. Но... это были временные опорные пункты. По медленному полету орнитоптеров Шиана смогла понять, что и в этот раз не была найдена Пряность – признак присутствия песчаных червей, которые должны были расплодиться на месте привезенных с Арракиса песчаных форелей.

Я – пастух, приставленный к стаду червей, которые, может быть, никогда не придут.

Шиана взглядела в темное отражение своего лица в оконном стекле. Было заметно, где испытание Пряностью оставило свой неизгладимый след. Смуглая тощая дочь Пустыни превратилась в строгую женщину. Правда, темные волосы упрямо росли на затылке, а в синих глазах застыло дикое выражение дочери Дюны. Это видели все окружающие. Вся проблема заключалась именно в этом, внешний вид делал Шиану уязвимой, она испытывала постоянный страх.

Было такое впечатление, что Миссия не закончила свою деятельность по формированию образа нашей *Шианы*.

Если появится гигантский песчаный червь, то можно будет воскликнуть: «Шай-Хулуд вернулся!» Защитная Миссия Бене Гессерит была готова выпустить ее, Шиану, на ничего не подозревающее человечество, готовое к новому религиозному обожанию. Миф стал реальностью... так же, как мог стать реальностью кусок плаза, будь у нее больше вдохновения и упорства.

Святая Шиана! Ей покорился сам Бог-Император! Смотрите, как подчиняется ей песчаный червь! Лето вернулся к нам!

Произведет ли это должное впечатление на Досточтимых Матрон? Вероятно, да. Они проявят показную покорность на службе Богу-Императору, которого сами называли Гульдуром.

Не похоже, что они смогут следовать «Святой Шиане», разве только в смысле эксплуатации ее сексуальной привлекательности. Шиана знала, что ее сексуальное поведение выглядело отвратительно даже в глазах Сестер Бене Гессерит, но это был протест против засилья Защитной Миссии, которая пыталась на нее давить. Оправдание, что она лишь оттачивала мастерство мужчин, подготовленных Дунканом Айдахо... было всего лишь пустым оправданием.

Беллонда подозревает ее в худшем.

Ментат Белл была вечной угрозой для Сестер, которые срывались с цепи. Именно по этой причине Беллонда до сих пор сохранила свое господствующее положение в Высшем Совете Общины Сестер.

Шиана отвернулась от окна и бросилась на лежанку, застеленную оранжевым, с янтарным оттенком, покрывалом. Прямо перед ней на стене красовалось изображение гигантского червя, нависшего над крошечной человеческой фигуркой.

Таковыми они были, и, может быть, их никогда больше не будет. Что я хотела сказать этим рисунком? Если бы я знала, то, вероятно, смогла бы слепить что-то путное из куса плаза.

Было очень опасно вести с Дунканом переговоры с помощью тайного языка жестов. Но были вещи, которых Сестры не знали. Пока.

Возможно, для обоих из нас существует способ бежать.

Но куда можно уйти? Вокруг простирается вселенная, занятая Досточтимыми Матронами и другими силами. Есть вселенная рассеянных миров и планет, населенных по большей части людьми, которые хотят одного – прожить жизнь в мире и покое, в некоторых местах

они согласны встать под руку Бене Гессерит, в других – ускользнуть от власти Досточтимых Матрон, но подавляющая часть людей хочет управлять собой самостоятельно – в меру своих сил и способностей. Их обуревала вечная мечта о народовластии, и эти последние представляли собой неизвестную величину во всех рассуждениях. Но всюду довлел урок, преподанный Досточтимыми Матронами! Мурбелла намекает на то, что Досточтимые Матроны есть не что иное, как крайнее выражение Говорящих Рыб и Преподобных Матерей. Демократия Говорящих Рыб выродилась в автократию Досточтимых Матрон. Эти намеки были столь многочисленны, что их было невозможно игнорировать. Но зачем они подчеркивают свои подсознательные порывы Тзондами, клеточным наведением и сексуальной изощренностью?

Где тот рынок, где будут востребованы наши таланты беглецов?

Эта вселенная перестала быть единой. Повсюду можно вычленишь массу подводных течений, сплетающихся в паутину. Это была редкая сеть с большими ячейками, ее целостность держалась на старых компромиссах и временных соглашениях.

Одраде однажды сказала: «Это напоминает старое белье с потертыми краями и заштопанными дырками».

Не существовало более сети ОСПЧТ, которая связывала торговыми узами разные регионы Старой Империи. Теперь существовали куски и фрагменты, связанные самыми необременительными и непрочными связями. Люди относились к этой лоскутной Империи с недоверием и тосковали по добрым старым временам.

Какая вселенная примет нас просто как беженцев, а не как святую Шиану с супругом?

Нельзя, правда, сказать, что Дункан супруг. Таков был первоначальный план Бене Гессерит: «Связать Дункана и Шиану. Мы управляем им, а он управляет Шианой».

Мурбелла положила конец этим планам. *И это хорошо для нас обоих. Кому нужна сексуальная одержимость?* Но надо признать, что Шиану обуревали смутные чувства в отношении Дункана Айдахо. Тайные разговоры, прикосновения. Но что они скажут, когда придет Одраде со своими вопросами. Когда, а не если.

«Мы обсуждаем способы, которыми Мурбелла и Айдахо могут ускользнуть от вас, Верховная Мать. Мы обсуждаем альтернативные способы восстановления памяти Тега. Мы говорим о нашем бунте против Бене Гессерит. Да, Дарви Одраде! Твои бывшие ученики замыслили мятеж против вас».

В отношении Мурбеллы Шиана тоже испытывала противоречивые чувства.

Она сумела приручить Дункана, а я, вероятно, потерпела неудачу.

Пленительная Досточтимая Матрона была чарующим опытом... и временами бывала занятой. Именно ее шуточное стихотворение висело на стене в столовой послушниц:

Эй, Бог, надеюсь, что ты здесь.
Услышь, прошу, мою молитву.
Тот идол, что на полке у окна –
Ты ль это, или я сама?
Но что б там ни было, храни
Меня, чтоб я на пальчиках стояла.
Храни от страшных заблуждений,
Ради меня и тебя самого, ведь хочешь,
Чтобы прокторы мои меня считали совершенством;
Небесным, ибо оно для неба то же,
Что для пшеничных булок дрожжи.
Что б ни случилось здесь из нас с любой,
Заботься о себе и обо мне... с тобой.

Было бы очень любопытно наблюдать сцену столкновения Одраде с Мурбеллой, записанную на видеокамеру. Голос Одраде непривычно резок и строг:

- Мурбелла, ты?
- Боюсь, что да. – Не слышно никакого раскаяния.
- Ты очень боишься? – Прежняя строгость.
- Почему бы и нет? – Довольно вызывающе.
- Ты шутишь по поводу Защитной Миссии! Не возражай. Таково было твоё намерение.
- Это звучит чертовски претенциозно!

Обдумывая такой гипотетический спор, Шиана могла только посочувствовать. Бунт Мурбеллы был симптоматичен. До какой степени должно дойти брожение, чтобы стать заметным?

Я точно так же восставала против этой вечной дисциплины, «которая сделает тебя сильной, дитя мое».

Какой Мурбелла была в детстве? Какие силы, какое принуждение ее сформировали? Жизнь – это всегда реакция на принуждение и внешнее давление. Некоторые сдаются и легко принимают требуемую форму: поры краснеют и отекают из-за избыточного наполнения. Бахус злобно наслаждается таким зрелищем. Вождение запечатлевается на лицах таких людей. Преподобные Матери знают об этом феномене на основе многолетних наблюдений. *Нас формируют внешние воздействия вне зависимости от того, сопротивляемся мы им или нет.* Давление и формирование – вот что такое жизнь. *И своим тайным сопротивлением я только создаю новое давление.*

При нынешней степени бдительности Общины Сестер все переговоры с Дунканом выглядели просто потерей времени.

Шиана склонила голову и взглянула на бесформенный кусок плаза.

Но я не сдамся. Я сама определяю, какова будет моя жизнь, и сама ее создам. Будь проклят этот Бене Гессерит!

Но при этом я потеряю уважение Сестер.

Было удивительно думать о том, какое сильное воздействие оказывало на членов Ордена взаимное уважение и потребность в нем. Они сохранили это взаимное уважение с глубокой древности и черпали в нем силы для восстановления своей сути, которая всегда требуется человеческому существу в трудных ситуациях. Это чувство довлело над Сестрами и сегодня, вызывая у них чувство трепетного уважения.

Таким образом, поскольку ты – Преподобная Мать, то пусть это будет истинно.

Шиана понимала, что ей предстоит испытать эту древнюю догму до ее пределов, может быть, именно ей суждено поломать эту традицию. И придание формы куску плаза, формы, которой требовала ее собственная сущность, жаждавшая воплощения, было лишь одним элементом того, что надо было сделать. Назовите это мятежом, назовите это любым другим именем, но сила, проснувшаяся в груди Шианы, требовала выхода.

Когда вы пассивно ждете, что вам предложит жизнь, она просто проходит мимо. Иначе говоря: «Живите полной жизнью». Жизнь – это игра, правила которой можно изучить, только участвуя в ней и играя до конца. В противном случае вы не сможете сохранить равновесие и будете постоянно удивляться изменчивости судьбы. Сторонние наблюдатели постоянно жалуется, что удача обходит их стороной. Такие люди отказываются понять, что во многом они сами творцы своей удачи.

(Дарви Одраде)

– Ты видела последние видеозаписи Айдахо? – спросила Беллонда.

– Потом, потом! – Одраде сильно проголодалась и не смогла удержаться раздражения, отвечая на упрямое приставание Белл.

В последние дни Верховная Мать испытывала жесточайший прессинг. Она всегда старалась исполнять свои обязанности, прибегая к широкому охвату явлений. Чем больший круг вещей ее интересовал, тем больше становилось поле зрения, а значит, и возможность добыть полезные данные. Разумом эти данные можно было очистить. Суть. Вот что всегда интересовало Одраде. Суть. Погоня за ней была подобна охоте для насыщения нестерпимого голода.

Однако теперь все ее дни были как две капли воды похожи на сегодняшнее утро. Всем Сестрам была известна ее склонность лично вникать во все дела и совершать инспекционные поездки, но теперь Одраде проводила почти все время в стенах своего рабочего кабинета. Она должна находиться там, где ее всегда можно найти. Но не просто найти. Она должна иметь возможность немедленно скоординировать действия множества людей, а это было возможно только здесь.

Проклятие! Дела пойдут на лад. Я обязана это сделать!

Однако время тоже поджимало, и этот цейтнот становился катастрофическим.

– Мы катимся, словно по колее, мимо дней, взятых взаймы, – говорила по этому поводу Шиана.

Очень поэтично! Но поэзия мало помогает в прагматичных требованиях времени. Им надо рассредоточить как можно больше первичных ячеек Бене Гессерит, пока не опустился топор палача. Все остальное сейчас не важно. Сеть Бене Гессерит порвана и разлетается в направлениях, неведомых Капитулу. Иногда Одраде казалось, что она отчетливо видит эти обрывки и осколки. Сестры улетали в своих кораблях-невидимках, унося с собой личинки песчаных форелей, традиции Ордена, учение и древнюю память. Но Община Сестер однажды уже поступила так – во времена Рассеяния, но ни одна из них не вернулась назад и не прислала весточки о себе. Вернулись только Досточтимые Матроны. Может быть, когда-то они были Преподобными Матерями, но сейчас они превратились в уродов, слепо стремящихся к коллективному самоубийству.

Станем ли мы когда-нибудь снова единым целым?

Одраде взглянула на стол, заваленный картами отбора. Кто уйдет, а кто останется? Нет времени на расслабление и долгое раздумье. Память ее покойной предшественницы Таразы говорила: «Я тебя предупреждала! Смотри, через что пришлось пройти мне!»

А ведь когда-то я спрашивала себя, есть ли конечная высшая цель и ее место.

Место, возможно, есть (так она учила послушниц), но нет времени.

Думая о населении, не принадлежащем Бене Гессерит, об этом пассивном большинстве, Одраде часто завидовала ему. Они могли спокойно предаваться своим иллюзиям. Какое это удобство. Можно делать вид, что жизнь длится вечно, что завтра будет лучше, чем сегодня, что на небесах есть боги, которые заботятся о тебе.

Одраде отвлеклась от этих мыслей и содрогнулась от отвращения к себе. Лучше иметь незамутненный взгляд, чего бы ни стоила эта осведомленность.

– Я просмотрела записи, – ответила Одраде терпеливо ждущей Беллонде.

– У него очень интересные инстинкты, – произнесла Беллонда.

Одраде быстро обдумала эти слова. Потайные видеокамеры, расставленные в корабле-невидимке, отличались зоркостью, от них мало что можно было скрыть. Теоретические воззрения Совета на гхола Айдахо все больше переставали быть теорией, превращаясь в твердое убеждение. Сколько памяти от прошлых воплощений Дункана Айдахо сохранил в своем сознании этот гхола?

– Там очень беспокоится по поводу их детей, – продолжала Беллонда. – У них прорезаются опасные таланты?

Этого и следовало ожидать. Трое детей, которых Мурбелла родила от Айдахо, были отняты у матери при рождении. За их развитием велось тщательное наблюдение. Обладают ли они той потрясающей быстротой реакции, которой столь опасно отличались Досточтимые Мат-

роны? Говорить об этом было пока рано. Такие вещи развиваются ближе к половому созреванию, во всяком случае, так говорит сама Мурбелла.

Пленница была возмущена и разгневана удалением детей, но сам Айдахо проявил удивительное равнодушие, и это казалось странным. Кто-то внушил ему более широкий взгляд на первоначальное творение? Это был взгляд, почти достигший высот Бене Гессерит.

– Еще одна программа скрещивания Бене Гессерит, – насмешливо заметил Дункан по этому поводу.

Одраде дала волю своим мыслям. Действительно ли Айдахо настолько проникся отношением Бене Гессерит к жизни? Община Сестер утверждала, что эмоциональная привязанность есть не что иное, как древний рудимент – когда-то он был важен для выживания человечества, но теперь он не нужен для выполнения планов Бене Гессерит.

Инстинкты.

Все завязано на яйце и семени. Это жизнь, и довольно громкая: «В тебе говорит биологический вид, болван!»

Любовь... отпрыски... возжеление... Эти подсознательные движущие силы принуждают к специфическому поведению. Как опасно вмешиваться в эту материю. Селекционные Куртизанки знали это, даже делая свое дело. Вопрос обсуждался в Совете, и периодически руководство требовало соблюдать крайнюю осторожность и думать о последствиях.

– Ты изучила записи. И это единственный ответ, который ты можешь мне дать? – Слишком смиренно ведет себя эта толстуха.

Запись, которая так интересовала Беллонду, касалась разговора Айдахо с Мурбеллой. Гхола пытался выяснить, каким образом Досточтимые Матроны привязывают к себе мужчин. Его интересовала техника процесса. *Почему?* Его параллельные способности были заложены в наследственную память в бродильных чанах Глейлаксу. Способности Айдахо были подсознательными, сродни инстинктам, но результат был неотличим от того, что делали Досточтимые Матроны – экстаз превосходил все мыслимые границы, жертва теряла разум и становилась рабом источника поощрительного наслаждения.

Мурбелла не слишком распространялась в своих объяснениях, будучи раздосадованной тем, что Айдахо сумел поработить ее таким же способом, каким она привыкла порабощать других.

– Мурбелла замыкается в себе, когда Айдахо начинает спрашивать о мотивах, – сказала Беллонда.

Да, я тоже это заметила.

– Я могла убить тебя, и ты это знаешь, – сказала Мурбелла своему любовнику.

Пленка зафиксировала их в постели. Сразу же после того, как они насытили свою взаимную зависимость. На обнаженной плоти блеснул пот. Лоб Мурбеллы был прикрыт голубым полотенцем. Зеленые глаза смотрят прямо в объектив. Казалось, что она смотрит на наблюдателя. В радужках плясали оранжевые огоньки – признак гнева. Гнев проявлялся действием вещества, которым Досточтимые Матроны заменяли Пряность. Сейчас, правда, Мурбелла принимала меланжу без всяких побочных эффектов.

Рядом с женщиной лежал Айдахо, черные волосы составляли разительный контраст с белой подушкой, на которой покоилась его голова. Буйная грива волос разметалась по белоснежной ткани, обрамляя лицо. Глаза были закрыты, но веки подрагивали. Он сильно исхудал. Айдахо недоедал, несмотря на то, что по приказу Одраде ему доставляли самую соблазнительную и изысканную пищу. Резко обозначились скулы. За годы заточения на корабле-невидимке лицо стало резким и угловатым.

Угроза Мурбеллы не была пустым звуком. Она действительно обладала необходимыми для убийства физическими способностями. Одраде знала это, но психологически это был неверный ход. *Убить своего возлюбленного? Нет, вряд ли.*

Похоже, Беллонда разделяла мнение Верховной Матери.

– Что она хотела показать, когда демонстрировала свои физические способности? Мы это уже видели.

– Она знает, что мы наблюдаем за ней.

Камера зафиксировала, как Мурбелла, пытаясь преодолеть охватившую ее после сношения слабость, постаралась выпрыгнуть из постели. Движения ее были заторможены, но тем не менее она двигалась с быстротой, недоступной Сестрам Бене Гессерит. Выбросив вперед ногу, она волевым усилием остановила ее в дюйме от головы Айдахо.

При первом движении Мурбеллы Айдахо открыл глаза. Он смотрел на женщину без страха, не пытаясь увернуться от удара.

Какой удар. Она убила бы его, если бы довела до конца. Для устрашения такой каскад достаточно увидеть один раз в жизни. Мурбелла двигалась, не используя кору своего головного мозга. Она действовала как насекомое, используя комплекс фиксированных действий, запускаемый раздражением мышц.

– Видишь! – произнесла Мурбелла, опустила ногу и вперила горящий взор в Айдахо.

Дункан улыбнулся.

Наблюдая эту сцену, Одраде вспомнила, что в распоряжении Бене Гессерит находится трое детей Мурбеллы, все девочки. Селекционные Куртизанки были очень взволнованы. Рожденная от них Преподобная Мать сможет обладать способностями Досточтимой Матроны.

На это у нас может просто не хватить времени.

Однако Одраде вполне разделяла волнение Селекционных Куртизанок. Какая скорость реакции! Добавьте сюда нервно-мышечные тренировки и способности Сестер к прана-бинду. У Верховной Матери не было слов, чтобы описать то, что может получиться в результате.

– Она проделала это для нас, а не для него, – сказала Беллонда.

В этом Одраде не была уверена. Мурбелла была недовольна слезкой, но смирилась с ней и привыкла к камерам соглядатаев. Во многих ее действиях чувствовалось полное пренебрежение к факту наблюдения и равнодушие к людям, которые следили за ней. Дальше на пленке запечатлелось, как Мурбелла возвращается в постель к Айдахо.

– Я ограничила доступ к этой записи, – сказала Беллонда. – У некоторых послушниц появились проблемы после просмотра.

Одраде одобительно кивнула. *Сексуальное пристрастие.* Эта сторона активности Досточтимых Матрон вызывала ропот и волнение в Бене Гессерит, особенно среди послушниц. Да, такие записи впечатляют. Кроме того, большинство Сестер в Капитуле знало, что Преподобная Мать Шиана практикует такую технику, несмотря на всеобщий страх того, что она может ослабить душу и тело.

Мы не должны превратиться в Досточтимых Матрон, не уставала повторять Белл. Но у нас есть контролирующий фактор – Шиана. Она кое-чему научила нас относительно Мурбеллы.

Однажды Одраде явилась на корабль-невидимку, когда Мурбелла была одна и пребывала в расслабленном состоянии. Верховная Мать задала ей прямой вопрос:

– До того как появился Айдахо, неужели вы не пытались ни с кем соединиться «только для радости»?

В ответ Мурбелла выпрямилась в гордом негодовании.

– Он взял меня по чистой случайности!

Тот же гнев звучал в ее ответах на вопросы Айдахо. Вспомнив это, Одраде склонилась над столом и снова прокрутила запись.

– Посмотри, как она злится, – сказала Беллонда. – Чтобы преодолеть ее негативизм, надо прибегнуть к гипнотрансу. Ставлю свою репутацию.

– Все выплывет наружу во время испытания Пряностью, – возразила Одраде.

– Если она когда-нибудь согласится на нее!

– Гипнотранс – это наша самая сокровенная тайна.

Беллонда задумалась над очевидным намеком. *Ни одна из Сестер, посланных в Первое Рассеяние, не вернулась назад.*

Вывод напрашивался сам собой: «Неужели отщепенцы из Бене Гессерит сотворили Досточтимых Матрон?» Многое говорило в пользу такого заключения. Но почему они прибегли именно к сексуальному порабощению мужчин? Исторические ссылки Мурбеллы были детским лепетом, и к ним нельзя было относиться всерьез. Все в деятельности Досточтимых Матрон противоречило основам учения Бене Гессерит.

– Это надо выяснить, – настаивала Беллонда. – Та малость, которую мы знаем, очень тревожит меня.

Одраде разделяла эти опасения. Насколько соблазнительна такая способность? Очень велика. Послушницы признавались, что им очень хочется стать Досточтимыми Матронами. Тревога Беллонды была вполне обоснованной.

Стоит только создать или разбудить эти неуправляемые силы, как вы тут же получите плотские фантазии небывалой сложности. Пользуясь этими необузданными желаниями и дикими фантазиями, можно повести за собой массы.

Досточтимые Матроны осмелились воспользоваться страшной силой. Если все узнают, что они нашли ключ к ослепительному экстазу, – можно считать, что они наполовину выиграли битву. Простой намек на то, что такой ключ существует, – это уже почти поражение. Люди уровня Мурбеллы в этой Общине Сестер могут и не понимать всех последствий, но руководители... Неужели возможно, что они пользуются этой силой, не заботясь о последствиях или не подозревая о подводных камнях? *Если это так, то каким образом наши Сестры, посланные в Рассеяние, соблазнились этим тупиком?*

Несколько ранее Беллонда предложила свою гипотезу.

Когда-то во время первого Рассеяния Досточтимая Матрона захватила в плен Преподобную Мать, и между ними состоялся следующий разговор:

– Добро пожаловать, Преподобная Мать. Мы хотим, чтобы вы стали свидетельницей небольшой демонстрации нашего могущества.

Последовала интерлюдия сексуальной демонстрации с последующим показом скорости физических рефлексов Досточтимых Матрон. После этого из организма Преподобной Матери была удалена Пряность и введено средство на основе адреналина в сочетании с гипнотиком. В состоянии гипнотического транса Преподобная Мать получила сексуальный импринтинг.

Такое дополнение к абстинентному синдрому после отмены меланжи (как предположила Белл) могло заставить жертву забыть о своем предназначении.

Помоги нам, судьба! Неужели Досточтимые Матроны раньше были Преподобными Матерями? Надо ли нам проверить эту гипотезу на нас самих? Что мы можем узнать, анализируя поведение пары на корабле-невидимке?

Под неусыпным наблюдением Сестер находились два бесценных источника информации, но ключ к их поведению только предстояло найти.

Женщина и мужчина здесь не только партнеры для размножения. Ставки все время растут.

В записи, которая прокручивалась на столе Верховной Матери, прозвучали слова Мурбеллы, привлечшие пристальное внимание Одраде.

– Мы, Досточтимые Матроны, сделали это для себя! Нам некого обвинять.

– Ты слышишь? – спросила Беллонда.

Одраде нетерпеливо тряхнула головой, приказав Беллонде не мешать ей.

– Ты не можешь сказать то же самое обо мне, – возразил Айдахо.

– Это пустое извинение, – обвиняющим тоном заговорила Мурбелла. – Ты был запрограммирован тлейлаксианцами так, чтобы заманить в западню первого сексуального импринтера!

– И убить ее, – поправил подругу Айдахо. – Таково было их намерение.

– Но ты даже не пытался меня убить. Не то что у тебя это получилось бы.

– Когда... – Айдахо осекся, выразительно взглянув на глазок камеры.

– Что он собирался сказать? – крикнула Беллонда. – Мы обязательно должны это выяснить!

Одраде, не обращая внимания на волнение Беллонды, продолжала свое молчаливое наблюдение. Мурбелла демонстрировала удивительную проницательность.

– Ты воображаешь, что поймал меня благодаря случайности, для которой ты вовсе не предназначался?

– Точно так.

– Но я вижу, что в тебе есть что-то такое, что принимает все это! Ты не согласился со своим создателем. Ты дошел до грани своих возможностей.

Взгляд Айдахо затуманился. Он откинул голову, растянув грудные мышцы.

– Это выражение ментата, – обвиняюще крикнула Беллонда.

Все аналитики Одраде утверждали это в один голос, но им еще предстояло получить у самого Айдахо признание того, что он – ментат. Если он действительно ментат, то почему он этого не знает?

От него утаили эту информацию, потому что наделили иными способностями. Он боится нас и имеет на это полное право.

Мурбелла насмешливо заговорила:

– Ты импровизировал, решив улучшить то, что сделали с тобой тлейлаксианцы. В тебе было что-то такое, что не вызывало никаких претензий.

– Так она пытается справиться с чувством собственной вины, – сказала Беллонда. – Она должна верить, что это правда, что Айдахо просто поймал ее в ловушку.

Одраде поджала губы. На столе появилось следующее изображение. Айдахо выглядел удивленным.

– Вероятно, это касается нас обоих.

– Ты не можешь обвинять Тлейлаксу, а я не могу винить Досточтимых Матрон.

Вошла Тамалейн и опустилась в свое излюбленное кресло-собаку.

– Я вижу, что эта запись заинтересовала и тебя, – сказала Тамалейн, ткнув пальцем в поверхность стола.

Одраде выключила проектор.

– Я инспектировала наши чаны с аксолотлями, – продолжала Тамалейн. – Этот проклятый Считаль утаил от нас жизненно важную информацию.

– Но наш первый гхола безупречен, не правда ли? – спросила Беллонда.

– Наши доктора Сукк не находят у него никаких отклонений.

Одраде заговорила примиряющим тоном:

– Считаль должен получить свою часть прибыли от сделки.

Обе стороны, участвовавшие в ней, сохраняли некоторые иллюзии: Считаль платил Бене Гессерит за спасение от Досточтимых Матрон в убежище Капитула. Но каждая Преподобная Мать знала, что поступки последнего Мастера Тлейлаксу диктовались некоторыми неизвестными им обстоятельствами.

Умен, умен этот Бене Тлейлаксу. Он гораздо умнее, чем мы могли подозревать. Они надули нас со своими чанами с аксолотлями. Само слово «чан» уже было обманом. Нам нарисовали чан, как емкость с текучей амниотической жидкостью, средоточие слож-

ной техники, где дублируется (с помощью контролируемых и управляемых условий) работа материнского чрева. Да, конечно, это чан, но полюбуйтесь на его содержимое!

Решение Тлейлаксу было прямолинейным: использовать оригинал! Природа создавала и усовершенствовала его в течение миллионов лет. Все, что надо было сделать Бене Тлейлаксу, – это добавить контролируемую систему, направить по нужному пути репликацию информации, хранящейся в клетке.

– Язык Бога, – говорил о генетическом коде Сциталь. *Лучше было бы назвать его языком шайтана.*

Обратная связь. Клетка направляет работу материнского чрева. Этим на протяжении эпох занималась каждая оплодотворенная клетка. Тлейлаксианцы просто очистили этот процесс.

Одраде не смогла удержать глубокий вздох, который не укрылся от острых взглядов ее собеседниц. *У Верховной Матери снова неприятности?*

Меня тревожат откровения Сциталья. И что сделали с нами эти откровения. О, как мы уклонялись от «снижения стандартов». Конечно, это обычная рационализация. И мы прекрасно знали, что это рационализация. «Если нет другого пути. Если это способ производить гхола, в которых мы так отчаянно нуждаемся. Вероятно, мы сможем найти добровольцев». Были найдены! Добровольцы!

– Ты витаешь в облаках! – проворчала Тамалейн. Она посмотрела на Беллонду, хотела что-то добавить, но передумала.

Лицо Беллонды стало мягким и вкрадчивым, что часто сопровождало самому плохому настроению. Голос превратился в какой-то гортанный шепот.

– Я настаиваю, чтобы мы ликвидировали Айдахо. Что же касается этого тлейлаксианского чудовища...

– Почему ты, делая такое предложение, прибегаешь к эвфемизмам? – резко спросила Тамалейн, перебивая Беллонду.

– Да, его надо убить, если вы уж так хотите это услышать! А тлейлаксианца необходимо склонить к тому убеждению, которое мы...

– Замолчите, вы обе, – приказала Одраде.

Она на секунду прижала ко лбу ладони, потом посмотрела в сводчатое окно. На улице шел ледяной дождь. Управление Погоды работало со все большими сбоями, и его нельзя было за это винить. Но нет на свете вещи, которую люди ненавидели бы больше, чем непредсказуемость. *«Мы хотим, чтобы все было естественно!» Что бы это ни означало.*

Когда в голову Верховной Матери приходили подобные мысли, она страстно желала ограничить свое существование приятным ей порядком. Редкими прогулками по саду, например. Она наслаждалась этими прогулками в любое время года. Спокойный вечер с друзьями, умный разговор или даже спор с людьми, к которым испытываешь теплые чувства. *Привязанность?* Да. Верховная Мать смеет многое, даже пользоваться любовью друзей. А также выбирать хорошую еду и питье с отменным вкусом. Этого она тоже хотела. Как приятно играть своим вкусом. А потом... да, потом можно разделить ложе с другом, который всецело отдает себя тебе, так же, как ты отдаешь себя ему.

Все это почти невозможно, конечно. Ответственность! Какое это могучее слово, и сколько в нем жгучей горечи.

– Что-то я проголодалась, – заявила Одраде. – Не заказать ли нам обед?

Беллонда и Тамалейн во все глаза уставились на нее.

– Но сейчас только половина двенадцатого, – укоризненно проговорила Тамалейн.

– Да или нет? – стояла на своем Одраде.

Беллонда и Тамалейн обменялись понимающими взглядами.

– Как хочешь, – сдалась Беллонда.

Одраде знала, что среди Сестер Бене Гессерит ходит поговорка, что дела в Общине идут намного лучше, когда удовлетворен аппетит Верховной Матери. Обе советницы решили просто уравновесить чаши весов.

Одраде нажала кнопку селекторной связи.

– Обед на троих, Дуана. Что-нибудь особенное по твоему вкусу.

Обед состоял из любимого блюда Одраде – запеченной телятины. Дуана украсила блюда зеленью, добавила к телятине немного розмарина. Овощи были не пережарены. Превосходное кушанье.

Одраде наслаждалась каждым кусочком. Ее гости ели совершенно машинально.

Может быть, в этом причина того, что я – Верховная Мать, а они – нет?

Когда послушница убрала остатки обеда, Одраде вернулась к своей излюбленной теме: что болтают во дворце и каково настроение среди послушниц Капитула.

Она вспомнила дни своего послушания, как жадно прислушивалась к разговорам старших женщин, ожидая услышать что-то очень важное, но единственное, что можно было узнать, – это нечто о Сестре такой-то и о том, какие проблемы у проктора такого-то. Иногда, правда, барьеры падали и старшие выдавали очень полезную и важную информацию.

– Очень многие послушницы болтают, что хотели бы уйти в Рассеяние, – прохрипела Тамалейн. – Крысы бегут с тонущего корабля.

– Многие проявляют большой интерес к Архиву, – заговорила Беллонда. – Сестры, которые лучше других разбираются в ситуации, хотят узнать, насколько много в них генов Сионы.

Одраде показался интересным этот факт. Их общий предок времен Тирана, Сиона ибн Фуад аль-Сейефа Атрейдес, передала своим потомкам способность быть недоступными для ищеек, обладающих предзнанием. Каждый человек, который открыто перемещался по Капитулу, обладал этой врожденной защитой.

– Ищут явные признаки? – спросила Одраде. – Они что, сомневаются, что защищены все, кому угрожает опасность?

– Они хотятшний раз в этом убедиться, – прорычала Беллонда. – А теперь я хотела бы вернуться к Айдахо, можно? У него есть генетический маркер, но одновременно его как будто и нет. Это очень тревожит меня. Почему в некоторых его клетках нет генов Сионы? Что сделали с ним тлейлаксианцы?

– Дункан сознает опасность и не склонен к самоубийству, – заметила Одраде.

– Мы не знаем, кто он такой, – возразила Беллонда.

– Вероятно, он ментат, а мы все знаем, что это значит, – сказала Тамалейн.

– Я понимаю, зачем мы сохранили жизнь Мурбелле, – продолжала Беллонда. – Она – важный источник информации. Но Айдахо и Считаль...

– Хватит! – рявкнула Одраде. – Мне кажется, что собаки-шпионы слишком долго лают.

Беллонда восприняла этот выкрик с недовольным видом. *Собаки-шпионы*. Так в Бене Гессерит называли постоянное слежение за поведением Сестер, чтобы не допустить их падения. Это было большое испытание для послушниц, но для Преподобных Матерей давно превратилось в привычную часть жизни.

Однажды Одраде объяснила это Мурбелле, когда они наедине, с глазу на глаз, находились в переговорном помещении корабля-невидимки. Они стояли тогда близко друг к другу, не отводя взглядов. Обстановка была неформальная и интимная, если не считать, конечно, вечных глазков видеокамер.

– Собаки-шпионы, – сказала Одраде, отвечая на вопрос Мурбеллы. – Это означает, что мы оводы по отношению друг к другу. Не делай из мухи слона. Мы редко придираемся к чему бы то ни было. Достаточно бывает одного слова.

Широко расставленные зеленые глаза Мурбеллы напряженно вглядывались в лицо Одраде. Она ждала разъяснения. Что это за слово, которым ограничиваются в Бене Гессерит?

- Какого слова?
- Любого слова, черт возьми! Какое подходит к случаю. Это похоже на обоюдный рефлекс. Мы разделяем общий такт, который не раздражает нас. Мы рады, что у нас есть это общее, потому что оно поддерживает нас в форме.
- И вы приставите ко мне такую собаку, если я стану Преподобной Матерью?
- Мы искренне хотим, чтобы у нас были такие собаки. Без них мы станем слабее.
- Это звучит подавляюще.
- Мы так не считаем.
- А мне это кажется отвратительным. – Она взглянула на сверкающие линзы объективов, вделанные в потолок. – Так же, как и эти видеокамеры.
- Мы заботимся о себе, Мурбелла. Коли ты принадлежишь к Бене Гессерит, будь готова к тому, что тебя будут вести и поддерживать.
- Удобная ниша, – насмешливо отозвалась Мурбелла.
- Одраде постаралась придать своему голосу всю возможную мягкость.
- Это совсем не то, что ты думаешь. Всю твою жизнь тебя преследуют вызовы. Ты платишь Общине Сестер ровно в меру своих возможностей.
- Собаки-шпионы!
- Мы всегда думаем друг о друге. Некоторые из нас, особенно те, кто принадлежит к руководству, иногда бывают авторитарны, даже грубы, но это поведение диктуется потребностями момента.
- Никогда не допускается теплое отношение или нежность, да?
- Таковы правила.
- Привязанность, быть может, если уж не любовь?
- Я уже рассказывала тебе о правиле. – Одраде ясно читала реакцию на лице Мурбеллы: *«Вот оно что! Они потребуют, чтобы я отказалась от Дункана!»*
- Итак, среди Сестер Бене Гессерит не бывает любви. – Как грустно прозвучали эти слова. До сих пор Мурбелла еще надеялась.
- Любовь иногда случается, – сказала Одраде, – но мои Сестры расценивают это как отклонение.
- Значит, то, что я чувствую по отношению к Дункану, не более чем отклонение?
- Да, и Сестры постараются вылечить тебя.
- Вылечить? Заняться со мной корректирующей терапией для пораженных!
- Любовь считается здесь признаком разложения.
- Сейчас я вижу признаки разложения на вас!
- Словно читая мысли Одраде, Беллонда вывела Верховную из задумчивости.
- Эта Досточтимая Матрона никогда не станет одной из нас! – Беллонда яростно стряхнула крошку с губ. – Мы теряем время, стараясь привить ей наше учение.
- По крайней мере Белл не употребила слово «иллюха», подумала Одраде. Это уже прогресс.*

Все правительства страдают от одной и той же неразрешимой проблемы: власть притягивает к себе патологических личностей. Не то чтобы власть разлагает, нет, но она притягивает, словно магнит, людей, уже склонных к разложению. Такие люди имеют тенденцию упиваться насилием, и это состояние быстро вызывает у них болезненное пристрастие.
(Защитная Миссия)

Ребекка, склонив колени на желтые плиты пола, как ей приказали, опустив голову, не осмеливалась взглянуть на сидевшую в недостижимой высоте столь опасную Великую Досточтимую Матрону. Почти два часа ждет Ребекка своей участи здесь, посреди огромного

зала, пока Великая Досточтимая Матрона и ее окружение наслаждаются обедом, сервированным подобострастными слугами. Ребекка внимательно следила за ними и старательно подражала манере их поведения.

Глазницы болели от пересадки, которую сделал ей Раввин меньше месяца назад. Новые глаза имели нормальный вид – то есть синюю радужку и белые склеры. Не осталось никаких намеков на то, что в прошлом эта женщина прошла через испытание Пряностью. Эта мера была временной – не пройдет и года, как белки окрасятся в синий цвет.

Однако боль в глазах была сущим пустяком по сравнению со всем остальным. Органический имплантат постоянно снабжал ее организм меланжей, поддерживая зависимость. Запас Пряности рассчитан на шестьдесят дней, если Досточтимые Матроны продержат ее здесь дольше, то разовьется такой делирий, по сравнению с которым боль в глазах покажется наслаждением. Но самое опасное – это шир, который поступает в ее организм вместе с Пряностью. Если эти дамы обнаружат его, то их подозрения возрастут в геометрической прогрессии.

Ты все делаешь правильно. Храни терпение. Так говорил ей голос Другой Памяти, похоже, этот голос принадлежал кому-то из общины Лампадас. Может быть, это говорила Луцилла, но полной уверенности у Ребекки не было.

Этот голос стал знакомым в течение месяца после Посвящения в Память. Голос называл себя «Вещателем твоего мохалата». *Эти шлюхи не могут проникнуть в суть нашего знания. Помни об этом и будь мужественной.*

Присутствие других людей в сознании нисколько не отвлекало Ребекку от внимательного наблюдения за тем, что происходило вокруг. Это ощущение наполняло ее благоговением. *Мы называем это симультоком*, подсказал ей Вещатель. *Этот одновременный поток расширяет сознание.* Когда она попыталась объяснить это Раввину, он пришел в ярость.

– Ты запятнала себя нечестивыми мыслями!

В тот момент они находились в кабинете Раввина. Был поздний вечер. «Наш удел – красть часы у дня», – говаривал по этому поводу Раввин. Кабинет располагался глубоко под землей, стены его были уставлены старинными книгами, плитами ридулианской бумаги и древними свитками. От внешних зондов помещение было защищено хитроумными иксианскими приспособлениями. Люди Раввина внесли в эти приспособления необходимые изменения для улучшения конструкции.

Ребекке было разрешено сидеть рядом с Раввином возле его стола, в то время как он сам сидел в кресле, откинувшись на его спинку. Плавающий светильник озарял древним желтым светом бородатое лицо, отблескивал от очков, которые были почти символом занимаемого Раввином поста.

Ребекка притворилась растерянной.

– Но вы сами сказали, что от нас требуется спасти это сокровище с Лампадас. Разве Бене Гессерит не относились к нам с подобающим уважением?

Она уловила беспокойство в его глазах.

– Ты не слышала, что говорил Леви о допросах, которые проводят здесь? Зачем сюда пожаловали ведьмы из Бене Гессерит? Вот о чем нас спрашивают.

– Наша версия вполне правдоподобна и последовательна, – запротестовала Ребекка. – Сестры научили нас способу обмануть Вещающего Истину.

– Не знаю... не знаю. – Раввин грустно покачал головой. – Что есть ложь? Что есть истина? Не выносим ли мы себе приговор своими собственными устами?

– Мы противостоям погрому, Равви! – обычно эти слова придавали Раввину твердость.

– Казаки! Да, ты права, дочь моя. В каждую эпоху существуют казаки, которые врываются в местечки со своими нагайками и шашками и с жадой убийства в сердцах.

Странно, подумала Ребекка, *но он умеет создать такое впечатление, словно эти погромы были только вчера и он видел их своими глазами.* Ничего не прощать и ничего не забыть

вать. Лидиш был вчера. Какую силу имело это воспоминание в сердцах сынов Тайного Израиля! Погром! Это понятие так же долговечно, как и учение Бене Гессерит, которое она носит в своем сознании. Всегда. *Это и было тем, чему всегда сопротивлялся Раввин*, сказала себе Ребекка.

– Боюсь, что ты отложила от нас, – сказал Раввин. – Что я тебе сделал? Что я сделал? И все во имя чести.

Он взглянул на оборудование, расположенное в кабинете. Аппаратура сигнализировала о работе ветряных двигателей, которые давали энергию для утренних нужд, которую можно было запастись с помощью машин, подаренных Общиной Сестер. Свобода от Икса. Независимость. Какое это все же особенное слово.

Не глядя на Ребекку, он продолжал:

– Я нахожу этот предмет – Чужую Память – очень трудным. Память должна нести с собой мудрость, но она не делает этого. Самое главное – это привести память в порядок и знать, куда следует приложить свои знания.

Он повернул голову и посмотрел на женщину. Тень упала на его лицо.

– Кто этот человек внутри тебя, о котором ты говоришь? Тот, о ком ты думаешь, что это Луцилла?

Ребекка видела, что Раввину доставляет удовольствие произносить это имя. Если Луцилла могла говорить посредством дочери Тайного Израиля, то, значит, ее еще не предали и она еще жива.

Опустив глаза, Ребекка заговорила:

– Она утверждает, что это внутренние образы, звуки и ощущения, которые являются по требованию или вторгаются в сознание по необходимости.

– Да, вот именно, по необходимости! Но что это, как не сигналы чувств, идущие от плоти, которая, возможно, была там, где ты не должна была быть и делала непотребные вещи?

Другие люди, Другая Память, подумала Ребекка. Испытав это, она понимала, что никогда по доброй воле не откажется от такого дара. *Наверное, я и правда стала Сестрой Бене Гессерит. Именно этого он больше всего, конечно, и опасается.*

– Вот что я тебе скажу, – заговорил после недолгого молчания Раввин. – Это жестокое расчленение живого сознания, как они это называют, все это ничто, до тех пор, пока ты не поймешь, как принимать решения, нити которых связывают тебя с чужими жизнями.

– Видеть отражения собственных поступков в реакциях других людей, именно так расценивают Сестры свой дар.

– Это мудрость. Так что говорит твоя леди по поводу того, к чему они стремятся?

– Они хотят повлиять на созревание человечества.

– М-м-м. И она находит, что события не находятся вне ее влияния, просто не все из этих событий доступны ее чувствам. Это почти мудро. Но созревание... ах, Ребекка. Разве дано нам вмешиваться в планы Всевышнего? Разве право человека ставить границы природе Яхве? Думаю, что Лето Второй понимал это. А леди, которая поселилась внутри тебя, отрицает эту очевидную вещь.

– Она говорит, что он был ужасным тираном.

– Да, был, но и до него были мудрые тираны, и сколько их будет после нас!

– Они называют его Шайтаном.

– Он обладал силой сатаны. Я вполне разделяю их страхи по этому поводу. Он не столько обладал предзнанием, сколько умел цементировать. Он закрепил форму того, что видел и понимал.

– Это говорит и леди. Она утверждает, что то, что он сохранил, – это их чаша Святого Грааля.

– И опять я могу сказать, что это почти мудро.

Раввин глубоко вздохнул и взглянул на приборы. *Энергия на завтра.*

Он снова обратил внимание на Ребекку. Она изменилась. Этого нельзя было не заметить. Она стала похожа на Сестру Бене Гессерит, и это было вполне объяснимо. Ее сознание было переполнено людьми с Лампадас. *Но те люди не были гадаринскими свиньями, которых надо утопить в море. Да и я не Иисус,* подумал Раввин.

– Те вещи, которые они рассказали тебе о Верховной Матери Одраде – о том, что она часто ругает своих собственных архивариусов и Архив... Подумаешь! Разве Архив – это не то же самое, что наши священные книги, в которых мы храним нашу мудрость?

– Значит, вы считаете, что я – архивариус, Равви?

Вопрос смутил его, но одновременно высветил проблему. Он улыбнулся.

– Вот что я скажу тебе, дочь моя. Пожалуй, я немного сочувствую этой Одраде. Архивариусы – такие ворчуны.

– Это не проявление мудрости, Равви?

Как застенчиво прозвучал этот вопрос в устах Ребекки!

– Поверь мне, что это так и есть, дочь моя. Как тщательно настоящий архивариус подавляет в себе всякий, самый легкий намек на предубеждение. Слово есть слово, за одним словом всегда следует другое. Какая надменность!

– Но как судить о том, какое именно слово самое верное, Равви?

– Ах, ну вот и к тебе явилось немного мудрости, дочь моя. Но Сестры Бене Гессерит не достигли мудрости, и мешает им их чаша Грааля.

По выражению лица Раввина Ребекка поняла, что он пытается посеять сомнение в ценности обитающих в ее сознании жизней.

– Позволь мне кое-что сказать тебе по поводу Бене Гессерит, – сказал он и вдруг понял, что ему нечего сказать. Не было слов, не было мудрого совета. Такого не случалось с ним ни разу за многие годы. Оставалось только одно – говорить то, что подскажет сердце.

– Возможно, они слишком долго шли к Дамаску, но на пути им не случилось увидеть ослепительную вспышку озаряющего света, Ребекка. Я слышал, как они говорят, что действуют во имя человечества. Но я не вижу в них этого стремления, и, как мне кажется, его не видел и Тиран.

Ребекка хотела заговорить, но он остановил ее движением руки.

– Созревание человечества? Это их святая цель? Разве человечество – это плод, который надо сорвать спелым, чтобы съесть?

Сейчас, преклонив колени на полу зала Совета, Ребекка вспомнила эти слова, которые воплотились в реальность, и не в чужих жизнях, а в действиях тех, кто пленил ее.

Великая Досточтимая Матрона закончила трапезу и вытерла руки о платье служанки.

– Пусть она приблизится, – приказала Великая Досточтимая Матрона.

Боль пронзила левое плечо Ребекки, и она поползла вперед, не вставая с колен. Некая Матрона по имени Логно подкралась к ней, словно опытный охотник к жертве, и вонзила в плоть пленницы острие кинжала.

Под сводами зала раздался смех.

Ребекка с трудом поднялась на ноги и, подгоняемая острым жалом в руке Логно, шатаясь, подошла к ступеням, которые вели к трону Великой Досточтимой Матроны.

– На колени! – скомандовала Логно, подкрепив свои слова новым уколом.

Ребекка упала на колени, опустив взор на начало лестницы. Желтые плитки были покрыты сетью тонких трещин. Этот изъян, как ни странно, успокоил Ребекку.

Великая Досточтимая Матрона заговорила:

– Оставь ее, Логно. Мне нужны внятные ответы, а не крики. – Потом она обратилась к пленнице: – Посмотри на меня, женщина!

Ребекка подняла глаза и посмотрела в лицо смерти. Какая угроза на этом ничем не примечательном лице. Какие простые черты у этого лица. Какая хрупкая фигурка. Все это усилило чувство опасности, которое испытывала Ребекка. Какой силой должна была обладать эта маленькая тщедушная женщина, чтобы управлять такими ужасными людьми.

– Ведомо ли тебе, почему ты здесь? – требовательно спросила Великая Досточтимая Матрона.

Ребекка заговорила как можно более смиренным тоном:

– Мне сказали, о Великая Досточтимая Матрона, что вы пожелали, чтобы я поделилась с вами знаниями о Вещании Истины и других деяниях Гамму.

– Ты была подругой Вещающего Истину! – Это был не вопрос, а обвинение.

– Он мертв, Великая Досточтимая Матрона.

– Отставить, Логно! – Этот приказ касался фрейлины, которая снова двинулась к Ребекке со своим жалом. – Эта старуха не знает наших порядков. Стань в стороне, чтобы не раздражать меня своей злобой. Ты будешь говорить только тогда, когда я спрошу тебя или прямо прикажу говорить, старая развалина. Тебе все ясно? – Эти слова уже относились к Ребекке.

Ребекка съезжилась.

Вещатель прошептал ей в ухо: «Это почти Голос. Будь начеку».

– Знала ли ты когда-нибудь тех, кто называет себя членами Бене Гессерит? – спросила Великая Досточтимая Матрона.

Сразу быка за рога!

– Каждый встречался с этими ведьмами, Великая Досточтимая Матрона.

– Что ты знаешь о них?

Так вот зачем они привезли меня сюда.

– Только то, что слышала о них, Великая Досточтимая Матрона.

– Они храбры?

– Говорят, что они всегда стараются избежать риска, Великая Досточтимая Матрона.

Ты достойна нас, Ребекка. Ты верно раскусила замыслы этих шлюх. Шарик катится по наклонной плоскости в нужном направлении. Они думают, что ты не любишь нас.

– Эти Бене Гессерит богаты? – спросила Великая Досточтимая Матрона.

– Думаю, что по сравнению с вами они бедны, Великая Досточтимая Матрона.

– Зачем ты так говоришь? Не старайся мне угодить!

– Но Досточтимая Матрона, разве ведьмы смогли бы послать большой корабль, чтобы только привезти меня с Гамму? И где теперь эти ведьмы? Они прячутся от вас.

– Да, но где они? – спросила Досточтимая Матрона.

В ответ Ребекка только пожала плечами.

– Была ли ты на Гамму в то время, когда от нас бежал тот, кого называют башаром?

Она знает, что была.

– Да, я была там, Великая Досточтимая Матрона, и слышала всякие рассказы на эту тему. Я не верю им.

– Верь в то, во что велим верить мы, старая карга! Что за рассказы ты слышала?

– Я слышала, что он бежал с такой скоростью, что за ним невозможно было угнаться даже взглядом. Что он убил много... людей одним движением руки. Что он похитил корабль-невидимку и бежал в Рассеяние.

– Верь, что он бежал, старая кляча.

Смотри, как она боится. Она даже не может скрыть дрожь.

– Расскажи мне о Вещании Истины, – приказала Великая Досточтимая Матрона.

– Великая Досточтимая Матрона, я не понимаю Вещания Истины. Я знаю только слова Шоэля, моего мужа. Я могу повторить его слова, если вы желаете этого.

Великая Досточтимая Матрона посмотрела по сторонам, обдумывая ответ. Скользнув глазами по своим помощницам и советницам, она увидела, что тех одолевает неимоверная скука. *Почему она не прикажет просто убить эту старую калошу?*

Ребекка, увидев оранжевые огоньки жестокости и желания проявить насилие в глазах Матроны, внутренне содрогнулась. Она вспомнила о своем муже, о его имени, которым называла его в минуты нежности, Шоэль, и это успокоило ее. «Истинный талант» пробудился в нем, когда он был еще ребенком. Некоторые называли это инстинктом, но сам Шоэль никогда не употреблял этого слова. «Доверяй своему внутреннему голосу чувств. Так всегда говорили мне мои учителя».

Эти простые земные слова часто повергали в изумление тех, кто приходил к Шоэлю в поисках «эзотерических тайн».

«В этом нет никакой тайны, – говорил им Шоэль. – Это учение и тяжелый труд, как и во всякой работе. Надо упражнять то, что называют «малым восприятием», способность улавливать мельчайшие нюансы человеческих реакций».

Ребекка хорошо чувствовала эти нюансы во взглядах тех, кто смотрел на нее. *Они хотят моей смерти. Почему?*

Вещатель прошептал совет: *Великие мира сего любят показывать свою власть над другими. Она не сделает того, чего хотят все остальные. Чего они хотят по ее мысли.*

– Великая Досточтимая Матрона, – заговорила Ребекка, – вы так богаты и могущественны. Несомненно, у вас есть место для служанки, и я могла бы служить вам.

– Ты хочешь поступить мне в услужение?

Какой у нее звериный оскал!

– Я была бы счастлива, Великая Досточтимая Матрона.

– Я здесь не для того, чтобы сделать тебя счастливой.

Логно выступила вперед.

– Тогда доставьте удовольствие нам, дама. Позвольте нам немного позабавиться с...

– Молчать!

Ах, какая это была ошибка называть ее так фамильярно в присутствии посторонних.

Логно отступила в тень, едва не уронив свое жало.

Великая Досточтимая Матрона уставилась на Ребекку. Глаза ее полностью окрасились в оранжевый цвет.

– Ты вернешься к своему жалкому существованию на Гамму, старая карга. Я не стану убивать тебя. Это милость. Ты увидела, что мы можем дать тебе, но ты проживешь всю жизнь, лишенная этого.

– Великая Досточтимая Матрона, – запротестовала Логно. – У нас есть подозрения относительно этой старухи...

– У меня появляются подозрения относительно тебя, Логно. Отошли ее назад, и отошли живой! Слышишь? Ты что, думаешь, что мы будем не в состоянии найти ее, если она нам понадобится?

– Нет, Великая Досточтимая Матрона.

– Мы будем следить за тобой, старая карга, – рявкнула Великая Досточтимая Матрона.

Приманка! Она хочет отпустить тебя, чтобы поймать более крупную рыбу. Как это интересно. У нее неплохая голова, и она пользуется ею, несмотря на свою прирожденную жестокость и склонность к насилию. Именно поэтому она достигла власти.

Весь обратный путь на Гамму, находясь в тесном душном отсеке бывшего корабля Гильдии, Ребекка обдумывала свое нелегкое положение. Можно быть уверенным в том, что шлюхи не заблуждались насчет того, что смогли провести Ребекку вокруг пальца относительно своих истинных намерений. Но... кто знает – вдруг? Услужливость, забитость. *Они упиваются такими вещами.*

Ребекка понимала, что это знание исходит как от провидения Шоэля, так и от советниц с Лампадас.

– Ты аккумулируешь массу наблюдений, которые воспринимаются, но не осознаются, – учил ее Шоэль. – Эти чувства, накапливаясь, рассказывают тебе все, но на своем особом языке, на языке, которым люди не пользуются в своей речи. Такой язык не нужен в понимании истины.

Когда-то она думала, что это очень странный взгляд на вещи. Но так было до испытания Пряностью. Лежа ночью в постели, наслаждаясь теплом тел друг друга, они понимали друг друга без слов, хотя и разговаривали.

– Язык зажимает тебя, – говорил Шоэль. – Чему надо научиться – это умению читать свои собственные реакции. Иногда ты сможешь найти слова для их описания, иногда... нет.

– Никаких слов? Даже для того, чтобы задать вопрос?

– Так ты хочешь слов, да? Как это? Веры. Упования. Истины. Честности.

– Это действительно хорошие слова, Шоэль.

– Но в них нет зацепки. Нельзя от них зависеть.

– Но от чего можно зависеть?

– От своей внутренней реакции. Я читаю себя, но не личность, которая стоит передо мной. Я всегда почувствую ложь, потому что мне хочется повернуться спиной к лжецу.

– Вот как ты это делаешь! – От избытка чувств она хлопнула его по обнаженной руке.

– Некоторые делают по-другому. Одна женщина, говорят, узнавала лжеца по тому, что ей хотелось взять его под руку и прогуляться с ним, доставив ему этим удовольствие. Ты можешь считать это вздором, но и это срабатывает.

– Думаю, что это очень мудро, Шоэль, – сказала она, хотя на самом деле это говорила любовь. В тот момент она едва ли понимала, что он имеет в виду.

– Моя драгоценная любовь, – сказал он, лаская на своей руке ее голову. – Вещатели Истины говорят, что чувство истины никогда не покидает того, кто хоть раз его ощутил. Пожалуйста, не говори мне о моей мудрости, ибо это говорит твоя слепая любовь.

– Прости меня, Шоэль. – Она обожала запах его рук и зарылась лицом в ее изгиб, щекоча его волосами. – Но я хочу знать все, что знаешь ты.

Он повернулся, чтобы ей было удобнее лежать.

– Знаешь, что говорил мне инструктор третьей ступени: «Не надо ничего знать! Учитесь быть совершенно наивными!»

Она была поражена до глубины души.

– Как? Совсем ничего?

– Ты подходишь ко всему с чистой грифельной доской. Ни в тебе, ни на тебе нет ничего постороннего. Все, что ты узнаешь, пишется на этой доске начисто.

Она начала понимать.

– Ничто тебе не мешает.

– Правильно. Ты ведешь себя как первобытный, невежественный дикарь, ты настолько неискушен в сложностях, что в какой-то момент начинаешь прозревать все их хитросплетения. Можно сказать, что ты находишь решения, хотя и не ищешь их специально.

– Вот это действительно мудро, Шоэль. Я уверена, что ты лучший студент из всех, кто когда-либо учился у них, самый смекалистый, самый...

– Я всегда думал, что это невыносимая чушь.

– Нет, это не так! Ты так не думал.

– Так было, и я так думал до того момента, когда во мне произошел легкий, едва заметный сдвиг. Это не было движение мышц или что-то такое, что мог бы заметить сторонний наблюдатель. Это был... просто толчок.

– Где ты его почувствовал?

– Я не могу это описать. Но к этому ощущению меня подготовил мой инструктор Четвертой Ступени: «Очень осторожно прикоснись к этому явлению. Очень деликатно». Один из наших студентов подумал, что преподаватель имеет в виду прикосновение руками. Как же мы смеялись над его наивностью!

– Это было жестоко. – Она прикоснулась к его щеке и провела пальцами по темной щетине. Было уже поздно, но ей совсем не хотелось спать.

– Полагаю, что это действительно было жестоко с нашей стороны. Но когда толчок произошел, я понял, что это. Я никогда прежде не испытывал такого ощущения, был крайне удивлен, потому что в конце концов узнал его, поняв, что это чувство было во мне всегда, с самого рождения. Оно было мне знакомо. Это пульсировало мое Ощущение Истины.

Она подумала, что и сама чувствует в себе Ощущение Истины. Чувство чуда в его голосе задело в ней мощные струны.

– Это было мое чувство, а я принадлежал ему. Мы стали неразделимым целым, и больше не могли быть разведены.

– Как это, должно быть, чудесно. – В ее голосе слышались благоговение и зависть.

– Нет, иногда я ненавижу эту способность. Некоторые люди предстают передо мной словно с распоротыми животами. Я отчетливо вижу их безобразное нутро.

– Это отвратительно!

– Но есть и вознаграждение, любовь моя. Иногда встречаешь людей, которые похожи на цветок, который протягивает тебе невинный ребенок. Невинность. Моя невинность отвечает такому человеку, и мое Ощущение Истины многократно укрепляется. Именно это сделала со мной ты, моя любовь.

Корабль-невидимка Досточтимых Матрон прибыл на Гамму, и они пересадили Ребекку на грязный мусоровоз, доставивший старуху на поверхность планеты. Лихтер изверг ее на Гамму вместе с экскрементами, но она не обратила на это никакого внимания. *Дома! Я дома, и Лампадас все еще цела.*

Однако Раввин не разделял ее восторгов.

Они снова сидели в его кабинете, но теперь Ребекка уже освоилась с Чужой Памятью и вела себя более уверенно. Раввин не мог этого не заметить.

– Сейчас ты еще больше похожа на них! Это нечистота.

– Равви, у нас у всех есть нечистые предки. Мне посчастливилось познакомиться с некоторыми из них.

– Что такое? О чем ты говоришь?

– Все мы приходим от людей, которым так или иначе приходилось делать в жизни отвратительные вещи, Равви. Мы не любим вспоминать о варварах – наших предках, но они у нас были.

– Как ты заговорила!

– Преподобные Матери могут назвать их всех, Равви. Помните: побеждает тот, кто скреживается. Вы понимаете меня?

– Я никогда не слышал от тебя таких вызывающих речей. Что с тобой случилось, дочь моя?

– Я осталась в живых только потому, что поняла: победа достается порой ценой некоторых моральных издержек.

– Что такое? Это слова Зла.

– Зла? Варварство недостаточно сильное слово для обозначения некоторых злодейств, которые учиняли наши предки. Предки любого из нас, Равви.

Она видела, что причиняет ему страдания, и чувствовала жестокость своих слов, но не могла остановиться. Как он может уклоняться от истинности того, что она говорит? Ведь он всеми уважаемый человек.

Она смягчила тон, но от этого ее слова ранили его еще глубже.

– Равви, если бы вы смогли разделить со мной всю глубину Чужой Памяти и увидели то, что заставили увидеть меня те давно умершие люди, то вы снова принялись бы за поиски того, что есть Зло. Нет таких слов, которыми можно было бы описать гнусность многих поступков, совершенных нашими с вами предками.

– Ребекка... Ребекка... Я понимаю трудности, с которыми ты...

– Не надо извинять меня трудными временами! Ты – Раввин, и все прекрасно понимаешь. Когда мы теряем чувство нравственности? Когда перестаем слушать и слышать.

Он закрыл лицо руками и принялся раскачиваться взад и вперед. От этого движения старое кресло жалобно заскрипело.

– Равви, я всегда любила и уважала вас. Ради вас я прошла через Испытание Пряностью. Ради вас я разделила память с людьми Лампадас. Не отриньте то, что я узнала от них.

Он опустил руки.

– Я не собираюсь это отрицать, дочь моя. Но пойми мою боль.

– Из всего того, что я узнала, я сделала важное заключение. Одну вещь надо сделать немедленно и безотлагательно – а именно признать, что в этом мире нет невинных.

– Ребекка!

– Может быть, здесь не вполне уместно слово «вина», Равви, но наши предки совершали деяния, которые требуют искупления.

– Это я понимаю, Ребекка. Это равновесие, которое...

– Не говорите мне, что вы понимаете. Я же вижу, что вы ровным счетом ничего не поняли. – Она встала и вперила в его лицо свой горящий взгляд. – Это не бухгалтерская книга, в которой всегда можно уравнивать счет. Я хочу знать, как далеко вы хотите зайти?

– Ребекка, я твой Раввин. Ты не смеешь разговаривать в таком тоне, особенно со мной.

– Чем дальше вы зайдете, Равви, тем отвратительнее будет зло и выше цена. Вы не можете зайти далеко, но я вынуждена сделать это за вас.

Повернувшись, она вышла из кабинета, не обращая внимания на его мольбу, на жалобную интонацию, с которой он произнес ее имя. Закрывая дверь, она слышала, как он произнес:

– Что мы сделали? Помоги ей, Израиль.

Написание истории – это отвлекающий маневр. Большинство исторических сочинений отвлекают внимание читателя от тайных пружинок великих событий.

(Башар Тег)

В те дни, когда Айдахо был предоставлен самому себе, он с удовольствием исследовал корабль-невидимку, ставший местом его заточения. Как же много интересного было в этом иксианском изобретении. Корабль представлял собой настоящую пещеру чудес.

На этот раз Айдахо остановился, прекратив на время свои блуждания по кораблю, и пристально взгляделся в глазки видеокамер, вмонтированных в сверкающую поверхность свода двери. У него возникло странное ощущение, что он видит сам себя в этих бесцеремонных механических глазах. О чем думают Сестры, когда смотрят на него? Неуклюжий подросток-гхола с давно переставшего существовать Убежища на Гамму превратился в высокого худого мужчину со смуглой кожей и темными волосами. Волосы сильно отросли с тех пор, как Айдахо вступил на борт этого корабля в последний день Дюны.

Глаза Бене Гессерит заглядывали под кожу. Он был уверен, что они подозревают, что он – ментат, и боялся того, как они истолкуют это открытие. Мог ли ментат надеяться до бесконечности скрывать этот факт от Преподобных Матерей? Какая глупость! Он знал, что они, кроме того, подозревают, что он – Вещающий Истину.

Он помахал рукой глазку видеокамеры.

– Я несколько не устал. Продолжу свои исследования.

Беллонда выходила из себя, когда видела, с какой шутливой несерьезностью относится гхола к наблюдению. Она терпеть не могла, когда он принимался за свои походы по кораблю, и не пыталась скрыть свое отношение. Айдахо видел горящие от ненависти глаза всякий раз, когда Беллонда являлась на борт. *Не ищет ли он способа бежать отсюда?*

Именно этим я и занимаюсь, дорогая Белл, но я сделаю это так, как тебе и не снилось.

Для Айдахо на корабле существовали ограничения в передвижении: наружное поле, которое он физически не мог пересечь, поля, охранявшие машинное отделение (с временно выключенными двигателями), помещение охраны (он мог заглянуть туда, но не мог войти), арсенал и отсек, где содержался плененный тлейлаксиянец Считаль. Иногда он встречал последнего мастера, но видел его только через барьер, поглощавший всякие звуки. Существовал также информационный барьер – отсек, где хранился бортовой журнал, который не отвечал на запросы Дункана Айдахо. Ответы журнала были заблокированы Преподобными Матерями.

Кроме пространственных ограничений, существовали еще и временные. Айдахо было отведено не более трехсот стандартных лет на понимание окружающих его вещей.

Если, конечно, нас не обнаружат Досточтимые Матроны.

Айдахо понимал, что Матроны ищут его, что он для них добыча даже более желанная, чем женщины из Бене Гессерит. У него не было никаких иллюзий относительно того, что они сделают с ним, попади он в руки Досточтимых Матрон. Они знают, что он здесь. Мужчины, которых он тренировал, умели подчинять себе женщин. Это задевало Матрон и разжигало их ненависть к Айдахо.

Как только Сестры убедятся в том, что он ментат, они тотчас поймут и то, что в его памяти хранятся все сведения о его прошлых жизнях, жизнях гхола. *Прежние копии не обладали такой способностью.* Они заподозрят, что он – скрытый Квисатц Хадерах. Стоит только посмотреть, как тщательно дозируют они для него меланжу. Сестры в ужасе от возможности повторить ту ошибку, которую они допустили относительно Пауля Атрейдеса и его сына – Тирана. *Тридцать пять столетий нестерпимого ига!*

Однако с Мурбеллой надо было обращаться с особой осторожностью. Каждый раз, встречаясь с ней, он не ожидал, что получит ответ – теперь или позже. Это был типичный подход ментата – сосредотачиваться на вопросах. Ментаты накапливают вопросы так, как остальные люди накапливают ответы. Вопросы образовывали свои паттерны и системы. Это придавало проблемам *форму*. Теперь появлялась возможность рассматривать вселенную сквозь созданные паттерны, наслаждаться игрой отражений знания от поверхности внутреннего сознания, внутренние конструкции создавали причудливую смесь с отражениями понимания внешнего мира, его образов и словесных выражений. Особую прелесть этим конструкциям придавали их временность и текучесть.

Инструктор первого Айдахо учил его первым словам для обозначения этих первичных пробных конструкций: «Постоянно следи за движениями, которые происходят на экране твоего внутреннего зрения».

С момента первого робкого погружения в мир ментата прошло много лет. С тех пор сила росла. Чувствительность к внутренним изменениям усилилась настолько, что Айдахо становился ментатом всякий раз, когда происходили изменения в восприятии наблюдений.

Беллонда была для него самым тяжелым испытанием. Он опасался ее пронизательного взгляда и безошибочных вопросов. Ментат проверял ментата. Айдахо встречал набеги Беллонды осторожно, проявляя осмотрительность и терпение. *Посмотрим, зачем ты пришла.*

Словно он этого не понимал.

Терпение превратилось в привычную маску. Однако страх был естественной реакцией, и его не следовало скрывать. Беллонда не скрывала своего желания видеть его мертвым.

Айдахо воспринимал как факт, что рано или поздно наблюдатели увидят источник его навыков, которые он был вынужден использовать.

Истинным навыком ментата был присущий только им способ ментального *конструирования*, которое называется «великим синтезом». Этот синтез требовал такого терпения, на которое был способен только ментат. Обычный человек не мог даже мечтать о таком терпении. В школе ментатов такой прием назывался персеверацией. Для этого человек должен стать примитивным охотником, способным читать мельчайшие изменения в окружающей обстановке и следовать за ними. В то же время нельзя было терять из виду широкую перспективу и стратегическую цель. Так рождалась наивность, похожая на наивность Вещающих Истину, но наивность ментата была более мощной.

– Ты открыт всему, что может произвести вселенная, – говорил первый учитель Айдахо. – Твой ум не компьютер; это инструмент открытий, настроенный на все, что приходит в твое сознание через органы чувств.

Айдахо всегда чувствовал, когда чувства Беллонды открыты. Она стояла здесь, ее взгляд обманчиво блуждал, и Айдахо знал, какие первичные понятия занимают в этот момент ее ум. Защита Айдахо покоилась на главном изъяне Беллонды: открытые чувства требовали идеализма, которого Беллонда была начисто лишена. Она не задавала самых удачных вопросов, и Айдахо не переставал этому удивляться. Стала бы Одраде использовать негодного ментата? Судя по ее остальным действиям, вряд ли.

Я ищу вопросы, которые формируют лучшие образы.

Поступая так, никогда не думаешь о себе как об очень умном создании, о том, что ты располагаешь формулой, способной решить проблему. Ты остаешься открытым для новых вопросов, создавая новые паттерны. Испытание, повторное испытание, придание формы, повторное придание формы. Непрестанный поиск, ты никогда не останавливаешься, никогда не пресыщаешься, не поддаешься самодовольству. Это частный, твой, и только твой, путь, похожий на путь других ментатов, но идти по нему можно только своим шагом, сохраняя свою, и только свою, уникальность.

«Ты никогда не станешь полным ментатом. Именно поэтому мы называем состояние ментата «недостижимой целью».

Эти слова первого учителя навеки запечатлелись в мозгу Айдахо.

Накапливая свои наблюдения Беллонды, Дункан все больше проникался восхищением перед точкой зрения, которую внушили ему Великие Мастера ментаты, обучавшие его в незапамятные времена. «Из Преподобных Матерей не получаются лучшие ментаты».

Ни одна представительница Бене Гессерит не была способна к полному отчуждению от связывающего ее абсолюта, от зависимости, приобретенной во время испытания Пряностью: безусловной верности Общине Сестер.

Учителя ментаты предупреждали об этой опасности и не раз говорили о вреде абсолюта. Приверженность абсолютным истинам – главное прегрешение для ментата.

«Все, что ты делаешь, все, что ты чувствуешь и говоришь, – это эксперимент, но ни в коем случае не окончательный вывод. Ничто не останавливается до самой смерти, но даже смерть не есть остановка, поскольку каждая жизнь творит бесчисленные круги. Индукция создает энергию, и ты усиливаешь свою чувствительность к этим биениям. Дедукция воплощает идею абсолюта. Отбрось истину и потряси ее основы!»

Когда вопросы Беллонды касались его отношений с Мурбеллой, он видел явную эмоциональную реакцию. *Любопытство? Ревность?* Он воспринимал любопытство (и даже ревность) относительно сексуальной потребности в этом болезненном пристрастии Мурбеллы и Айдахо друг к другу. *Неужели экстаз так велик?*

В этот день Айдахо бродил по своим апартаментам, чувствуя себя не на месте, так, словно он впервые попал сюда и еще не воспринимает помещение как свой дом. *Это во мне говорят эмоции.*

За годы заключения помещение приобрело более или менее жилой вид. Здесь пещера. Когда-то это был грузовой отсек. Большие комнаты с закругленными потолками – спальня, библиотека, гостиная, выложенная зеленоватой плиткой ванная с сауной и парной. Длинный зал для упражнений, который они делили с Мурбеллой.

Помещения носили на себе следы контактов с его обитателем: плетеное кресло, висящее в правом углу рядом с консолью и проектором, с помощью которых можно было управлять доступными системами корабля. На столе ридулианская бумага. След пищи – пятно на рабочем столе.

Не находя покоя, Айдахо отправился в спальню. Темнело. Из всех чувств самым острым у Айдахо было обоняние. В спальне пахло слюной, напоминание о сексуальной коллизии, происшедшей здесь прошлой ночью.

Да, это самое подходящее слово. Коллизия.

Самый воздух корабля-невидимки – отфильтрованный, рециркулирующий и очищенный – навевал скуку. Ни один поток свежего воздуха из внешнего мира не бывал долгим. Иногда Айдахо долго молча принимался, надеясь уловить хоть какой-то запах, который не напоминал бы о многолетнем заключении.

Должен найтись способ бежать отсюда!

Он покинул свои апартаменты и направился по коридору, в конце которого сел в лифт и спустился в нижнюю часть корабля.

Что в действительности происходит в мире, раскинувшемся под небесами?

Те намеки, которые он слышал от Одраде, наполняли его страхом и подавленными чувствами. *Бежать некуда! Мудро ли я поступаю, что делюсь своими опасениями с Шианой? Мурбелла просто смеется надо мной, говоря: «Я защищу тебя, моя любовь. Досточтимые Матроны не причинят мне никакого вреда». Еще одно заблуждение.*

Но Шиана... как быстро она выучила тайный язык жестов и прониклась духом конспирации. Конспирации? Нет... Я сомневаюсь, чтобы хоть одна Преподобная Мать решилась выступить против Общины Сестер. Даже леди Джессика в конце жизни вернулась к ним. Но я не прошу Шиану выступить против Сестер, я только хочу, чтобы она защитила нас от безрассудства Мурбеллы.

Огромная сила охотников делала возможным точное предсказание лишь масштабов разрушения. Ментату оставалось только созерцать их уничтожающее все на своем пути насилие. Но Досточтимые Матроны несли с собой что-то еще, какой-то сокровенный смысл, существовавший где-то в Рассеянии. Кто такие футары, о которых столь небрежно сообщила Одраде? *Отчасти люди, отчасти животные?* Такова была догадка Луциллы. *Но где сама Луцилла?*

Незаметно для себя Айдахо оказался в Большом Хранилище, огромном, с километр длинной, помещении, в котором перевезли на Капитул последнего гигантского песчаного червя. В этом месте до сих пор пахло Пряностью и песком, и запах этот напоминал о давно минувших и канувших в Лету днях. Он понимал, почему так часто приходит в Большое Хранилище и почему часто, как это произошло сегодня, ноги сами приносят его сюда. Это помещение притягивало и отталкивало его одновременно. Огромное пространство, запах песка, Пряности и пыли питал ностальгию по давно утраченной свободе. Но была у этой медали и другая сторона. Именно здесь с ним всегда происходило *это*.

Произойдет ли сегодня?

Без всяких предвестников проходило ощущение пребывания в Большом Хранилище. Потом... возникала сверкающая сеть в расплавленном от жары небе. Айдахо отдавал себе отчет в том, что это видение, что на самом деле никакой сети нет. Его ум переводил на человеческий язык то, что не в силах были высказать ощущения.

Сияющая сеть ундулировала, словно под дуновениями вечного северного ветра.

Потом сеть раздавалась, и в просвете Айдахо видел двоих – мужчину и женщину. Они выглядели вполне заурядно, но в то же время очень необычно. Бабушка и дедушка в древних одеяниях. Длинный, до пят фартук на мужчине и длинное платье и головной платок на женщине. Они работали в цветнике! Айдахо был уверен, что это совершеннейшая иллюзия. *Я вижу, но это не существует в действительности.*

Со временем мужчина и женщина начинали замечать Айдахо. Он слышал их голоса.

– Он опять здесь, Марти, – говорил мужчина, обращая ее внимание на Айдахо.

– Как он может видеть сквозь пелену смерти? – всегда спрашивала Марти. – Мне кажется, что это невозможно.

– По-видимому, он стал очень тонким. Интересно, знает ли он об опасности?

Опасность. Именно это слово прерывало его видение.

– Ты сегодня не у консоли?

Какое-то мгновение ему казалось, что это продолжается видение, но потом он осознал, что вопрос задала вполне реальная Одраде. Ее голос раздался сзади, женщина стояла рядом с Айдахо. Он резко повернулся и успел заметить, что не закрыл за собой люк, и Одраде проследовала за ним в Большое Хранилище. По его пути, не наступая на песок, который мог выдать ее присутствие своим шорохом под ее ногами.

Вид у Одраде был усталым, глаза выдавали нетерпение. *Почему она думает, что я должен быть у консоли управления?*

Словно отвечая на его невысказанный вопрос, Одраде сказала:

– В последнее время я очень часто заставляла тебя за пультом у консоли. Что ты ищешь, Дункан?

Он молча покачал головой. *Почему я вдруг почувствовал угрозу?*

В обществе Одраде он редко испытывал страх. Однако мог припомнить и исключения. Например, однажды она вдруг стала внимательно приглядываться к его рукам, находившимся в поле консоли управления.

Страх ассоциируется с консолью. Неужели я выдал пристрастие ментата к получению данных? Может быть, они заподозрили, что у меня есть скрытая от них внутренняя жизнь?

– Мне совершенно отказано в праве на частную жизнь? – В голосе прозвучали гнев и вызов.

Одраде медленно покачала головой, словно говоря: «Ты способен на нечто большее».

– Ты приходишь сюда второй раз за сегодняшний день. – В голосе Айдахо появились обвиняющие нотки.

– Должна тебе сказать, что ты стал лучше выглядеть, Дункан, – еще одна словесная уловка.

– Ваши наблюдатели докладывают тебе и об этом?

– Не раздражайся. Я приходила поговорить с Мурбеллой, и она сказала, что ты должен быть внизу.

– Полагаю, вы знаете, что Мурбелла снова беременна.

Можно ли расценивать эти слова как попытку умиротворить Одраде?

– Мы очень рады этому, но я пришла сказать тебе, что Шиана намерена нанести тебе визит.

Почему об этом говорит мне именно Одраде?

Слова Верховной Матери вызвали в памяти Айдахо образ девчонки с Дюны, которая стала самой молодой (так утверждали сами Сестры) полной Преподобной Матерью. Шиана, его доверенное лицо там, на воле, которая в Пустыне следит за развитием Великого Червя. Стал ли он вечен? Почему Одраде интересуется визитами Шианы к нему?

– Шиана хочет поговорить с тобой о Тиране.

Одраде видела, что сумела удивить Айдахо.

– Что нового могу я сказать Шиане о Лето Втором? – спросил Дункан. – Она же Преподобная Мать.

– Ты очень близко знаешь Атрейдесов.

Ага, вот в чем дело! Она охотится за ментатом.

– Но ты говоришь, что она хочет обсудить со мной Лето, а о нем не надо думать как об Атрейдесе.

– Но он был им. Он был слишком рафинирован, сведен до первобытных элементов, но все же он был одним из нас.

Одним из нас! Она напомнила ему о том, что и сама была из Атрейдесов. Она воззвала к его вечному чувству долга по отношению к этому семейству!

– Это ты так говоришь.

– Может быть, мы перестанем играть в эту дурацкую игру?

Его охватило чувство опасности. Надо быть осторожным. Эта перемена не укрылась от Одраде. Преподобные Матери очень понятливы. Он устался на нее, не смея говорить, зная, что любое слово скажет ей слишком много.

– Мы уверены, что ты помнишь о жизнях не одного гхола, – не дождавшись, когда Айдахо ответит, Одраде продолжала: – Давай, давай, Дункан! Ты ментат?

По тому, как она говорила, по интонации, обвиняющей, а не вопрошающей, он понял, что тайне пришел конец. Невзирая на опасность, Дункан испытал несказанное облегчение.

– А что, если так?

– Тлейлаксиянцы смешали клетки более чем одного гхола, когда выращивали тебя.

Айдахо-гхола! Он отказывался думать о себе как об абстракции.

– Почему для вас вдруг стал так важен Лето?

В этом ответе прозвучал отказ от бегства.

– Наш Червь превратился в песчаную форель.

Эти форели растут и размножаются?

– Да, это очевидно.

– Если вы не сумеете остановить или уничтожить их, то они превратят Капитул во вторую Дюну.

– Ты вычислил это, не правда ли?

– Мы с Лето.

– Итак, ты помнишь множество жизней. Очаровательно. Это делает тебя похожим на нас.

Какой у нее прямой взгляд!

– Это совсем другое.

Надо заставить ее сойти с опасного пути!

– Ты получил доступ к этой памяти в момент первого контакта с Мурбеллой?

Кто мог догадаться об этом? Луцилла? Она была при этом и могла поделиться своими подозрениями с Сестрами.

Пришлось коснуться смертельно опасного предмета.

– Я не новый Квисатц Хадерах!

– В самом деле?

Она оценивает объективные данные. Она продемонстрировала это холодно и спокойно, обнажив свою жестокость, подумал он.

– Ты же знаешь, что нет! – Он боролся за жизнь и понимал это. Боролся не столько с Одраде, сколько с теми другими, кто наблюдал за ним все эти годы.

– Расскажи мне о своих последовательных воспоминаниях, – это был приказ Верховной Матери, которого нельзя ослушаться.

– Я знаю те... жизни. Они слились для меня в одну.

– Это накопление может быть очень ценно для нас, Дункан. Ты помнишь чан с аксолотлями?

Ее вопрос направил его мысли к моменту смутного прозрения в окружении образов тлейлаксианцев и нагромождения человеческой плоти в те мгновения, когда он, будучи новорожденным, прорисовывался по родовым путям. Но какое отношение это имеет к чанам?

– Считаль поделился с нами знаниями, и теперь мы можем создать свои системы с аксолотлями, – сказала Одраде.

Системы? Интересное слово.

– Значит ли это, что вы сможете воспроизвести и производство Пряности, которым овладели на Тлейлаксу?

– Считаль торгуется, но он просит больше, чем мы ему дадим. Но Пряность придет вовремя тем или иным путем.

Одраде слышала нотки уверенности в своем голосе, почти не опасаясь, что Дункан заподозрит неуверенность. *У нас может не хватить времени сделать это.*

– Сестры, которых вы послали в Рассеяние, сбились с пути, – сказал он, сообщив ей о своей тренировке ментата. – Вы снабжаете их Пряностью, но ее запасы конечны.

– Эти Сестры обладают знаниями об аксолотлях и песчаных форелях.

Он был поражен до немоты самой возможностью того, что в бескрайней вселенной возникнет бесчисленное количество Дюн.

– Они решат проблему снабжения Пряностью либо с помощью чанов, либо червей, либо и того и другого, – сказала она. Это она скорее всего говорила вполне искренне. Утверждение покоилось на статистическом ожидании. Одна из групп Преподобных Матерей в Рассеянии, хотя бы одна группа, сделает это.

– Чаны, – повторил он. – Меня посещают странные... сны. – Он едва не сказал «мысли».

– Так и должно быть. – Она вкратце рассказала ему, каким образом тлейлаксианцы встраивали в свою систему женскую плоть.

– Они использовали ее и для производства Пряности?

– Мы думаем, что да.

– Это отвратительно.

– Не будь ребенком, – укоризненно произнесла Одраде.

В такие моменты она очень не нравилась ему. Однажды он упрекнул ее за тот способ, которым Преподобные Матери отделялись от «общего потока человеческих эмоций», и вот, пожалуйста, ответ в том же духе.

Не будь ребенком!

– Против этого, по-видимому, нет лекарства, – сказал он вслух. – Такой уж у меня неполноценный характер.

– Ты что, решил обсудить со мной вопросы высокой морали?

Ему показалось, что он услышал гневные нотки.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой даже этику. Мы просто играем по разным правилам.

– Соблюдение правил часто служит извинением за неумение сочувствовать.

– Неужели я услышал какие-то отголоски совести в словах Преподобной Матери?

– Это невозможно использовать. Сестры немедленно изгонят меня, если поймут, что в своих действиях я руководствуюсь голосом совести.

– Тебя можно проткнуть насквозь, но управлять тобой вряд ли получится.

– Прекрасно, Дункан. С тобой гораздо приятнее общаться, когда ты не скрываешь, что ты ментат.

– Я не слишком доверяю твоему расположению.

Она расхохоталась:

– Как это похоже на Белл!

Он тупо смотрел на нее. Дункана вдруг озарило, как он сможет избавиться от своих тюремщиц, вырваться из тисков манипуляций Бене Гессерит и зажить своей собственной, свободной жизнью. Путь на свободу зависел не от хитроумных машин, а от изъязнов, присущих Сестрам Бене Гессерит. Ключ к успеху – это абсолют, которым они, по их мнению, удерживали его!

Шиана знает об этом! Это приманка, которую она держит перед моим носом.

Дункан молчал, и Одраде заговорила сама:

– Расскажи мне о тех жизнях.

– Это неправильный подход. Я думаю о них как об одной бескончаемо длинной жизни.

– Там не было смертей?

Он молча некоторое время обдумывал ответ. Серийная память. Смерти были столь же информативны, как и жизни. Его столько раз убивал сам Лето!

– Смерти не прерывали память.

– Странная разновидность бессмертия, – задумчиво произнесла она. – Ты знаешь, не правда ли, что Мастера Тлейлаксу постоянно воссоздают самих себя? Но ты... Чего они надеялись достичь, смешав клетки? Соединив разных гхола в единой плоти?

– Спроси об этом Считалю.

– Белл была всегда уверена, что ты ментат. Она будет в полном восторге.

– Думаю, что нет.

– Я позабочусь о том, чтобы ей было приятно. Господи, у меня столько вопросов, что я не знаю, с чего начать. – Она изучающе смотрела на Дункана, касаясь пальцами подбородка.

Вопросы? Требования ментата заполнили ум Дункана. Он дал волю своим вопросам, которые сразу образовали сложный рисунок. *Что искали во мне тлейлаксианцы?* Они не могли использовать для воплощения клетки всех без исключения гхола Дункана Айдахо. Хотя... он помнил обо всех. Какие космические связи соединили в одно целое все эти жизни? Было ли это в основе тех видений, которые преследовали его в Большом Хранилище? В его мозгу формировались половинчатые памяти: его тело в теплой жидкости, питаемое трубками, массируемое машинами, к нему прикасаются зонды ученых тлейлаксианцев. Дункан чувствовал, как отвечают на это нежным мурлыканьем его древние предыдущие сущности. Слова не имели смысла. Сущности дремали. Он ощущал это так, словно с его собственных губ срывались слова на незнакомом языке, хотя это было обыкновенное галахское наречие.

То, что он видел в действиях тлейлаксианцев, приводило его в священный трепет. Они исследовали такие глубины космоса, которых не смел коснуться никто, кроме Бене Гессерит. Этих достижений нисколько не умалял тот факт, что тлейлаксианцы совершали их из эгоистических побуждений. Бесконечные возрождения Мастеров Тлейлаксу были наградой за дерзновение.

Лицеделы, которые могли имитировать любую жизнь, любое мышление. Вид той тлейлаксианской мечты был столь же величественным, как и достижения Бене Гессерит.

– Считаль утверждает, что сохранил память о временах Муад'Диба, – сказала Одраде. – Ты можешь сравнить записи с его воспоминаниями.

– Такой вид памяти – не более чем торговая уловка, – предостерег Дункан. – Мог он продать это изобретение Досточтимым Матронам?

– Мог. Пошли. Давай пройдем в твои апартаменты.

Когда они оказались в его рабочем кабинете, Одраде жестом указала ему на кресло возле управляющей консоли. Неужели она все еще охотится за его тайной? Она наклонилась над ним и повернула несколько рукояток на панели управления. На экране проектора появилось изображение Пустыни, на горизонте были видны катящиеся дюны.

– Капитул? – спросила она. – Широкий пояс вдоль экватора.

Его охватило волнение.

– Ты говоришь о песчаных форелях. Но есть ли там песчаные черви?
– Шиана ожидает, что скоро появятся и они.
– Им нужно большое количество Пряности в качестве катализатора.
– Мы отправили туда большую партию Пряности. О катализаторе тебе говорил Лето, не правда ли? Что еще ты помнишь о нем?

– Он столько раз меня убивал, что при одном воспоминании о нем я не испытываю ничего, кроме боли.

В распоряжении Одраде были исторические записи из Дар-эс-Балата, и Одраде знала, что это правда.

– Он убивал тебя сам, это я знаю. Он просто выбрасывал тебя, когда надобность в тебе была исчерпана?

– Иногда он позволял мне работать до конца, и тогда я умирал естественной смертью.

– Стоил ли этого Золотой Путь?

Мы не в состоянии понять его Золотой Путь, как и то брожение, которое его породило в голове Тирана. Он прямо сказал об этом Одраде.

– Интересный подбор слов. Ментат думает о временах правления Тирана как о брожении.

– Это правление породило Рассеяние.

– Но его подтолкнул и Великий Голод.

– Ты думаешь, он не предвидел Голод?

Она не ответила, принужденная к молчанию его умом ментата. *Золотой Путь: человечество, «извергающееся» в глубины вселенной... Оно больше не живет на одной планете и не подвержено единой судьбе. Наши яйца лежат отныне не в одной корзине.*

– Лето считал человечество единым организмом, – сказал он.

– Но он включил нас в свой список против нашей воли.

– Вы, Атрейдесы, поступали так всегда.

Вы, Атрейдесы.

– Стало быть, ты заплатил нам свой долг сполна?

– Я этого не говорил.

– Понимаешь ли ты мою дилемму, ментат?

– Как долго работают песчаные форели?

– Больше восьми стандартных лет.

– Как быстро растет наша Пустыня?

Наша Пустыня! Одраде показала рукой на проектор.

– Она стала в три раза больше с того момента, когда появились первые форели.

– Так быстро!

– Шиана каждый день ожидает увидеть первых маленьких червей.

– Они появляются на поверхности, достигнув длины около двух метров.

– Она говорит то же самое.

– Каждый из них с перлом сознания Лето в его «бесконечном сне», – задумчиво произнес Айдахо.

– Он так говорил, а он никогда не лгал в таких вещах.

– Его ложь была более утонченной. Как у Преподобных Матерей.

– Ты обвиняешь нас во лжи?

– Зачем Шиана хочет меня видеть?

– Ментаты! Вы думаете, что в ваших вопросах содержатся ответы. – Одраде покачала головой в притворном раздражении. – Она должна была узнать о Тиране все во время обучения в центре религиозного обожания.

– Господи, зачем?

– По всей земле распространился культ Шианы. Он существует везде в пределах Старой Империи, его принесли туда уцелевшие жрецы Ракиса.

– Дюны, – поправил ее Дункан. – Не надо думать об этой планете как об Арракисе или Ракисе. Это затуманивает разум.

Она приняла поправку без возражений. Он был полный ментат, и она терпеливо ждала продолжения.

– На Дюне Шиана разговаривала с песчаными червями, – сказал он. – Они отвечали ей. – Дункан встретил недоумевающий взгляд Одраде. – Это ваши старые фокусы с Защитной Миссией, да?

– В Рассеянии Тирана знают под именем Дур и Гульдур, – сказала она, учитывая его ментатскую наивность.

– Вы дали ей очень опасное задание. Она знает об этом?

– Она знает, но ты сможешь сделать это задание менее опасным.

– Тогда откройте для меня свои базы данных.

– Без ограничений? – Она знала, какотреагирует на такое решение Беллонда.

Он кивнул, не смея надеяться на то, что она ответит согласием. *Подозревает ли она хоть в малейшей степени, как отчаянно я этого желаю?* В той части сознания, где пряталось его стремление к свободе, скопилась такая невыносимая боль. *Неограниченный доступ к информации! Она подумает, что я хочу иллюзии свободы.*

– Ты станешь моим ментатом, Дункан?

– Разве у меня есть выбор?

– Мне надо будет обсудить твою просьбу на Совете, и потом я дам тебе ответ.

Неужели путь к свободе открыт?

– Я должен научиться мыслить, как Досточтимая Матрона, – сказал он, споря с глазком видеокамеры и наблюдателями, которые будут толковать его просьбу.

– Кто сможет сделать это лучше человека, который живет с Мурбеллой? – сказала Одраде.

*У коррупции бесчисленное множество масок.
(Ту-дзен Тлейлаксу)*

Они не знают, о чем я думаю и что я могу сделать, думал Сциталь. Их *Вещающие Истину* не могут считывать мои мысли. Это была одна из немногих вещей, которые удалось спасти во время катастрофы, – способность к обману, которую Сциталь позаимствовал у лицеделов.

Сциталь неслышно передвигался по отведенным ему на корабле-невидимке апартаментам, присматриваясь, вынюхивая, измеряя и классифицируя свои наблюдения. Он тщательно изучал всех окружающих людей, стремясь тренированным взглядом выявить их пороки и недостатки.

Каждый Мастер Тлейлаксу знает, что Бог в любую секунду может послать испытание, чтобы испытать верность своего слуги.

Очень хорошо! Именно такое испытание и было ниспослано ему, Сциталю. Сестры Бене Гессерит, которые объявили, что приняли истинную веру, принесли ложную клятву. Они нечисты. У него нет больше соратников, которые могли бы очистить его перед возвращением из чужих мест. Он брошен, словно в клетку, во вселенную повиндах, он стал пленником слуг Шайтана, за ним охотятся шлюхи из Рассеяния. Но ни одно из этих исчадий зла не знает его ресурсов. Никто не знает, что Бог поможет ему в крайней нужде.

Я очищусь сам, Боже!

Когда женщины Шайтана освободили его из рук распутниц и поклялись, что дадут ему убежище и окажут всяческую помощь, он знал, что их обещания – ложь.

Чем тяжелее испытание, тем сильнее моя вера.

Всего несколько минут назад он видел сквозь сверкающий барьер, как Дункан Айдахо прогуливался по коридору. Силовой барьер, разделявший их, поглощал звуки, но Сциталь видел, как губы Айдахо произнесли проклятие. *Можешь проклинать меня, гхола, но это мы сделали тебя и мы используем тебя.*

Бог изменил план Тлейлаксу относительно этого гхола, произошла *Священная Ошибка*, но, в отличие от человеческих, планы Бога велики и непостижимы. Истинно верующие должны подстраиваться под планы Бога, а не требовать, чтобы промысел Господа следовал планам смертных.

Сциталь целиком посвятил себя этому испытанию, обновив святую молитву. Все было сделано без слов, старым тлейлаксианским способом *с'тори*. «Для того чтобы достичь состояния с'тори, не нужно понимание. С'тори существует без слов и даже без имени».

Чудо Господне было его единственным спасительным мостиком. Сциталь глубоко это чувствовал. Самый молодой Мастер в своем кехле, он знал, что именно ему выпадет это последнее и самое тяжелое испытание. Это знание было его силой, и он вспоминал о нем всякий раз, когда видел себя в зеркале. *Бог дал мне такую внешность специально для того, чтобы обмануть повиндах!* Детские черты лица и округлость тела были покрыты сероватой кожей, в которую был вкраплен металл, который препятствовал проникновению внутрь электромагнитных зондов. Невзрачная внешность вводила в заблуждение наблюдателей, которые не могли и предположить, какие силы накопились в Сцитале за время серийных перевоплощений. Только Сестры Бене Гессерит были способны носить в себе Чужую Память давно умерших людей, но этими ведьмами двигало зло.

Сциталь потер грудь, словно напоминая себе, что там спрятана величайшая тайна, причем спрятана так искусно, что на поверхности кожи не осталось даже маленького рубца. У каждого Мастера был такой источник – капсула с нулевой энтропией с живыми сохраненными клетками множества людей: Мастер из центрального кехля, лицеделы, технические специалисты и *многие*, многие другие, он точно это знал, были бы очень лакомым кусочком для этих невест Шайтана... и многих слабых повиндах! Здесь были Пауль Атрейдес и его возлюбленная Чани. (Сколько труда стоило разыскать одежду этих умерших людей, чтобы добыть их клетки!) Там был исходный Дункан Айдахо и другие миньоны – ментат Суфир Хават, Гурни Халлек, фрименский наиб Стилгар... множество потенциальных слуг и рабов для народа Тлейлаксу.

Ценное из ценного, то, что хранилось в капсуле с нулевой энтропией, – это лицеделы. От этой мысли захватывало дух. Великолепные лицеделы! Мимы высшего класса. Люди, в совершенстве умеющие записывать информацию с других людей. Они смогут обмануть даже ведьм из Бене Гессерит. Даже шир не мешает этим лицеделам считать нужную информацию.

Эта маленькая трубка была его властью, которую можно было бросить на чашу торговли в самый последний момент. Никто не должен знать о ней. Во всяком случае не теперь, когда он еще не знает всех пороков здешних обитателей и гостей.

В системе защиты корабля-невидимки было немало прорех, что было приятным открытием. На протяжении своих воплощений он собирал полезные навыки с такой же страстью, с какой другие Мастера Тлейлаксу собирали всякие приятные пустяки. Они всегда считали Сциталья слишком серьезным, но сегодня настал час оправдания.

Его всегда привлекало учение Бене Гессерит. Он накапливал знания о Сестрах на протяжении эпох. Он знал, что в этом учении содержится масса мифов и заблуждений, но вера в провидение Божье вела его вперед, и он знал, что его знания послужат Великой Вере, несмотря на все тяготы испытаний.

Часть своего каталога, касающегося Бене Гессерит, он назвал «Типичные», слово, взятое из частого замечания: «Это их типичный представитель».

Типичные были просто очаровательны.

Типичным для них было умение выносить буйное, но не угрожающее поведение других, которое они не допустили бы у себя. «Стандарты Бене Гессерит выше этого». Сциталь слышал это даже от одного из своих покойных коллег.

– У нас есть дар видеть себя такими, какими нас видят окружающие, – сказала однажды Одраде.

Сциталь включил это наблюдение в рубрику «типичных», но слова Одраде не согласовались с Великой Верой. Только Богу дано право видеть твою конечную сущность! Хвастовство Одраде отдавало высокомерием.

«Их ложь никогда не бывает случайной. Они предпочитают правду, она лучше служит их целям».

Он часто обдумывал эти слова. Сама Верховная Мать цитировала эти слова, как основное правило поведения Сестер Бене Гессерит. Оставалось фактом, что Сестры придерживались очень циничной точки зрения на правду. Верховная осмеливалась приписывать такое отношение кодексу Дзенсунни: «Чья правда? Как ее изменили? В каком контексте?»

Вчера они сидели в его апартаментах на корабле-невидимке. Он просил о встрече, чтобы «проконсультироваться по взаимным проблемам». Это был его эвфемизм для обозначения заключения сделки. Они были одни, если не считать вечных видеокамер и постоянно заходивших сестер-наблюдателей.

Его апартаменты были достаточно комфортабельны: три комнаты с выложенными плазом стенами, окрашенными в умиротворяющий зеленый цвет, мягкая кровать, стулья, специально уменьшенные в размерах для того, чтобы тлейлаксиянцу было уютно и комфортно.

Корабль-невидимка был изготовлен на Иксе, и его тюремщицы даже не подозревали, сколь много он знает об этом корабле. Я знаю о нем столько же, сколько иксианцы. Вокруг были иксианские машины, но не было видно ни одного иксианца. Мастер сомневался, что на Капитуле вообще присутствовал хотя бы один иксианец. Ведьмы славились тем, что самостоятельно управлялись со своим хозяйством.

Движения и речь Одраде были неторопливы и спокойны. «Они не импульсивны». Это тоже приходилось слышать довольно часто.

Она спросила, удобно ли ему здесь, и вообще проявляла максимум внимания.

Он оглядел гостиную.

– Я не вижу здесь ни одного иксианца.

В ответ она недовольно надула губы.

– Именно по этому поводу вы хотели со мной проконсультироваться?

Конечно же, нет, ведьма! Я просто решил поупражняться в искусстве отвлечения внимания. Ты же не ждешь от меня упоминания о вещах, которые я хотел бы скрыть. Тогда зачем бы мне обращать твое внимание на иксианцев, если я знаю, что вряд ли на корабле присутствуют опасные пришельцы, свободно разгуливающие по вашей трижды проклятой планете? Ах, мы, тлейлаксиянцы, очень долго поддерживали связи с хваленными иксианцами. Ты прекрасно это знаешь! Вы сами весьма часто наказывали иксианцев так, что они долго будут об этом помнить.

Технократы Икса будут не один раз сомневаться, прежде чем решатся вызвать раздражение Бене Гессерит, но они трижды проявят осторожность, прежде чем решатся возбудить гнев Досточтимых Матрон. Тайная торговля имеет место, и свидетельство тому – этот корабль-невидимка, но цена была сногшибательной, а переговоры о закупке весьма длительными и запутанными. Уж очень отвратительны эти шлюхи из Рассеяния. Они сами не прочь попользоваться Иксом, подумал Мастер Тлейлаксу. Видимо, Икс тайно сопротивляется шлюхам и заключает секретные соглашения с Бене Гессерит. Однако поле взаимодействия очень узко, а вероятность предательства очень высока.

Торговаться было непросто, и эти мысли приносили успокоение. Одраде пребывала в неустойчивом состоянии духа и несколько раз озадачивала его, уставившись на Мастера своеобразным взглядом, присущим только Преподобным Матерям Бене Гессерит.

Открой передо мной только маленькую щелку, а я уж сумею раскрыть ее пошире, думал Считаль. Дай мне моих лицеделов. Дай мне слуг, которые будут выполнять только мои приказания.

– Я хотел бы попросить об одном очень незначительном одолжении, – сказал он. – Мне нужен персональный комфорт, то есть, попросту говоря, мне нужны слуги.

Одраде вперила в него свой знаменитый взгляд выкормыша Бене Гессерит. Этот взгляд, казалось, проникал под кожу, срывая маски и покровы с любой тайны.

Но мою маску тебе не удастся сорвать.

Он видел, что его наружность вызывает у нее физическое отвращение, это было видно по тому, как она не спеша обводила взглядом его лицо. Он прекрасно понимал, о чем она думает. *Карликовая фигура, узкое лицо и глазки-пуговицы. Вдовий вид. Взгляд двинулся ниже. Крошечный ротик с острыми зубками и выдающимися вперед клыками.*

Считаль знал, что его внешность вполне соответствует внешности самых отвратительных героев человеческой мифологии. Должно быть, Одраде задает себе вопрос: *зачем Бене Тлей-лаксу выбрал для себя такую физическую внешность, если он может контролировать наследственность. Неужели они не могли подобрать для себя что-нибудь более впечатляющее?*

Это было сделано именно для того, чтобы беспокоилась по этому поводу повиндахская грязь!

Он немедленно подумал еще об одной *типичной* черте: «Бене Гессерит редко оставляет после себя грязь».

Лично он, Считаль, не один раз видел грязь, оставшуюся после пребывания и действий Бене Гессерит. *Стоит только посмотреть, что они натворили на Дюне! Спалили ее дотла только потому, что эти невесты Шайтана выбрали несчастную планету местом своего столкновения со шлюхами. Даже самые ревностные последователи нашего пророка получили свою мзду. Все были убиты!*

Он не смел даже подвести итог своим потерям. Ни одна из тлейлаксиянских планет не избежала участи Дюны. *И причиной этому – упрямство Бене Гессерит!* А теперь он должен проявлять чудеса терпимости – и только Бог служит ему здесь, в изгнании, опорой.

Он спросил Одраде о *грязи, разбрызганной на Дюне.*

– Это бывает только тогда, когда мы оказываемся в экстремальной ситуации.

– Только поэтому вы являетесь объектом насилия со стороны шлюх?

Она отказалась обсуждать эту тему.

Один из покойных друзей Считалья сказал однажды: «Бене Гессерит оставляет прямые следы. Вы можете думать, что они – сложные натуры, но если приглядеться повнимательнее, то станет ясно, что они сглаживают, трамбуют на своем пути все неровности».

Тот друг и многие другие были зверски убиты шлюхами. Надежда на его возрождение лежала в виде клеток в капсуле с нулевой энтропией. Велика цена мудрости мертвого Мастера!

Одраде же хотела получить больше информации о чанах с аксолотлями. О, как умно она формулировала свои вопросы!

Тяжело торговаться, когда ставкой является выживание, а каждый шаг дается с таким невероятным трудом. Что он получил за те крупницы знаний о чанах, которыми поделился с Верховной Матерью? Иногда Одраде выводила его из корабля на волю, но что за нужда? Для него вся планета была большой тюрьмой. Где мог он скрыться здесь от всевидящего ока ведьм?

Что они делают со своими чанами с аксолотлями? Он не был уверен в том, что знает это. Ведьмы лгут с такой профессиональной легкостью.

Не было ли ошибкой снабжать их даже ограниченной информацией? Теперь он понимал, что сообщил им нечто большее, нежели простые биотехнологические детали, которыми хотел первоначально ограничиться. Они определенно вывели заключение о том, каким образом Мастера добиваются хотя бы частичного бессмертия – в чанах постоянно выращиваются резервные гхола. Но и эта тайна потеряна! Он хотел вопить от отчаяния и бессильной ярости.

Вопросы... Очевидные вопросы.

Он парировал ее вопросы с помощью словесных споров о «необходимости иметь в распоряжении слуг-лицеделов и доступ к консоли управления системами корабля-невидимки».

Одраде отвечала уклончиво, но не уступала, проявив железную твердость, стараясь при этом выведать побольше про чаны с аксолотлями.

– Информация о производстве меланжи с помощью наших чанов могла бы заставить нас стать более либеральными по отношению к нашему гостю.

Наши чаны! Наш гость!

Эти женщины были похожи на пластиловую стену. Никаких чанов для его личного пользования. *Вся сила и власть Тлейлаксу исчезла как дым.* Эта мысль была нестерпимо грустной, вызвала волну жалости к себе. Он восстановил силы напоминанием: очевидно, что Бог испытывает его на прочность. *Они думают, что заманили меня в ловушку.* Но как болезненны их узы. Не будет слуг-лицеделов? Отлично. Он поищет других слуг. Не лицеделов.

Сциталь почувствовал нестерпимую боль за все свои прожитые в прошлом жизни, когда подумал о лицеделах, этих изменчивых рабах. *Да будут прокляты эти женщины и их притворная преданность Великой Вере! Вездесущие послушницы и Преподобные Матери, которые постоянно что-то вынохивают. Шпионки! А эти видеокамеры, натканные повсюду! Как это подавляет.*

Прибыв на Капитул, он чувствовал некоторую застенчивость в поведении своих тюремщиц, но их замкнутость стала угнетать, когда он попробовал проникнуть в механизмы, управляющие их жизнью, ее порядком. Позже он понял, что это круговая оборона, направленная наружу и готовая среагировать при малейшей угрозе. *Что наше, то наше, и чужакам вход сюда воспрещен!*

Сциталь распознал в этом основы родительского поведения, материнский взгляд ведьм на человечество. «Веди себя как следует, иначе ты будешь наказан!» Но наказания Бене Гесерит следовало всякими силами избегать.

Одраде продолжала требовать подробностей, и Сциталь сосредоточил свое внимание на еще одной типичной черте, которую ему удалось подметить и которая, по его мнению, была верной: они не способны любить. Он был вынужден согласиться с этим утверждением. Ни любовь, ни ненависть не поддаются чистому разуму, они иррациональны. Он расценивал эти эмоции, как темные фонтаны, заслоняющие солнце, как примитивные шутихи, окатывающие водой ничего не подозревающего человека.

Как невыносимо болтает эта женщина! Он смотрел на нее, не вникая в суть того, что она говорила. В чем ее порок, где искать в ней изъян? Была ли слабость в том, что они избегали слушать музыку? Не боялись ли они, что музыка пробудит в них эмоции? Отвращение к музыке носило характер условного рефлекса, но рефлекс могут и угаснуть. За время своих многих жизней ему приходилось видеть ведьм, которые с удовольствием наслаждались звуками музыки. Когда он спросил об этом Одраде, она стала горячиться, и он решил, что это деланная горячность, имеющая целью сбить его с толку.

– Мы не можем позволить себе отвлекаться на пустяки!

– Неужели вы никогда не пытались воспроизвести в памяти великие музыкальные произведения? Мне говорили, что в древние времена...

– Какая польза играть музыку на инструментах, которые неизвестны в наше время большинству людей?

– О? Но что это за инструменты?

– Где вы, к примеру, найдете сейчас фортепьяно? – Она все еще пребывает в притворном гневе. – Это страшный инструмент, его очень тяжело настраивать и еще труднее на нем играть.

Как мило она протестует.

– Я никогда не слышал об этом... как вы говорите: фортепьяно? Оно похоже на балисет?

– Они довольно отдаленные родственники. Но настроить этот инструмент можно только в очень приблизительном ключе. Он вызывает идиосинкразию.

– Почему вы упомянули именно это... фортепьяно?

– Потому что иногда я думаю, что это плохо, что у нас нет больше этого инструмента. Извлечь совершенство из несовершенства – разве не в этом заключается высшее искусство?

Совершенство из несовершенства! Она старается отвлечь его рассуждениями в духе Дзенсунни, пытаясь создать иллюзию, что разделяет Великую Веру. Его много раз предупреждали об этой особенности Бене Гессерит в ведении дел. Они приближаются к предмету под острым углом, до последнего момента скрывая, что именно служит предметом их поиска. Но сейчас он знал, что является предметом торга. Она хочет получить все его знания и ничего за это не заплатить. Но как соблазнительно звучат ее слова, какое это нестерпимое искушение.

Сциталь ощутил глубокое внутреннее беспокойство и тревогу. Ее слова так ясно выражали претензию Бене Гессерит на поиски совершенного человеческого общества. Итак, она думает, что может чему-то его научить! Еще одна типичная черта: «Они видят себя в качестве учителей».

Когда он выразил сомнение по поводу этих претензий, она ответила:

– Конечно, мы давим на общества, на которые влияем. Мы делаем это, поскольку можем разумно направлять наше давление.

– Я нахожу, что это диссонанс.

– Почему, Мастер Сциталь? Это очень распространенное явление. Правительства часто прибегают к этому средству, чтобы вызвать насилие по отношению к избранной цели. Вы и сами это делали! И видите, куда вас завело такое поведение.

Она осмеливается утверждать, что тлейлаксианцы сами навлекли на себя свои несчастья!

– Мы следуем урокам Великого Посланника, – сказала она, произнеся принятое в исламияте имя Пророка Лето Второго. Это слово прозвучало чужеродно для ее уст, но Сциталь был ошеломлен. Она знала, как тлейлаксианцы чтят Пророка.

Но я же сам слышал, как они называют его Тираном!

Продолжая говорить на исламияте, она спросила:

– Разве Его целью не было предотвращение насилия, разве он не преподавал нам всем ценный урок?

Она осмеливается шутить Великой Верой?

– Именно поэтому мы приняли его, – продолжала она. – Он не играл по нашим правилам, но он вел к нашей цели.

Она осмеливается говорить, что *она* принимает Пророка! Он не стал ей противоречить, хотя искушение было очень велико. Очень деликатная вещь – взгляд Преподобной Матери на себя и свое поведение. Он начал подозревать, что они постоянно подправляют свою точку зрения, никогда, впрочем, не отклоняясь от основного направления. Ни любви, ни ненависти к себе. Уверенность – да. Ошеломляющая самоуверенность. Но она не требует любви или ненависти. Она требует холодной головы и постоянной готовности менять свои взгляды, чего она и не скрывает. Такое поведение не требует похвалы. *Ты хорошо сделал свою работу? Но от тебя и не ждали ничего другого.*

– Воспитание Бене Гессерит закаляет характер.

Ну, это народная мудрость, очень популярная и типичная.

Он попытался завязать спор на эту тему.

– Но разве условные рефлексы Досточтимых Матрон не идентичны вашим? Взгляните на Мурбеллу!

– Ты хочешь обобщений, Сциталь?

Нет ли в ее тоне насмешки?

– Но разве нельзя рассматривать вашу вражду как столкновение двух условно-рефлекторных систем? – продолжил он.

– И победу одержит сильнейшая из них, не правда ли?

Определенно она издевается над ним!

– Но ведь дело всегда обстоит именно так. – Он с трудом сдерживал гнев.

– Надо ли воспитаннице Бене Гессерит напоминать тлейлаксиянцу, что тонкости и нюансы являются подчас очень опасным и мощным оружием? Разве вы не прибегали к обману? Притвориться напуганным, чтобы отвлечь врага и завлечь его в западню. Уязвимость можно создать.

Естественно! Она знает о тысячелетиях, в течение которых тлейлаксиянцы обманывали всех, стремясь создать себе репутацию ни на что не способных идиотов.

– И таким образом вы хотите справиться с нашими врагами?

– Мы намерены наказать их, Сциталь.

Какая неумолимая решимость!

То новое, что он узнал о Бене Гессерит, наполнило его дурными предчувствиями.

Одраде вывела его на прогулку под надежной охраной (в нескольких шагах позади них шли прокторы, отличавшиеся мощным сложением). Они остановились, чтобы посмотреть на маленькую процессию, вышедшую из ворот Центрального здания. Это были пять женщин Бене Гессерит. Две из них были в отороченной белой полосой одежде послушниц, три были одеты в серые платья и были незнакомы Сциталю. Женщины катили в один из садов тележку. Их обдувал пронизывающий, холодный ветер. С темных ветвей слетали запоздалые листья. На тележке лежал длинный белый сверток. Мертвое тело? Очень похоже по форме.

Он спросил об этом Одраде, и она угостила его рассказом о похоронном обряде Бене Гессерит.

Если человек умирал, то его погребали без всяких церемоний, с нарочитой небрежностью, свидетелями которой они стали. Не было никаких некрологов, ни потребности в ритуале. Это считалось пустой тратой времени. Разве память Сестры не живет в памяти других членов Бене Гессерит?

Он начал было спорить, что это неподобающее поведение, не почтительное по отношению к мертвым, но Одраде прервала его излияния:

– Что касается феномена смерти, то не надо забывать, что все атрибуты жизни временны и преходящи, как и мирские привязанности. Мы преобразуем память в Другие Памяти. Вы делаете нечто подобное, Сциталь. Теперь мы хотим включить кое-что из ваших трюков в наш арсенал. О да. Так мы думаем о вашем знании. Оно просто модифицирует некий паттерн.

– Это непочтительная по отношению к усопшим практика!

– В ней нет ничего непочтительного. Они возвращаются в прах, где по крайней мере могут стать удобрием. – После этого она продолжала описывать процедуру, не дав ему возможности протестовать.

То, что он видит, есть обычная рутинная практика, говорила Одраде. В сад привозят большой механический бур, который высверливает в земле подходящее по размеру отверстие. Тело хоронится в это отверстие вертикально, а сверху высаживается плодородное дерево. Сад спланирован в виде решетки, в углу находится кенотафий, где установлен указатель захоронений. Сциталь увидел кенотафий, когда Одраде указала на него рукой. Это был темно-зеленый куб высотой около трех метров.

– Я думаю, что это тело захоронено на участке С-21, – сказала она, глядя, как вращается бур, а похоронная команда терпеливо ждет, когда его работа закончится. – Этот труп послужит удобрением для яблони.

Как безбожно счастлива была эта женщина, произнося свои кошунственные слова!

Бур вытащили из свежей могилы, наклонили тележку, и тело соскользнуло в скважину. Одраде принялась напевать какую-то мелодию.

Сциталь был поражен.

– Вы говорили, что воспитанницы Бене Гессерит избегают музыки.

– Это просто старинная песенка.

Бене Гессерит оставался загадкой, и более того, он видел теперь слабость типизации. Как можно вести дела с людьми, образцы поведения которых не следуют общепринятым нормам? Ты можешь сколько угодно воображать, что понимаешь их, но каждый раз они вдруг начинают двигаться в совершенно неожиданном направлении. Они нетипичны! Попытка понять их приводила к нарушению чувства упорядоченности. Он был теперь уверен, что не получил ничего существенного в результате сложных переговоров. Он получил только немного больше свободы, которая в действительности была лишь иллюзией свободы. Ничего, что он хотел бы получить, он не получил от этой ведьмы с ледяным непроницаемым лицом. Какая это мука – пытаться по кусочкам собирать что-то целое из того, что он знал о Бене Гессерит. Например, они утверждали, что обходятся без бюрократической системы и практически не ведут никаких записей. За исключением, разумеется, архивных, которые находятся в ведении Беллонды. Каждый раз, когда он заговаривал об этом, Одраде отмахивалась, говоря: «Боже, сохрани нас» или что-нибудь в этом же роде.

– Но как вы ведете дела без чиновников и документов? – В голосе Мастера прозвучало искреннее недоумение.

– Если надо что-то сделать, мы просто делаем это. Например, надо похоронить Сестру. – Одраде показала рукой на сцену погребения в саду. Послушницы, вооружившись лопатами, засыпали свежую могилу. – Вот так все и делается. Всегда находятся люди, готовые нести ответственность. Они прекрасно знают, кто они и за что отвечают.

– Но кто соединяет эти разрозненные?..

– Здесь нет ничего разрозненного! – перебила его Одраде. – Это часть нашего образования. Руководят обычно Сестры, не сумевшие стать Преподобными Матерями, а исполнителями являются послушницы.

– Но они... Я хочу сказать, не вызывает ли у них отвращение такая работа? Сестры-неудачницы, говорите вы. И послушницы. Это больше похоже на наказание, чем на...

– Наказание! Продолжайте, продолжайте, Сциталь. Вы все время дуete в одну и ту же дуду? – Она снова протянула руку в направлении могилы. – После ученичества все наши люди охотно берутся за любую работу.

– Но... э-э-э... отсутствие бюрократии...

– Мы не настолько глупы, как вам кажется!

Он снова ничего не понял, но Одраде развеяла его молчаливое недоумение:

– Вы, без сомнения, знаете, что бюрократы, заняв командные посты, немедленно превращаются в прожорливую аристократию.

Сциталь все равно не понимал, что все это значит. К чему она хочет его склонить?

Он молчал, и Одраде снова заговорила:

– Общество Досточтимых Матрон несет на себе все признаки бюрократии. Министры того, Великая Досточтимая Матрона этого, кучка властителей наверху и масса функционеров внизу. Все они полны подростковой алчности. Подобно жестокому и прожорливому хищнику, они не понимают, как уничтожают свои жертвы. Это очень тесное соотношение: уменьшите

количество жертв, которыми вы питаетесь, и ваши структуры начнут пожирать друг друга. Вся конструкция неминуемо рухнет.

Для Считалья было откровением такое глубокое понимание сущности Досточтимых Матрон, которое только что высказала Одраде.

– Если вы останетесь в живых, Считаль, то увидите, как все, что я говорю, воплотится в реальность. Эти ни о чем не размышляющие женщины издают яростные воинственные кличи, хотя им давно уже пора переходить к обороне. Они предпримут массу усилий, чтобы выжать все возможное из своих жертв. Они будут захватывать все больше и больше пленных! Беспощадно их давить! Но это путь к гибели. Айдахо говорит, что они уже находятся на стадии умирания.

Это говорит гхола? Так, значит, она использует его как ментата!

– Откуда вы набрались таких идей? Не ваш же гхола их породил? – Пусть она продолжает верить, что это их гхола!

– Он только подтверждает наши оценки. Мы давно готовы к этому – нас предупредила наша обширная память.

– О, вот как? – Упоминание о Другой Памяти вызвало у него беспокойство. Истинны ли их утверждения об этой памяти? Воспоминания о его собственных прошлых жизнях имели для Считалья несравнимую ценность. Требовалось подтверждение.

– Мы все помним модель пищевой цепочки – кролики и рыси. Популяция рысей растет вслед за ростом популяции кроликов, но излишнее переедание приводит к вымиранию хищников, поскольку уменьшается поголовье кроликов. Это и есть умирание.

– Это очень интересный термин – «умирание».

– Он описывает наши намерения относительно Досточтимых Матрон.

Их встреча окончилась ничем. Считаль не получил ничего и пребывал в растерянности. Неужели они действительно намерены искоренить Досточтимых Матрон? Проклятая женщина! Он не мог поверить ни одному ее слову.

Вернувшись на корабль, Считаль долго стоял перед Защитным Барьером, вглядываясь в длинный коридор, по которому иногда проходили Айдахо и Мурбелла по пути в тренировочный зал. Они всегда выходили оттуда, тяжело дыша и вытирая пот.

Но на этот раз его собратья по заключению не появились, хотя он топтался в коридоре битый час.

Она использует гхола в качестве ментата! Это значит, что он имеет доступ к консоли управления системами корабля. Определенно она не может лишить ментата источников информации. Мне необходимо изобрести способ сблизиться с Айдахо. Есть особый свистящий язык, которым можно воздействовать на любого гхола. Но не надо проявлять нетерпение и беспокойство. Надо сделать небольшую уступку в торговле с ведьмами. Надо пожаловаться, что у меня слишком тесные апартаменты. Они же видят, как плохо я переношу заточение.

*Образование не заменяет ум – то неуловимое качество, которое лишь частично определяется как способность разгадывать головоломки. Основная задача ума состоит в создании новых головоломок, когда чувства сообщают вам о недостаточности традиционных определений.
(Первый урок ментата)*

Луциллу привезли к Великой Досточтимой Матроне в цилиндрической клетке. Точнее, даже в двух клетках, вставленных одна в другую. К стенкам внутренней клетки Луцилла была привязана сеть из проволоки шиги.

– Я – Великая Досточтимая Матрона, – приветствовала Луциллу женщина, сидящая в массивном черном кресле.

Маленькая женщина в золотисто-красном трико.

– Ты посажена в клетку для твоей же безопасности, на тот случай, если вздумаешь применить по отношению к нам Голос. Мы не восприимчивы к нему. Наша невосприимчивость представляет собой рефлекс. Мы убиваем. Очень многие из вас погибли из-за Голоса. Мы знаем, что такое Голос, и умеем им пользоваться. Помни об этом, когда тебя выпустят из клетки.

Рукой она сделала знак слугам, которые внесли клетку.

– Уходите!

Луцилла осмотрелась. В комнате нет ни одного окна. Помещение почти квадратное. Под потолком плавают несколько серебристых светильников. Стены выкрашены в ядовито-зеленый цвет. Типичная камера для допросов. Этаж, по-видимому, высокий. Клетку доставили сюда на пневматическом лифте незадолго до рассвета.

В стене за спиной Великой Досточтимой Матроны отодвинулась в сторону плита, и в помещение по скрытым до того рельсам вкатилась кубическая клетка. В ней стояло какое-то существо, которое Луцилла поначалу приняла за обнаженного мужчину. Но вот существо оглянулось и посмотрело на нее.

Футар! Она разглядела широкое лицо и выступающие клыки.

– Хочу, чтобы мне почесали спинку, – произнес футар.

– Хорошо, милый, попозже я почешу тебе спинку.

– Хочу есть, – продолжал говорить футар, глядя на Луциллу горящим взглядом.

– Позже, милый.

Футар продолжал буравить Луциллу взглядом.

– Ты погонщик? – спросил он.

– Нет, она точно не погонщик!

– Хочу есть, – настаивал на своем футар.

– Я же сказала: позже! Пока посиди в клетке и помурлыкай.

Футар скорчился на дне клетки и принялся издавать горловые рокочущие звуки.

– Не правда ли, они очень мило мурлыкают. – Вопрос был риторическим и не требовал ответа.

Присутствие футара смутило и озадачило Луциллу. Эти твари были выведены для того, чтобы охотиться на Досточтимых Матрон и убивать их. Но здесь эта тварь сидела в клетке.

– Где вы поймали его? – спросила Луцилла.

– На Гамму. – Великая Матрона рассудила, что этим признанием не откроет никакой важной тайны.

А это Связка, подумала Луцилла. Она рассмотрела планету, когда они подлетали к ней на лихтере.

Футар перестал мурлыкать.

– Хочу есть, – прорычал он.

Луцилла и сама не отказалась бы от еды.

Ее не кормили три дня, и она с трудом справлялась с болезненным чувством голода. В клетке была раковина, в которой было немного воды, но и она уже кончилась. Слуги, доставившие ее сюда, издевательски шутили: «Футары любят тощее мясо».

Но больше всего неприятностей доставляло отсутствие меланжи. Первые признаки абстиненции появились сегодня утром.

Скоро мне придется убить себя.

Люди с Лампадас в ее памяти умоляли Луциллу потерпеть. *Будь храброй. Вдруг эта дикая Преподобная Мать не сможет с нами справиться?*

Королева пауков. Так называла Одраде эту женилицу.

Оперевшись подбородком на руку, Великая Досточтимая Матрона продолжала внимательно рассматривать Луциллу. Подбородок был маленьким, избобличая слабую волю. Никаких положительных черт в ее лице не было, поэтому внимание привлекали отрицательные.

– В конце концов вы проиграете, – произнесла Великая Досточтимая Матрона после недолгого молчания.

– Посвисти на кладбище, – сказала Луцилла в ответ. – Это принесет тебе удачу.

На лице Матроны появилось приторно-вежливое выражение. *Как это интересно.*

– Любой из моих адъютантов убил бы тебя за такие слова, поэтому-то я отослала их. Мне любопытно, зачем ты это сказала?

Луцилла посмотрела на стоявшего на четвереньках футара.

– Футары появились не вдруг. Они выведены целенаправленно из животных определенного вида.

– Поосторожнее на поворотах! – В глазах Матроны заплескали рыжие огоньки.

– Для выведения футаров потребовалась смена многих поколений, – продолжала как ни в чем не бывало Луцилла.

– Мы охотимся за ними ради собственного удовольствия!

– Значит, охотник превратился в жертву.

Великая Досточтимая Матрона вскочила с кресла. Глаза пылали оранжевым огнем. Футар забеспокоился и принялся выть. Этот вой успокоил женщину. Она медленно опустилась в кресло. Рука протянулась в сторону клетки с футаром.

– Все в порядке, милый, скоро ты поешь, и я поглажу тебе спинку.

Футар снова принялся мурлыкать.

– Итак, ты думаешь, что мы прибыли сюда как беженцы, – сказала Великая Досточтимая Матрона. – Да, и не смей этого отрицать.

– Черви часто возвращаются, – произнесла Луцилла.

– Черви? Ты имеешь в виду тех чудовищ, которых мы уничтожили на Ракисе?

Это была попытка задеть Матрону за живое и спровоцировать ее на насилие. Надо как следует вывести ее из себя, и она точно решится на убийство.

Мы очень просим тебя, Сестра, потерпи, в один голос кричали Сестры с Лампадас.

Вы думаете, что я смогу ускользнуть отсюда? Этот вопрос заставил почти всех замолчать, но один тихий голос продолжал протестовать. *Помни, что мы – подобие древней статуэтки: семь раз мы падали, но восемь раз поднимались.* Возникла ассоциация с маленькой терракотовой статуэткой улыбающегося Будды, сложившего руки на толстом округлом животе.

– Очевидно, ты имеешь в виду отпрысков Бога-Императора, – сказала Луцилла. – Но я имею в виду совершенно другое.

Великая Досточтимая Матрона задумалась. Рыжие блики исчезли из ее глаз.

Она играет со мной, подумала Луцилла. *В действительности она хочет убить меня и скормить своему зверю.*

Но подумай о тактически важной информации, которую ты сможешь получить и которой сможешь воспользоваться, если удастся бежать!

Мы! В этом возгласе одинокого протестанта была точность. Ее доставили с лихтера на планету прошедшим днем. Подходы к логову Великой Досточтимой Матроны были спланированы так, чтобы затруднить доступ к ней. Однако планировка немало позабавила Луциллу своей древностью и примитивностью. Сужение дорог, по обочинам которых высились сторожевые башни, похожие на грибы, выбросившие свои спорангии в нужных местах мицелия. В стратегически важных пунктах были устроены крутые повороты, преодолеть которые на высокой скорости не могло бы ни одно транспортное средство.

Она вспомнила, как Тег критиковал оборонительную систему планеты Связки. Чудовищно неразумная оборона. При наличии тяжелого вооружения или мобильных соединений преодолеть такую оборону – пара пустяков. Конечно, там были разветвленные подземные коммуникации, но их вполне можно было взорвать. Связать их, лишить источников снабжения – и долго они не продержатся. *Энергия перестанет поступать по вашим трубам, идиотки!*

Однако видимость безопасности была, и Досточтимые Матроны крепко держались за эту иллюзию. Она придавала им уверенность! Должно быть, охрана тратила массу усилий на создание у этих женщин ложного чувства безопасности.

Коридоры! Помни о коридорах.

Да, в этом гигантском здании были огромные, просторные коридоры, по которым могли проехать громадные чаны, в которых были вынуждены существовать Гильд-навигаторы. Система вентиляции должна быть рассчитана на повышенную нагрузку, чтобы быть в состоянии удалять меланжевый газ, который распространялся вокруг навигаторов. Луцилла явственно представила себе огромные люки, которые открывались и захлопывались со страшным звоном, гулким эхом отдававшимся под сводами исполинских коридоров. Члены Гильдии были невосприимчивы к громким звукам. Кабели передачи энергии выглядели как толстые черные змеи, которые, извиваясь, вползали в каждое помещение, мимо которого проносили Луциллу по пути в зал Великой Досточтимой Матроны. Сделано это было, по всей видимости, для того, чтобы прибывшие сюда навигаторы поменьше совали нос в чужие дела, передвигаясь по зданию.

Многие из обитателей носили на руках проводники-напульсники. Даже Досточтимые Матроны. Иначе здесь можно было заблудиться. Все расположено здесь в одном месте, под крышей фаллической башни. Новые обитатели нашли эту форму привлекательной. Надежно изолированные от грубой окружающей действительности, выходящие наружу только за тем, чтобы убить кого-нибудь или понаблюдать, как рабы трудятся или исполняют свою дикарскую музыку. Под всем этим великолепием Луцилла смогла разглядеть убогость и ветхость – Досточтимые Матроны предпочитали не тратить на поддержание порядка в своем логове. *Они почти ничего здесь не изменили. План, который составил Тег, точно соответствует нынешней планировке.*

Смотри, какую ценность могут иметь твои наблюдения.

Великая Досточтимая Матрона очнулась от своей задумчивости.

– Вполне возможно, что я сохраню тебе жизнь. Но только при условии, что ты удовлетворишь мое любопытство.

– Откуда ты знаешь, что я не отвечу на твое любопытство потоком дерьма?

Эта вульгарность поразила Досточтимую Матрону. Она едва не расхохоталась. Очевидно, ее никто не предупреждал о том, каковы бывают воспитанницы Бене Гессерит, когда прибегают к откровенной грубости. Предполагалось, что сама мотивация к такому поведению была чем-то отвратительным. *Это же не Голос, правда? Она думает, что Голос – это мое единственное крайнее средство.* Великая Досточтимая Матрона сказала и сделала достаточно для того, чтобы любая Преподобная Мать могла ею управлять по своему усмотрению. Язык тела и жестов всегда несет в себе больше информации, чем нужно для понимания. Эту неизбежную информацию нельзя было терять.

– Вы не находите нас привлекательными? – спросила Великая Досточтимая Матрона.

Станный вопрос.

– Все люди из Рассеяния отличаются известной привлекательностью.

Пусть она думает, что я видела многих из них, включая и ее врагов.

– Вы экзотичны. Я хочу сказать, что вы отличаетесь странностью и новизной для нас.

– Как вы относитесь к нашему сексуальному искусству?

– Это, конечно, создает вам определенную ауру. Некоторые находят это магнетическим и волнующим.

– Но вы так не считаете?

Говори о подбородке! Это было требование Другой Памяти с Лампадас. *Почему нет?*

– Я внимательно изучила ваш подбородок, Великая Досточтимая Матрона.

– Вот как? – В возгласе явное удивление.

– Очевидно, что вы сохранили детскую форму подбородка, и вам следует гордиться таким напоминанием о юности.

Она вовсе не довольна таким сравнением, но старается этого не показать. Что ж, бей снова в подбородок.

– Могу держать пари, что ваши любовники часто целуют вас именно в подбородок, – продолжала Луцилла.

Теперь она в гневе, но не спешит это выказать. Начинай же мне угрожать! Еще одно предупреждение насчет Голоса!

– Поцеловать подбородок, – сказал вдруг футар.

– Я же сказала – позже, милый. А теперь заткнись!

Выместила зlobу на этом бедном животном.

– Но вы говорили, что у вас есть вопросы, которые вы хотели бы мне задать, – сладким голосом спросила Луцилла. Еще один предупредительный сигнал для тех, кто понимает. *Я из тех, кто кропит на всех сахарным сиропом. «Как вы великолепны! Какое удовольствие для нас общаться с вами. Разве это не прекрасно? Вы так умны, что смогли купить это по такой дешевой цене! Да так легко и так быстро». Держись такой манеры и дальше.*

Великая Досточтимая Матрона немедленно собрала в кулак свою волю. Она чувствовала, что теряет свое моральное преимущество, но не могла осознать, как именно. Она прикрыла свою растерянность загадочной улыбкой, потом заговорила:

– Но я же сказала, что освобожу тебя.

Она нажала кнопку в ручке кресла, и клетка из шиги открылась, в тот же миг из пола выдвинулось маленькое кресло в одном шаге от выхода из клетки.

Луцилла уселась в него, едва не касаясь коленями своей тюремщицы. *Ноги. Помни, они убивают ногами.* Она произвольно согнула пальцы, вдруг поняв, что сжала кулаки. Черт бы побрал это напряжение!

– Тебе надо поесть и попить, – сказала Великая Досточтимая Матрона. Она нажала в ручке кресла другую кнопку. Перед Луциллой появился поднос – тарелка, ложка, стакан с красноватой жидкостью.

Как она хвастается своими игрушками.

Луцилла взяла с подноса стакан.

Яд? Надо сначала понюхать.

Она принялась. Обычный чай и меланжа! *Как я голодна!*

Луцилла поставила на поднос пустой стакан. На языке остался горький привкус Пряности. *Что она делает? Усыпляет мою бдительность?* Меланжа принесла с собой улучшение самочувствия. Тарелка соблазняла бобами в пикантном соусе. Она съела все, попробовав блюдо и убедившись после первого глотка, что в пище нет нежелательных примесей. Чесночный соус. В какую-то долю секунды она вспомнила об этом блюде – добавка, оберегающая от оборотней и предупреждающая вздутие живота.

– Находишь ли ты нашу еду приятной?

Луцилла вытерла подбородок.

– Она очень хороша. Вас следует похвалить за выбор повара.

Никогда не хвали самого повара. Его можно заменить, а хозяйку нет.

– Чесночный соус просто великолепен.

– Мы кое-что узнали из книг уцелевшей на Лампадас библиотеки.

Это была издевка: видишь, чего вы лишились?

– Правда, в этом хламе было мало чего интересного.

Уж не хочет ли она, чтобы я стала ее библиотекарем? Луцилла молча ждала продолжения.

– Некоторые из моих помощниц полагают, что в библиотеке можно найти ключ к доступу в гнездо ведьм или способ их уничтожения. Но книги написаны на таком множестве языков!

Значит, ей нужен переводчик? Притворись тупицей!

– Что вас интересует?

– Очень немного. Кому могут быть нужны сведения о Джихаде Слуг?

– Они уничтожали все библиотеки.

– Не будь ко мне снисходительной!

Она умнее, чем мы могли предполагать. Продолжай притворяться тупой и глупой.

– Мне казалось, что здесь я – объект снисхождения.

– Слушай меня внимательно, ведьма! Ты думаешь, что ты можешь быть беспощадной при защите своего гнезда, но ты просто не представляешь себе, что значит быть беспощадной.

– Мне кажется, что вы так и не сказали мне, чем я могу удовлетворить ваше любопытство.

– Мы хотим знать все о вашей науке, ведьма! – Голос Великой Досточтимой Матроны снизился до свистящего шепота. – Давай будем благоразумными. С твоей помощью мы сможем осуществить утопию.

Покорить всех своих врагов и каждый раз достигать оргазма.

– Вы полагаете, что ключи к утопии держит в своих руках наука?

– Да, и кроме того, наука поможет нам лучше организовать дело.

Помни: бюрократия стимулирует конформизм... Сделай это, и «фатальная глупость» получит статус официальной религии.

– Как это ни парадоксально, Великая Досточтимая Матрона, но наука должна нести с собой инновации. Она приносит с собой изменения. Вот почему наука находится в состоянии вечной войны с бюрократией.

Знает ли она свои корни?

– Но подумай о власти! Подумай о том, чем ты сможешь управлять!

Нет, она не знает этого.

Представления Досточтимой Матроны об управлении очаровали Луциллу. Вы контролируете свою вселенную, но не пытаетесь найти равновесие с ней. Вы смотрите наружу, но никогда внутрь. Вы не задумываетесь над нюансами своих ощущений, вы применяете мускульную силу против всего, что вам кажется препятствием на вашем пути. Эти женщины слепы?

Луцилла молчала, и Досточтимая Матрона снова заговорила:

– В библиотеке мы нашли много материалов о Бене Тлейлаксу. Вы много работали вместе с ними, ведьма. Это были разнообразные проекты: как свести к минимуму наблюдаемость корабля-невидимки, как проникнуть в тайну живой клетки, мы хотим знать, что такое Защитная Миссия, которую вы иногда называете Языком Божиим.

Луцилла натянуто улыбнулась. Неужели они всерьез полагают, что Бог существует где-то вне человека? *Подвергни ее маленькому испытанию! Прояви искренность.*

– Мы никогда не объединялись с Тлейлаксу. Ваши люди неправильно истолковали полученные сведения. Вы очень беспокоитесь, что попадете под наше покровительство? Но как, по-вашему, к этому отнесется Бог? Мы насаждаем защитные религии, чтобы помочь себе. В этом и состоит задача Защитной Миссии. У Тлейлаксу есть только одна религия.

– Вы организуете религии?

– Не совсем так. Организационный подход к религии всегда отдает апологетикой. Мы же не склонны к апологиям.

– Ты начинаешь действовать мне на нервы. Ты меня утомляешь. Почему мы нашли так мало материалов о Боге-Императоре?

Вот оно!

– Вероятно, ваши люди уничтожили эти материалы.

– Ага, значит, вы всегда им интересовались и продолжаете интересоваться.

Так же, как и вы, мадам Паучиха!

– Могу предположить, Великая Досточтимая Матрона, что Лето Второй и его Золотой Путь являются предметом пристального изучения во всех ваших учебных центрах.

Это жестоко!

– У нас нет учебных центров!

– Меня удивляет ваш интерес к его персоне.

– Это обычное любопытство, не более того.

Как и этот футар, который упал с ветки после удара молнией.

– Мы называем его Золотой Путь «бумажным змеем». Он пустил его на волю ветров и сказал: вот, смотрите, куда он полетел. Это мы и называем Рассеянием.

– Некоторые предпочитают называть его Поиском.

– Неужели он мог действительно предсказывать будущее? Это интересует вас?

В яблочко!

Теперь Великая Досточтимая Матрона у нее в руках.

– Мы говорим, что Муад'Диб сотворил будущее, но Лето Второй развенчал его.

– Но если бы я могла знать...

– Прошу вас, Великая Досточтимая Матрона! Люди, которые требуют, чтобы оракул предсказал события их жизни, в действительности хотят знать, где спрятано сокровище.

– Но это же естественно!

– Если вы знаете ваше будущее, то ничто в жизни уже не сможет вас удивить. Это так?

– Не требовалось так много слов, чтобы утверждать эту истину.

– Таким образом, вы не хотите будущего, вы хотите вечного сохранения настоящего.

– Я не могла бы высказать это лучше, чем ты.

– И после этого вы говорите, что я утомляю вас.

– А-а-а... О, но это вовсе не то, что я имела в виду.

– Тогда боюсь, что я не понимаю, чего вы от меня хотите, Великая Досточтимая Матрона.

– Это не имеет значения. Мы вернемся к этому вопросу завтра.

Это отсрочка!

– Возвращайся в клетку, – приказала ей Великая Досточтимая Матрона.

– А поесть? – жалобно проскулил футар.

– Очень вкусная еда ожидает тебя внизу, а потом я почешу тебе спину, милый.

Луцилла вошла в клетку. Великая Досточтимая Матрона бросила вслед подушку с кресла.

– Это защитит тебя от шиги. Говори после этого о моей жестокости. Видишь, я могу быть и доброй?

Дверца клетки захлопнулась со звонким щелчком.

Футар вместе со своей клеткой убрался в отверстие стены, которое было тотчас закрыто плитой.

– Они становятся такими беспокойными, когда испытывают голод, – сказала Великая Досточтимая Матрона. Она открыла дверь, потом вернулась и некоторое время рассматривала Луциллу. – Здесь тебя никто не побеспокоит. Я запретила кому бы то ни было входить сюда без моего разрешения.

Многие вещи, которые мы делаем естественно, становятся трудными, как только становятся объектом нашего интеллекта. О предмете надо знать так много, что мы начинаем чувствовать свое полное невежество.

(Второй урок ментата)

Периодически Одраде обедала вместе с послушницами в их столовой в присутствии прокторов-воспитателей. То были самые внимательные надзиратели в *темнице сознания*, из которой многим из них не суждено вырваться до конца дней.

Мысли и действия послушниц служили для Верховной Матери самым точным индикатором того, насколько четко в действительности функционирует Капитул. В отличие от Преподобных Матерей послушницы реагировали на происходящее, в большей степени основываясь на своих настроениях и предчувствиях. Полные Сестры не так хорошо поддавались наблюдению в свои худшие моменты. Они не стремились скрывать свои переживания, но любая из них могла пойти погулять в сад или прикрыть дверь своих апартаментов, чтобы стать недоступной наблюдению.

Послушницы не могли позволить себе такую роскошь.

В эти дни у обитателей Центрального Здания было весьма мало свободного времени. Даже в столовых люди занимались делом, невзирая на время дня и ночи. Рабочие смены шатались от усталости, и Преподобные Матери могли легко приспособить свой дневной ритм к времени отдыха. Одраде не могла тратить энергию на такие пустяки, как регулировка циркадного ритма. Вечером во время ужина она остановилась на пороге столовой и услышала быстро прокатившийся по рядам столов шум.

Многое можно было сказать по тому, как послушницы в последний момент отправляли пищу себе в рот. Куда смотрит девушка, пока вилка движется ко рту? Быстро ли она наколола пищу на вилку и жует, перед тем как судорожно проглотить комок? Стоило пристально понаблюдать за одной из послушниц. В последнее время ее преследовали неудачи. А вот еще одна, которая жует с таким видом, словно никак не может понять, как можно прятать яд в такую пищу. В глазах ум и способность к творчеству. Надо испытать ее на более трудном поприще.

Одраде вошла в зал.

Пол обеденного зала напоминал шахматную доску – он был выложен черными и белыми плитами плаза, которые отличались невероятной прочностью, их было невозможно поцарапать. Послушницы говорили, что Преподобные Матери специально сделали пол таким, превратив его в игровое поле. «Ставим одну послушницу здесь, другую там, третью по центру и начинаем двигать фигуры. Победитель получает все».

Одраде присела на угол одного из столов у западных окон. Послушницы несуетливо освободили ей место.

Этот зал располагался в старейшей части здания Капитула. Стены были облицованы деревом, огромные балки, выкрашенные в потускневший черный цвет, поддерживали высокий потолок. Балки имели в длину не менее двадцати пяти метров и шли, не прерываясь, от одной стены к другой. Сделаны были эти потолочные балки из специально выведенного дуба, который рос по направлению к солнцу, достигая исполинской высоты. Часть ствола таких дубов, лишенная ветвей, достигала в высоту тридцати метров, в обхвате ствола были не менее двух метров. При постройке дома одновременно высаживались новые дубы, чтобы со временем менять старые балки, потерявшие прочность. Средний срок службы их составлял тысячу девятьсот стандартных лет.

Как внимательно смотрели на Одраде послушницы, в то же время стараясь не рассматривать ее прямо.

Одраде повернула голову и взглянула в западное окно. Солнце садилось за горизонт. *Опять пыль.* Дыхание Пустыни превратило солнце в пылающий шар, похожий на уголь, который в любой момент может неожиданно полыхнуть огнем.

Одраде подавила вздох. Подобные мысли пробуждали в душе старый кошмар: *пропасть и туго натянутый над ней канат.* Она знала, что стоит ей закрыть глаза, как она снова увидит себя балансирующей над бездной. Преследователь с топором подбирался все ближе и ближе!

Послушницы, которые ели рядом, проявляли беспокойство, словно чувствуя смятение Верховной Матери. Возможно, они действительно это чувствовали. Одраде услышала шорох платьев, и это отвлекло ее от мыслей о вечном ночном кошмаре. Она прислушалась к каким-то новым звукам в Центральном Здании. Это был шорох, скрип двигавшихся стульев. Вот открылась дверь кухни. Опять шорох. Персонал кухни жалуется на вечный песок и «проклятую пыль».

Одраде опять посмотрела в окно на источник этого раздражения: ветер снова дул с юга. Горизонт был заслонен пеленой цвета загара и почвы. После такого ветра отложения пыли и песка можно будет обнаружить на углах здания и на подветренной стороне окрестных холмов. В воздухе стоял запах кремния, щелочной запах раздражал ноздри.

Она посмотрела на поднос, поставленный перед ней послушницей.

Одраде искренне порадовалась, что сможет сегодня нормально поесть. В рабочем кабинете, из-за нехватки времени, приходилось ограничиваться наскоро приготовленной сухомяткой. Когда она ела в кабинете, послушницы приносили еду и уносили остатки так тихо, бесшумно и быстро, что она временами не успевала понять, когда и как все это происходило. Здесь же ужин был временем, когда можно было расслабиться и поговорить. Иногда шеф-повар Дуана приходила в негодование: «Вы плохо едите». Одраде обычно прислушивалась к этим упрекам. Наблюдатели делали свое дело.

Сегодня ужин состоял из жаркого из слиньи, приправленного соусом из сои и мелассы, с добавлением небольшого количества меланжи, базилика и лимона. Зеленый горошек плавал в соусе с перцем. На третье подали темно-красный виноградный сок. Она откусила кусок жаркого и нашла его вполне сносным, хотя и несколько пережаренным на ее вкус. Повара послушниц явно не ориентировались на вкус Верховной Матери.

Почему меня преследует мысль, что я чувствую в еде что-то лишнее?

Она проглотила кусок и почувствовала добавки. Эта еда предназначалась не только для того, чтобы насытить аппетит Верховной Матери. Кто-то на кухне поинтересовался ее обычным меню и решил возместить недостающее.

Еда – это ловушка, подумала Одраде. *Она вызывает большее пристрастие, чем любой наркотик.* Она не одобряла хитрости, к которым прибегали повара Капитула, скрывавшие, что именно они добавляют в еду для «блага едящих». Они, конечно, знали о том, что Верховная Мать может определить присутствие в еде любой добавки и изменить в нужную сторону свой обмен веществ. Вот и сейчас они внимательно наблюдают за ней, чтобы узнать, как отнесется Верховная к их стряпне.

За едой она прислушивалась к разговорам за соседними столами. Никто не действовал ей на нервы – ни поведением, ни голосом. Шум от разговоров был точно таким же, каким до ее прихода. Болтуны укорачивали язычки и немного приглушали голос, когда Верховная посещала столовую.

Большинство этих головок были заняты одним вопросом: «Зачем она пришла сюда сегодня?»

Одраде чувствовала, что в поведении рядом сидящих послушниц сквозит благоговение. Это чувство Верховная Мать временами использовала в своих целях. Трепет и благоговение подобны остию ножа. Послушницы (как докладывали прокторы) часто шептались между собой, говоря: «Она имеет Таразу». Они говорили о том, что Тараза была в свое время шефом и старшим товарищем Одраде. Они были исторической парой, их пример изучался всеми новичками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.